Враги И союзники

Р. Пономаренко

12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд»

Hitlerjugend

12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд»

Р.О. Пономаренко

12-я ТАНКОВАЯ ДИВИЗИЯ СС «ГИТЛЕРЮГЕНД»

Москва
«Вече»
2010

Введение

12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» без преувеличения является одной из самых легендарных дивизий немецкой армии периода Второй мировой войны. Укомплектованная личным составом ниже обычного призывного возраста, из-за чего часто именуемая дивизией «семнадцатилетних», она произвела подлинный фурор в период Нормандской кампании 1944 г., полностью окупив все вложенные в нее средства и заслужив признание и уважение как у своих товарищей, так и у противников. При этом дивизия СС «Гитлерюгенд» оказалась едва ли не единственной дивизией СС, созданной после 1943 г. и не потерявшейся в тени «классических» дивизий СС, таких как «Лейбштандарт», «Дас Райх», «Тотенкопф» или «Викинг».

Дивизия «Гитлерюгенд» имеет хоть и не очень длинный, особенно в сравнении с «классическими» дивизиями СС, но зато очень насыщенный боевой путь. Главным ее сражением, бесспорно, стала Нормандская кампания; думаем, не будет преувеличением сказать, что «Гитлерюгенд» стала «дивизией одной битвы». Такой наш вывод небезоснователен, учитывая, что в последующих своих сражениях дивизия больше не снискала больших лавров. Более того, из 15 Рыцарских крестов дивизии 13 были получены по итогам Нормандской кампании, еще до 1945 г.

Следует отметить, что у дивизии СС «Гитлерюгенд» существует официальная история, написанная бывшим начальником оперативного отдела дивизии Хубертом Мейером. Также имеется целый ряд книг, посвященных дивизии, правда, все они носят либо хрестоматийный, либо общий характер. Во многих работах, посвященных истории войск СС, на дивизии СС «Гитлерюгенд» подробно останавливаются, лишь рассказывая о сражении в Нормандии, в контексте всех остальных операций о ней лишь вскользь упоминается — мол, да, участвовала, но больших лавров не снискала. Даже отечественные авторы, исследующие кампании 1945 г., практически не уделяют дивизии внимания, лишь вскользь констатируя ее присутствие. Исходя из этого, при описании кампаний в Арденнах, Венгрии и Австрии автор столкнулся с определенными трудностями.

В данной работе автор поставил себе цель рассмотреть и проанализировать боевой путь 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд» на Западном и Восточном фронтах в 1943—1945 гг. Работа ни в коем случае не претендует на полноту и всеобъемлемость, ведь для этого объем задействованных источников слишком мал.

Любая историческая работа не застрахована от наличия в ней ошибок или неточностей. Наверняка присутствуют они и в данной книге — ведь не ошибается тот, кто ничего не делает. Поэтому автор будет благодарен за указания на фактические ошибки и неточности, а также за дополнения и корректировку информации.

Работа не претендует на всестороннее раскрытие данной проблемы, но восполнит для отечественного читателя пробелы в истории Второй мировой войны.

Автор выражает благодарность за предоставленные ценные документы, материалы и оказанную поддержку в написании книги Игорю Карпову (Лиепая, Латвия), Джону П. Муру (США), Константину Семенову (Москва, Россия). Отдельно хочется поблагодарить Виктора Щербакова (Мелитополь, Украина) за ряд предоставленных уникальных фотографий.

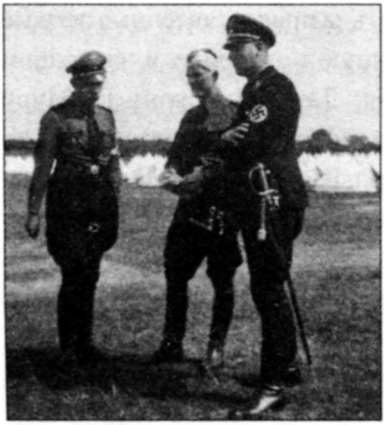
Глава 1
ФОРМИРОВАНИЕ ДИВИЗИИ

Провозглашение «тотальной войны» 14 февраля 1943 г.[1] стало главным ответом Германии на сталинградскую катастрофу. Одновременно в высшем руководстве Третьего рейха все более росла уверенность в необходимости установления более сильного контроля нацистской партии над армией. Примерно в это же время рейхсфюрер СС Гиммлер на совещании гауляйтеров сообщил, что имеется намерение устранить последние остатки прежних военных авторитетов и что в процессе создания находится новая «национал-социалистическая народная армия» под руководством партии[2]. Прямым следствием всего этого должно было стать расширение войск СС.

Уже 19 декабря 1942 г. Адольф Гитлер приказал сформировать две новые танково-гренадерские дивизии СС —

[1] В этот день рейхсминистр пропаганды доктор Йозеф Геббельс выступил во Дворце спорта Берлина, произнеся одну из своих самых зажигательных речей, призвав слушателей мобилизовать все силы на «тотальную войну» с противником.

[2] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945. С. 352—353.



Офицер Аллгемайне СС в одном из учебных лагерей гитлерюгенда в 1930-е годы. Как видно, сотрудничество этих организаций началось уже в довоенный период

9-ю и 10-ю. Как оказалось, это была только «первая ласточка». Вскоре группенфюрер СС Готтлоб Бергер, глава Главного управления СС и ответственный за набор добровольцев в войска СС, выдвинул идею создания дивизии из членов гитлерюгенда 1926 года рождения. Этот шаг должен был продемонстрировать волю германской молодежи к борьбе и ее готовность к самопожертвованию для достижения победы[1]. Лидеры германской молодежи с энтузиазмом ухватились за эту идею, а вождь гитлерюгенда Артур Аксманн в январе 1943 г. обратился к Гиммлеру с официальным запросом создать дивизию из молодежи 1926 года рождения. В принципе идея привлечения молодежи в вооруженные силы не была для Германии чем-то новым. Так, еще 31 марта 1942 г. начальник штаба ОКВ фельдмаршал Вильгельм Кейтель отдал приказ о том, что добровольцы по достижении 17 лет могут призываться в вермахт и войска СС без согласия родителей. В этом же году в вербовочной брошюре «Немецкая молодежь вступает в войска СС» указывалось, что 17-летние члены гитлерюгенда

[1] Другим, не менее важным, мотивом была надежда, что успех в создании подобной дивизии будет способствовать активному привлечению молодежи в другие немецкие дивизии.

ростом не ниже 1,68 метра могут добровольцами вступать в войска СС[1].

10 февраля 1943 г. Гиммлер изложил эту идею фюреру, и Гитлер дал свое принципиальное согласие, несмотря на то, что возраст потенциальных добровольцев был меньше обычного призывного возраста. Уже 13 февраля рейхсфюрер СС в письме к лидеру гитлерюгенда Аксманну сообщил о некоторых достигнутых результатах. Так, среди прочего, вступавшие в дивизию добровольцы освобождались от обязательной службы в рядах Имперской рабочей службы (РАД). Гиммлер обязался перевести в новую дивизию всех офицеров войск СС, имевших офицерский ранг в организации гитлерюгенд. Он же предложил и название для будущей дивизии — «Гитлерюгенд», одновременно выдвинув идею назвать один из ее полков «Герберт Норкус»[2]. В конце Гиммлер отсылал Аксманна к Бергеру для продолжения консультаций и переговоров[3].

16 февраля состоялось совещание руководящей верхушки гитлерюгенда и чинов Главного оперативного управления СС, на котором обговаривались принципиальные вопросы фор-

[1] *Bender R., Taylor H.* Uniforms, organization and history of the Waffen SS. Vol. 3, p.100.

[2] Норкус был членом гитлерюгенда из Берлина. Его отец был членом НСДАП. Утром 24 января 1932 г. пятнадцатилетний Герберт с товарищами раздавал прохожим листовки. На них напала группа таких же подростков из коммунистической организации. Уступая численно, члены гитлерюгенда бросились бежать, но преследователи догнали Норкуса и несколько раз ударили парня ножом. Юноша скончался от потери крови. Убийцы скрылись. Церемонию похорон на кладбище Плетцензее нацисты превратили в пропагандистскую акцию. Пастор Венцль, служивший на похоронах, заявил в прощальном слове, что «Герберт Норкус есть пример для всей немецкой молодежи».

[3] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 1, p. 2—3.

мирования новой дивизии. На следующий день Гиммлер поставил Аксманна в известность, что создание дивизии — дело решенное, и снова направил последнего к Готтлобу Бергеру. Обе стороны действовали весьма оперативно, и уже 18 февраля Аксманн встретился с Бергером[1]. Последствия этой встречи были весьма неожиданными — Бергер решил лично возглавить новую дивизию, о чем и поставил в известность рейхсфюрера СС. Этот демарш вызвал недоумение у Гиммлера, считавшего, что Бергер будет куда полезней на своем нынешнем посту. После этого Бергер был крайне разочарован тем, что его «героическая жертва» оказалась никому не нужна[2].

1 марта 1943 г. Генрих Гиммлер подписал директиву о формировании дивизии СС «Гитлерюгенд». Не все в Третьем рейхе положительно отнеслись к идее формирования целой дивизии из семнадцатилетних мальчишек. Так, бывший вожак гитлерюгенда Бальдур фон Ширах был против создания подобной дивизии, возможно, считая, что молодежь еще не готова к участию в «серьезной» войне. Правда, к его мнению не прислушались[3]. Еще более скептичным был рейхсминистр Йозеф Геббельс. Непревзойденный мастер пропаганды, он сразу понял, что союзники (да и оппозиционеры внутри Германии) получают неплохой козырь в психологической войне: «О нас скажут, что мы хотим за счет молодежи заткнуть наши прорехи в людских резервах»[4]. Забегая вперед, отметим, что Геббельс был прав — Курт Мейер вспоминал в мемуарах, как в союзных листовках и радиопередачах говорилось о «детской

[1] *Bender R., Taylor H.* Op.cit. Vol. 3, p. 103.
[2] Ibid., p. 104.
[3] *Шуман Е.* Знаменосец «Гитлерюгенда». С. 44.
[4] *Кнопп Г.* Дети Гитлера. С. 174—175.

дивизии», эмблемой которой должна была быть бутылочка с детским питанием[1]. Не было особых восторгов и в Главном оперативном управлении СС. Там считали, что куда целесообразней заниматься пополнением существующих дивизий, или тех, чье создание уже было официально «узаконено».

По плану, в новую дивизию должны были приниматься добровольцы, рожденные в первой половине 1926 г. Минимальный рост для пехотинца был определен 170 см, для танкистов, мотоциклистов и прочих служб — 168 см (при этом минимальный рост для зачисления в «Лейбштандарт» был определен в 180 см). В эту дивизию надлежало принимать только лучших кандидатов, в достаточной степени отличавшихся национал-социалистическим рвением и безоглядной преданностью фюреру. Желающие должны быть годными к строевой службе, причем предпочтение отдавалось юношам, награжденными знаком «За достижения в гитлерюгенде»[2]. Все отобранные добровольцы должны были пройти шестинедельный курс обучения в тренировочных полувоенных лагерях.

1 июня 1943 г. Адольф Гитлер отдал приказ о формировании дивизии СС «Гитлерюгенд». Едва ли не первой частью, созданной для дивизии, стала рота фельджандармерии, приказ о формировании которой был отдан 8 июня 1943 г.[3] 24 июня 1943 г. группенфюрер СС Ганс Юттнер подписал приказ, в котором были изложены основные принципы создания дивизии. В этом приказе говорилось, что формирование дивизии будет проходить на полигоне Беверлоо (северо-западнее Брюсселя).

---

[1] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 205.

[2] По немецки – «Für Leistungen in der H.J.»

[3] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 539.

Лидеры гитлерюгенда — молодые и дерзкие

По предварительным планам, к 1 сентября для создания дивизии уже должно было быть отобрано 16 000 человек[1]. Однако объективная реальность показала, что эти прогнозы были чересчур оптимистичными. Достичь заявленного числа рекрутов по разным причинам не удалось. В обществе господствовало убеждение, что использование в боевых действиях подобного соединения сразу же приведет к катастрофе. Перед глазами немцев был еще жив пример 1914 г., когда в бои в районе фламандского города Лангемарк были брошены юные германские добровольцы, большинство из которых даже не прошло курс надлежащего военного обучения, результатом чего стали их огромные потери. Определенные препятствия чинил министр образования Бернгард Руст, призывавший потенциальных рекрутов сначала получить школьное образование, а затем уже идти в солдаты (в Германии школьное образование продолжалось до 18 лет). Представители немецкой торгово-промышленной палаты также выступали против того, чтобы ученики ремесленных училищ записывались в дивизию, по крайней мере, до окончания срока их практики,

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 1, p. 4.

который истекал осенью. Исходя из этого, некоторые родители запрещали своим сыновьям записываться в дивизию. Например, в донесениях с пунктов вербовки добровольцев в Мюнхене и Нюрнберге отмечалось негативное воздействие родителей, которые порой прямо запрещали юношам записываться в войска СС. А из Вены сообщали о прямом противодействии церкви: «Кто пойдет служить в войска СС, окажется в аду»[1]. В итоге рекрутирующим офицерам в некоторых случаях приходилось применять давление на семьи потенциальных добровольцев[2].

Однако чаще всего этого не требовалось. Штурмман СС Карл-Хайнц Декер, в этот момент член гитлерюгенда, мечтавший о службе в кавалерии, добровольно вступил в дивизию, как только услышал о ее формировании, тем более что ему, крепкому деревенскому парню, сразу же пообещали отправку на курсы кандидатов в унтер-офицеры[3].

Отметим, что в пунктах вербовки в основном работали эсэсовцы-фронтовики, получившие на фронте тяжелые ранения, а то и увечья. Волей-неволей, но это также производило определенное негативное воздействие на молодежь. Бернгард Хайзиг, добровольно вступивший в дивизию, вспоминал, как на призывном пункте после прохождения медкомиссии он столкнулся с офицером СС, у которого не было одной руки.

---

[1] *Х. Хене.* Черный орден СС. С. 403.

[2] О принуждении молодежи вступать в войска СС пишут часто, для примера смотрите работы Х. Хене и Г. Кноппа. Однако, как нам кажется, в этом случае речь может идти лишь о единичных случаях, в широких масштабах это не применялось. Если бы набор был принудительным, то эсэсовские дивизии никогда бы не имели своей легендарной боеспособности.

[3] *Williamson G.* Loyalty is my Honour, p.21.

Инструктор из войск СС обсуждает с лидером ГЮ план полевого занятия

Вид пустого рукава форменного кителя произвел на юношу сильнейшее моральное потрясение[1].

Тем не менее первые добровольцы прибыли в учебные лагеря в начале июля 1943 г. В конце июля их насчитывалось уже почти 10 000 человек[2].

Большой проблемой было и получение необходимого костяка из опытных солдат. Так, даже предварительного заявленного числа в 600 офицеров и унтер-офицеров — лидеров гитлерюгенда, служивших в войсках СС, достичь не удалось, поскольку одновременно шло формирование дивизий СС «Гогенштауфен» и «Фрундсберг», куда тоже требовалось большое число офицеров, и значительное их число было направлено туда. Главная задача поставлять для новой дивизии командные кадры была возложена на 1-ю танково-гренадерскую дивизию СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер»[3] — это лишний раз подтверждало стремление руководства СС сформировать элитарную дивизию.

---

[1] *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 214. Честно говоря, весьма странно, что Гейзика смутил пустой рукав, учитывая, что сам вождь гитлерюгенда Артур Аксманн потерял на войне правую руку, о чем знали все в организации, и что лишь добавляло Аксманну популярности и уважения среди молодежи.

[2] *Bender R., Taylor H.* Op. cit. Vol. 3, p. 104.

[3] В тексте приказа Юттнера от 24 июня речь идет не о дивизии СС «Лейбштандарт», а о I танковом корпусе СС «Лейбштандарт». Однако поскольку этот корпус только-только начинал формироваться и в

Всего в «Гитлерюгенд» были переведены около тысячи солдат и офицеров дивизии СС «Лейбштандарт», которые должны были не только помочь в обучении новобранцев, но и составить кадровый костяк новой дивизии. В нее были отправлены известные, закаленные в боях на Восточном фронте офицеры, такие как Фриц Витт, Курт «Панцер» Мейер, Эрих Ольбетер, Герд Бремер, Макс Вюнше, Хуберт Мейер, Бернгард Зибкен, Генрих Шпрингер, Вильгельм Монке, Эрих Урбанитц, Фриц Шродер, Рудольф фон Риббентроп и другие. Из-за этого дивизию СС «Гитлерюгенд» часто называли дочерним формированием дивизии СС «Лейбштандарт». Преемственность подчеркивала и дивизионная эмблема — не мудрствуя лукаво, было решено просто нанести «отмычку» «Лейбштандарта» на руну «Зиг» (эмблему организации гитлерюгенд).

31 июля 1943 г. командиром дивизии был назначен оберфюрер СС Фриц Витт, кавалер Рыцарского креста с Дубовыми листьями. Командир 1-го танково-гренадерского полка СС, он покинул «Лейбштандарт» перед началом операции «Цитадель» и был направлен на формирование 12-й дивизии СС. 20 апреля 1944 г. 36-летний Витт получил генеральское звание бригадефюрера СС; моложе его в вооруженных силах Германии на тот момент был только один генерал — 31-летний генерал-майор люфтваффе Адольф Галланд.

Ветераны «Лейбштандарта» заняли все основные командные должности в дивизии. В итоге оказалось, что все командиры частей имели большой боевой опыт и, самое главное — опыт взаимодействия друг с другом. Несмотря на

данный момент состоял лишь из «Лейбштандарта» (и то формально), то большинство историков и мемуаристов прямо пишут о дивизии СС «Лейбштандарт».

Командир дивизии Фриц Витт в звании штандартенфюрера СС

это, в новой дивизии сильно не хватало командиров рот, взводов, отделений. По воспоминаниям Курта Мейера, «сплошь и рядом молодым командирам взводов приходилось поручать командовать ротами»[1]. Для восполнения пробелов в дивизию перевели около 50 офицеров сухопутных сил, которые ранее были лидерами организации гитлерюгенд. Одним из последних был кавалер Дубовых листьев к Рыцарскому кресту гауптманн Герхард Хайн из 209-го пехотного полка 58-й пехотной дивизии, участник боев в Демянском котле. Причиной перевода его в дивизию было то, что он до войны занимался военной подготовкой членов организации гитлерюгенд. Хайн стал начальником лагерной подготовки добровольцев в звании гауптштурмфюрера СС. Другим ярким персонажем был Хайнц-Хуго Йон, известный политик, депутат рейхстага (с 1932 г.), занимавший важные посты в организации гитлерюгенд. Он служил в вермахте, но после начала формирования дивизии СС «Гитлерюгенд» подал заявление на перевод в нее. В войсках СС он получил звание оберштурмфюрера СС и был назначен командиром 1-го взвода 7-й роты танкового полка дивизии. Кавалером Рыцар-

[1] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 206.

ского креста в составе Немецкого Африканского корпуса был оберлейтенант Отто Толл, возглавивший 1-ю роту саперного батальона.

Частично решение кадрового вопроса возлагалось на Артура Аксманна, который должен был отобрать 400 руководителей гитлерюгенда для занятия офицерских должностей и 2500 простых членов гитлерюгенда для унтер-офицерских и предоставить в ОКВ соответствующие списки. Отобранные для этой цели добровольцы сразу же после прохождения подготовки в военных лагерях направлялись на трехмесячную учебу в унтер-офицерскую школу в Лауэнбурге, после успешного окончания которой им присваивались унтер-офицерские звания. Кроме того, через несколько недель после начала базовой военной подготовки подходящие молодые люди отбирались для прохождения трехмесячного курса подготовки унтер-офицерского состава уже в самой дивизии. Курсом общевойсковой подготовки будущих унтер-офицеров руководил гауптштурмфюрер СС Бубинцер. Одновременно были организованы подобные курсы и для танкистов, ими руководил гауптштурмфюрер СС Вильгельм Бек, кавалер Рыцарского креста. Последний курс был рассчитан на два

Герд Хайн (гауптштурмфюрер СС) в армейской униформе

месяца. По его окончании наиболее отличившиеся кадеты направлялись в юнкерские школы СС для получения офицерского звания. Вполне типичным из них был Элмар Лохбилер, который после танковых курсов Бека был направлен в юнкерскую школу СС в Бад-Тельце, откуда 9 мая 1944 г. был переведен в армейскую танковую школу в Фаллингбостеле. По окончании этих курсов он вернулся в дивизию; в конце войны Лохбилер в звании унтерштурмфюрера СС командовал саперным взводом 12-го разведывательного батальона СС.

Все назначения на офицерские и унтер-офицерские должности были завершены в течение сентября. Тем не менее своими силами полностью заполнить все командные вакансии не удалось. Остро не хватало квалифицированных специалистов, пулеметчиков, артиллеристов, саперов. Адъютант дивизии штурмбаннфюрер СС Шпрингер вспоминал, как Фриц Витт направил его в командировку к Бергеру, с письмом, где перечислялись должности в дивизии, которые нужно было заполнить. Результат этой поездки — вскоре в дивизию прибыли 20 офицеров, что было каплей в море от необходимых потребностей. Еще дважды Шпрингер ездил к Бергеру, и оба раза с примерно таким же результатом. В итоге полностью решить эту проблему не удалось, и к началу вторжения союзников дивизии еще требовалось 144 офицера и 2192 унтер-офицера[1] — огромное число!

Несмотря на полугодичную подготовку к началу формирования дивизии, вовремя закончить все организационные мероприятия не удалось. В частности, добровольцам не могли сразу же выдать униформу и они приступили к обучению либо

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 1, p. 13.

в гражданской одежде, либо в форме гитлерюгенда. Даже переведенные из вермахта или люфтваффе (были и такие) офицеры некоторое время продолжали носить свою армейскую униформу, пока для них не пошили новые офицерские мундиры. При этом многие из бывших армейских офицеров продолжали носить свои армейские звания, даже несмотря на службу в дивизии СС. Например, в обоих танково-гренадерских полках дивизии по три ротных командира имели армейские воинские звания. В некоторых случаях это приводило к курьезам, как, например, в марте 1944 г., когда во время инспекции дивизии фельдмаршалом фон Рундштедтом командир 7-й роты 25-го полка СС Хайнц Шрот приветствовал фельдмаршала «германским» приветствием, а стоящий рядом с ним командир одного из его взводов, бывший армейский офицер, — традиционным армейским салютом[1].

Несмотря на подобные трудности, боевая учеба началась сразу же. Постепенно были сформированы отдельные части, в соответствии с графиком их организации и оснащения боевой техникой. После того как базовая военная подготовка личного состава была завершена, в начале 1944 г. началась подготовка в составе частей.

По словам Курта Мейера, «суждено было стать уникальным явлением в истории войн, когда дивизия, особенно такой сложной организации, как современная танковая дивизия, должна была состоять, за исключением офицерского и унтерофицерского состава, целиком из молодых людей в возрасте 17 и 18 лет»[2].

---

[1] *Walther H.* The 12th SS Armored division, p. 30.

[2] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 204.

Фельдмаршал фон Рундштедт инспектирует дивизию. Справа командир дивизии — Фриц Витт

Изначально дивизию СС «Гитлерюгенд» формировали как танково-гренадерскую. Тем временем 22 октября 1943 г. дивизия СС «Лейбштандарт» была реорганизована в танковую дивизию[1]. После этого главный инспектор бронетанковых войск генерал-полковник Гудериан, посетивший дивизию «Гитлерюгенд» с проверкой, подал запрос о ее реорганизации в танковую дивизию. Он мотивировал это тем, что I танковый корпус СС «Лейбштандарт», куда входили обе эти дивизии, должен был иметь однородный состав. Его ходатайство поддержал Гитлер, и, следовательно, оно было удовлетворено необычайно

[1] Одновременно с этим была введена сквозная нумерация эсэсовских дивизий и танково-гренадерских полков. Если до этого эсэсовские дивизии не имели номеров, а только названия, то сейчас к названию добавлялся и номер дивизии. Благодаря этому дивизия СС «Гитлерюгенд» с 22 октября стала 12-й танково-гренадерской дивизией СС «Гитлерюгенд».

быстро — уже 30 октября 1943 г. Главное оперативное управление СС отдало соответствующий приказ. С этого момента танково-гренадерская дивизия СС «Гитлерюгенд» стала именоваться 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд». Танково-гренадерские полки новой танковой дивизии получили номера 25 и 26, а все остальные части дивизии — номер 12.

Несмотря на это, по авторитетному свидетельству Курта Мейера, нет причины считать, что у дивизии были какие-то привилегии в оснащении вооружением и боевой техникой. В условиях дефицита, в которых оказались немецкие вооруженные силы, даже эсэсовцам все приходилось отвоевывать с большим трудом. Так, в дивизии почти совсем не было своего автотранспорта. Ситуация немного улучшилась в ноябре — декабре 1943 г., когда в дивизию прибыли автомашины... реквизированные у итальянской королевской армии. Вся эта техника была сильно изношенна и близко не отвечала высоким стандартам войск СС. Но это было лучше, чем ничего, тем более что благодаря этому удалось довести количество автомашин в дивизии до 80 % (по крайней мере, на бумаге) от официально утвержденного количества. Одновременно с этим прибыли первые тягачи и бронемашины. Совершенно не подходящие для танковой дивизии итальянские машины создавали множество трудностей в подготовке; в итоге они были заменены автомобилями германского производства. Однако до штатного количества число автотранспорта так и не довели — дивизия располагала лишь около 50 % требуемых машин и тягачей[1].

Формирование танкового полка проходило на полигоне в Майли-Ле-Камп (близ Реймса). Формально началось оно

[1] *Butler R.* SS-Hitlerjugend, p.47.

3 ноября 1943 г. Как и обычно в таких случаях, немцы проявили оригинальность и нестандартный подход. Половину персонала для будущего полка взяли из 1-го танкового батальона «Лейбштандарта», который как раз в Майли-Ле-Камп проходил перевооружение на новые танки «Пантера». Таким образом, костяк полка составили 15 офицеров, 44 унтер-офицера и 146 солдат. Подготовка будущих танкистов состояла из нескольких этапов. Сначала были организованы две учебные роты для подготовки командиров танков, наводчиков и заряжающих (роты возглавили гауптштурмфюреры СС Арнольд Юргенсен и Карл-Хайнц Принц), учебная рота для радистов (оберштурмфюрер СС Шлаусс), учебная рота для водителей танков (оберштурмфюрер СС Замман), учебная рота для водителей грузовиков и тягачей (унтерштурмфюрер СС Роберт Мейер). Также были созданы учебные группы для подготовки медиков и служащих административных служб. На должности командиров танков отбирались молодые люди со средним образованием, как правило, 1925 года рождения. Подготовка в учебных ротах проходила 10 недель, с индивидуальным подходом к каждому рекруту. Затем были сформированы танковые экипажи, созданы отдельные подразделения и началась тренировка в составе экипажа, взвода, роты. В основном все командиры танков были ветеранами «Лейбштандарта», то есть имели некоторый боевой опыт.

Штурмман СС Пауль Камбергер описал, как формировались отдельные части дивизии. Будучи студентом, в ноябре 1943 г. он добровольно вступил в дивизию, желая исполнить свой долг перед родиной. После краткосрочной военной подготовки в лагере Унна большая группа добровольцев (420 человек), сформировавшая вторую волну призывников в

Танк Pz-IV 12-го танкового полка СС

дивизию, на поезде была доставлена в бельгийский город Турнхоут. В этом городе квартировал формирующийся 12-й разведывательный батальон СС. Прибывшие новобранцы собрались на площади перед казармами батальона и вскоре распределились по группам, в зависимости от предпочтений по поводу дальнейшей службы. Вскоре началось распределение по частям. «Около дюжины офицеров ходили вдоль наших рядов. Они остановились перед нашей группой, тех, кто хотел вступить в танкисты. Среди них началась короткая дискуссия, и затем один из них задал вопрос: "Есть ли среди вас студенты?" 10 или 12 рук поднялись вверх, шаг вперед, и мотоциклетное отделение связи было создано! Нас дополнили механиком, и мы сформировали 1-ю группу во взводе 1-й роты»[1]. Фактически же создание разведывательного батальона проходило с 4 сентября по 1 декабря 1943 г.[2]

Вначале в танковом полку для учебных целей имелось лишь четыре танка Pz-IV и два Pz-III[3]. В конце ноября в полк прибыло еще 10 Pz-IV. По инициативе Макса Вюнше офицеры

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 1, p.15.

[2] *Bender R., Taylor H.* Uniforms, organization and history of the Waffen-SS. Vol. 3, p. 109.

[3] Это были поврежденные танки, вывезенные с фронта 1-м танковым батальоном «Лейбштандарта». Они были отремонтированы и

Учения новобранцев

и солдаты полка на срок от 8 до 14 дней откомандировывались на танковый завод в Нюрнберге, чтобы со всех сторон изучить свои будущие машины. Также персонал полка откомандировывался на танковый полигон в Путлос, для усовершенствования огневой подготовки, и в Шонгау, где готовили зенитчиков. Водители для дополнительного обучения направлялись в Автомобильное учебное учреждение СС в Вене, а механики и техники — на завод во Фридрихсхафене. Особое внимание уделялось ремонтным службам, поскольку все понимали, что с момента вступления дивизии в бой нужно будет постоянно поддерживать численность техники на приемлемом уровне.

использовались для тренировки, а когда батальон получил «Пантеры», то передал эти танки формирующимся частям «Гитлерюгенд».

Зепп Дитрих пожимает руку Вильгельму Монке во время инспекции дивизии

Будущие офицеры танкового полка обучались в немецких танковых школах. Так, 5 ноября 1943 г. в полк прибыли девять обершарфюреров СС, прошедших курс обучения в танковой школе в Путлосе. После трехмесячной стажировки в полку в марте 1944 г. они получили звание унтерштурмфюреров СС. Среди них были в будущем известные офицеры Вилли Кандлер, Курт Богеншпрегер и Рудольф Албан. Также, перед самой отправкой на фронт, в полк прибыли 12 унтерштурмфюреров СС и один штандартоберюнкер СС, прошедшие подготовку в танковой школе в Гросс-Глинике[1].

В начале января 1944 г. танковый полк перебросили в Бельгию, в район дислокации основных частей дивизии. Теперь упор в подготовке дивизии делался на операции с участием различных родов войск, начались крупные учения с участием танков. 6 февраля часть танкового полка приняла участие в полевых маневрах, которые посетили Гудериан, Гейр фон Швеппенбург и Зепп Дитрих. В это же время I батальон 25-го танково-гренадерского полка СС, вместе с одной бата-

[1] Данные о выпуске кадров для дивизии «Гитлерюгенд» в Путлосе и Гросс-Глинике любезно предоставлены Д. Муром.

Фельдмаршал фон Рундштедт пожимает руку Карлу Бартлингу, командиру III дивизиона 12-го артиллерийского полка СС

Герд Бремер объясняет Герду фон Рундштедту тактическую задачу на маневрах

реей артиллерийского полка, принял участие в учениях со стрельбой боевыми снарядами и патронами. За ходом этих учений внимательно следил Гудериан.

В марте состоялись большие маневры, которые почтил своим присутствием фельдмаршал Герд фон Рундштедт, главнокомандующий на Западе. В этих маневрах принимал участие III (бронированный) батальон 26-го полка СС, части 25-го полка СС и нескольких рот танкового полка. Немаловажно отметить, что все проверяющие остались очень довольными увиденным. Как вспоминал штурмман СС Эрхард Киншер, служивший в зенитной роте 25-го полка СС, Курт Мейер после маневров выступил перед личным составом его роты и поздравил ее с успешным окончанием и «первой символической победой». Под «победой» понималось повреждение немецкого связного самолета

«Физилер-Шторьх» из 20-мм зенитки. Отметим, что в дальнейшем личный состав зенитной роты полка проходил обучение с помощью инструкторов из зенитных частей люфтваффе и часто получал высокую оценку с их стороны[1].

При всем при этом дивизия стояла перед проблемой обеспечением горючим и боеприпасами, что крайне затрудняло тренировки.

Боевая подготовка

В вопросах обучения дивизия была в компетенции командующего танковой группой «Запад» генерала танковых войск Лео Гейра фон Швеппенбурга, отдававшего руководящие указания практически по всем аспектам подготовки дивизии, во многом отличный итоговый результат был достигнут благодаря ему.

Дивизия проходила обучение по нестандартной для того времени методике. Как вспоминал один из офицеров дивизии Герберт Вальтер, оно было направлено на физическое и личностное развитие солдат, обучение их владению оружием и навыкам боевых действий.

Обычной муштре и строевой подготовке времени почти не уделялось, формализм всячески избегался, напротив, предпочиталось практическое обучение боевым приемам. Любое занятие имело целью отработать навыки, необходимые в реальном бою, и все это происходило в условиях, максимально приближенных к обстановке реального сражения. Боевая учеба проводилась и днем и ночью и включала в себя, в частности,

[1] *Williamson G.* Loyalty is my Honour, p. 38—39.

отработку техники ближнего боя. Юные новобранцы СС уже на полигоне прошли через обстрел боевыми снарядами и патронами. Определенное количество погибших на учениях считалось «нормальным» и необходимым, чтобы подготовить солдат к эффективным боевым действиям[1]. Физическая закалка достигалась через спортивные занятия, причем форсированные марш-броски не одобрялись, а напротив, считались ненужными и вредными. Хотя другие части СС тоже использовали подобные методы подготовки, но в дивизии СС «Гитлерюгенд» использовали только такие методы[2].

Особый акцент делался на маскировку и бесшумность передвижений, а также обеспечение безопасности связи, поддержания секретности и организации радиоразведки. Для перехвата радиопереговоров противника дивизия получила разведывательный взвод связи, который впоследствии блестяще показал себя в ходе боевых действий.

На основании установки фон Швеппенбурга в дивизии всячески совершенствовалось искусство меткой стрельбы. При этом занятия проходили исключительно в полевых условиях, а учебные стрельбы на обычных гарнизонных стрельбищах не проходили. В деле стрелковой подготовки были достигнуты

---

[1] Павшие на учениях хоронились со всеми воинскими почестями. Их семьям отправлялось стандартное письмо: «Ваш сын героически погиб на пути к победе Германского рейха и нашего образа жизни».

[2] Важно отметить, что некоторые рекруты не выдерживали таких тренировок, в результате чего в дивизии было зафиксировано несколько случаев суицида солдат, не справлявшихся с нагрузками. В итоге командованию даже пришлось специально объявить, что самоубийство — это не почетная смерть, а постыдный поступок, и в этом случае исключены похороны на военном кладбище и отдача воинских почестей. См. *Butler R.* SS-Hitlerjugend, p. 44.

значительные успехи, в результате чего в 25-м полку СС было разработано специальное руководство для огневой подготовки. В нем, между прочим, говорилось, что «то (руководство. — *Р.П.*) должно помочь каждому подразделению, которое ставит задачу обучения рекрутов реалиям современной войны, готовить боеготовых солдат всего за несколько недель. Традиционная огневая подготовка мирного времени... требует много больше времени и не может удовлетворять в период войны». 10 ноября 1943 г. начальник оперативного отдела дивизии Хуберт Мейер разослал это руководство по всем частям дивизии с приказом принять его к действию[1].

Один из добровольцев, вступивших в дивизию

Достижения в подготовке дивизии оказывали неизменно положительное впечатление на все проверяющие инстанции. По указанию главного инспектора танковых войск Гудериана представители «Гитлерюгенд», вместе с офицерами школы танковых войск в Бергене, участвовали в разработке новых приемов орудийной стрельбы гренадеров моторизованных соединений, которые появились весной 1944 г. Однако инспекция сухопутных войск их отклонила.

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 546.

Бессменный начальник оперативного отдела дивизии штурмбаннфюрер СС Хуберт Мейер

Большинство юношей пришло в дивизию с немалым энтузиазмом, имея желание показать себя на деле. Как отметил Курт Мейер, их «энтузиазм и воодушевление следовало поддерживать в качестве базовых ценностей, а там, где их не было, следовало пробудить»[1]. Учитывая, что молодые люди еще только развивались, принципы и формы подготовки должны были быть несколько иными, чем те, которые использовались в подготовке и обучении других новобранцев. Поэтому многие общепринятые принципы военной подготовки были заменены новыми, пришедшими из недр германского молодежного движения.

В дивизии не было очевидных отношений «начальник — подчиненный», признававших только приказы и безусловное подчинение. Вместо этого взаимоотношения между офицерами, унтер-офицерами и рядовыми складывались как отношения между более старшими по возрасту и более опытными солдатами и зелеными новичками. Авторитет офицера заключался в том, что он был образцом для подражания и наставником для молодых солдат. Вдобавок офицеры старались, насколько это

[1] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 207.

было возможно в военное время, создать в частях семейную атмосферу.

Сослуживцы. Курт Мейер (слева) и Макс Вюнше

Юношей учили брать на себя ответственность, быть готовыми к самопожертвованию, не бояться принимать решение, быть дисциплинированными, прививали им чувство коллективизма и товарищеской взаимопомощи. Это было нетрудно, учитывая, что в гитлерюгенде юноши уже прошли подобную подготовку. Как вспоминал Карл-Хайнц Декер: «Мы оставляли наши шкафчики открытыми. Кража в нашей среде была проступком, который жестоко карался, так что мы учились доверять друг другу, зависеть от товарища и делиться с ним. Все это формировало характерный для войск СС легендарный дух товарищества»[1].

Командование дивизии было убеждено, что молодые солдаты достигнут большего, если проникнутся пониманием и необходимостью выполнения поставленной задачи, будут правильно понимать свою роль в этом. Таким образом, обычной оперативной процедурой стал анализ полученных приказов, исходя из всесторонней оценки сложившейся ситуации.

Главной проблемой в организации боевого тренинга была нехватка техники и транспорта, а также горючего, что, в свою очередь, сдерживало учебно-тренировочный процесс. Не-

[1] *Williamson G.* Loyalty is my Honour, p. 47—48.

обходимость экономии топлива вызывала такие второстепенные ограничения, как, например, сбор дивизионной почты на повозке с лошадью. Связной мотоциклист Пауль Камбергер вспоминал, что когда в феврале 1944 г. (после двух месяцев общевойсковой подготовки) началось обучение мотоциклетной езде, то проходило оно на старых итальянских мотоциклах. Обучение было суровым, в любую погоду; Камбергер рассказывал, что экзамен по вождению проходил в сильный снегопад. Отдельно отрабатывалось поведение мотоциклистов в различных «нестандартных» ситуациях. Кроме всего прочего, их также привлекали для караульной службы в дивизионном штабе. Когда дивизию передислоцировали во Францию, то старые итальянские мотоциклы были заменены новенькими немецкими[1].

Карл-Хайнц Декер описал свое обучение в школе для кандидатов в унтер-офицеры: «В школе мы получали базовую подготовку, такую же, как и другие солдаты, но нас также учили на унтер-офицеров. Мы изучали тактику и пехотное оружие, как в теории, так и в поле, под руководством опытных инструкторов. Мы были слишком молоды, и интенсивный курс подготовки был слишком сложным для нас, поэтому нам выделили каждый день один час на отдых… Также, пока другие солдаты получали сигареты и пиво, нам выдавали шоколад и сладости»[2].

При создании с нуля любой дивизии всегда возникают дисциплинарные проблемы разной степени сложности. Не стала исключением и дивизия СС «Гитлерюгенд». Впрочем, с этим

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 1, p. 16.

[2] *Williamson G.* Loyalty is my Honour, p. 41.

Подразделение дивизии возвращается с учений. Один из офицеров продолжает носить армейскую униформу под камуфляжем СС

командование мириться было не намерено. Уже через месяц после своего назначения на должность командира дивизии Фриц Витт отдал приказ своим офицерам о применении «драконовских мер» в случае слабой дисциплины или, например, небрежных приветствий со стороны подчиненных. Вводилось обязательное ношение штык-ножа. Этим Витт не ограничился, вскоре напомнив солдатам, что их школьные дни уже ушли в прошлое — специальным приказом он запретил ношение на военной униформе спортивных знаков: «Солдат носит на форме только военные награды»[1]. Интересно, что многие ветераны

[1] *Butler R.* SS-Hitlerjugend, p. 51. Интересно, что в других дивизиях СС ношение личным составом невоенных знаков на униформе не запрещалось.

«Лейбштандарта» продолжали носить эмблему своей прежней дивизии на погонах и дивизионную нарукавную ленту.

Нехватка квалифицированных инструкторов открывала возможность для карьерного роста для некоторых новобранцев. Именно таким образом штурмман СС Эрхард Киншер, бывший на гражданке одним из местных лидеров гитлерюгенда и прошедший через Имперскую службу труда, был назначен инструктором по подготовке своего 3-го взвода 9-й роты 25-го полка СС — хотя он не имел боевого опыта, но других кандидатур под рукой не было.

Солдаты получали усиленный рацион сверх обычного армейского пайка. Это было связано с тем, что молодые люди имели еще растущий организм, а дома, в условиях военного времени, они питались недостаточно хорошо. Интересный факт: тем солдатам, кому еще не было восемнадцати лет[1], вместо положенных сигарет выдавали сахар, конфеты и шоколад. В целом есть информация, что дивизия СС «Гитлерюгенд» получала дополнительное снабжение из армейских резервов, поскольку по линии СС часто не удавалось получить достаточного количества продовольствия. Но вскоре после высадки союзного десанта армейские поставки прекратились.

Эффективная боевая подготовка привела к тому, что солдаты дивизии с воодушевлением ожидали своего боевого крещения, с твердой уверенностью, что их участие в боевых действиях будет решающим для защиты Германии и для ее окончательной победы. И они в полной мере ощущали свою

[1] Отметим, что средний возраст личного состава дивизии, включая и офицеров, равнялся 18 годам.

принадлежность к элите, поскольку были превосходно подготовленными и вооруженными. Так, если в первое время Бернгард Хазик сильно переживал из-за названия дивизии, которое напоминало ему о вчерашнем детстве, то позже он с гордостью начал носить дивизионную нарукавную ленту: «Мы считали, что мы — нечто особенное и героическое, что мы — лучшая дивизия вооруженных сил»[1].

Офицеры также были довольны своими солдатами. Как вспоминал Герберт Вальтер[2], солдаты дивизии — гренадеры, расчеты орудий, экипажи танков и бронемашин, саперы и связисты — бесчисленное количество раз отработали каждый свой шаг, готовность к бою была доведена до автоматизма. «Они получили соответствующую подготовку в гитлерюгенде, в них было развито чувство порядка и дисциплины. Они знали дело!» — вспоминал офицер связи дивизии гауптштурмфюрер СС Вальтер Крюгер[3]. Схожую оценку юным солдатам дал и Курт Мейер: «Эти ребята были воспитаны с чувством ответственности, общности, жертвенности, решительности, самодисциплины, товарищества... Все было направлено на подготовку к битве»[4].

Среди личного состава дивизии все же были и исключения из правил. Так, 5 июня 1944 г. перед строем одного из батальонов 25-го полка СС был расстрелян пойманный дезертир. Присутствующий на казни Курт Мейер сказал тогда: «Не-

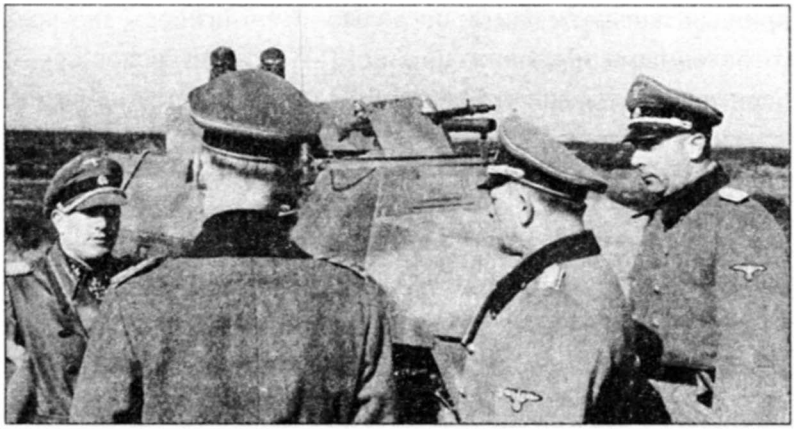
---

[1] *Кнопп Г.* Дети Гитлера. С. 175. Отметим, что почетная нарукавная лента дивизии СС «Гитлерюгенд» была введена в сентябре 1944 г. как признание заслуг дивизии в Нормандской кампании.

[2] *Walther H.* The 12th SS Armored division, p. 22.

[3] *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». С. 107.

[4] *Ailsby C.* Waffen-SS. The Illustrated History, p. 188.



Командир 12-го разведывательного батальона СС Герд Бремер рапортует Зеппу Дитриху о ходе маневров

мецкие матери рожают своих сыновей для битвы, а не для предательства Родины»[1].

В феврале 1944 г. дивизию инспектировал Гудериан, а в марте — фельдмаршал фон Рундштедт, главнокомандующий вермахтом на Западе и командир I танкового корпуса СС Зепп Дитрих. Личный состав дивизии показал отличную выучку и взаимодействие, так что оба высоких проверяющих остались очень довольны.

В апреле 1944 г. дивизия была переведена из Бельгии в Нормандию, в состав I танкового корпуса СС. По предварительным оперативным планам, она должна была располагаться в Лизье, в 30 километрах от побережья. Но генерал фон Швеппенбург добился того, что дивизию перевели на 50 километров южнее, поскольку точное место предполагаемой высадки союзников было неизвестно и необходимо было пространство для маневра, «в случае чего». Именно Швеппенбург отдал указания,

[1] *Williamson G.* Loyalty is my Honour, p. 47.

Групповое фото офицеров дивизии на дне рождения Фрица Витта, 27 мая 1944 г.

чтобы на тактических учениях по руководству войсками отрабатывались действия в самых разнообразных ситуациях. На своих позициях, из лагеря возле Эвре, гренадеры постоянно практиковали наступление к побережью, для отражения потенциального десанта. Также отрабатывались действия против воздушно-десантных войск противника.

Для сбора информации о районе, где будет развернута его дивизия, Фриц Витт лично отправился на рекогносцировку на побережье Ла-Манша. Его впечатления от увиденного были далеко не лучшими. Позиции 716-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Вильгельма Рихтера, находящиеся вдоль побережья, были весьма далеки от совершенства. Позади артиллерийских бункеров и позиций тяжелых пулеметов находилось небольшое количество противотанковых орудий. Многие бункеры все еще находились

Фриц Витт рассматривает подарок, врученный ему на день рождения от чинов дивизии. На заднем плане — штурмбаннфюрер СС Шпрингер

в стадии строительства, а те, что уже были построены, не имели защиты от воздушных налетов и огня морских орудий. Ознакомившись с состоянием оборонительных сооружений, Витт пришел к неутешительному убеждению, что высадка союзников пройдет успешно. Он прозорливо предположил, что именно Кан и аэродром в Карпике станут главными целями союзников[1]. Витт учел возможность бомбардировки с моря и воздуха и был уверен, что противнику быстро удастся продвинуться в глубь материка. После тщательного изучения дорог и мостов, ведущих из прибрежной зоны, Витт уверился в том, что район вокруг старинного города Кана станет основным центром боев в случае высадки противника на Нормандском побережье. Как в воду глядел!

Командный состав и основные части дивизии

Начальником оперативного отдела дивизии (отдел Ia) был назначен штурмбаннфюрер СС Хуберт Мейер, прежний командир III батальона 1-го танково-гренадерского полка СС. Перед

[1] *Lucas J.* Battle Group!, p. 144.

занятием этой должности он окончил курсы офицеров Генерального штаба (10-й набор, длился с 15 июня по 30 сентября 1943 г.) и получил квалификацию «Начальник оперативного отдела танковой дивизии», а затем получил назначение в «Гитлерюгенд».

Должность квартирмейстера (отдел Ib) занимал штурмбаннфюрер СС Фриц Бухсайн. Ветеран «Лейбштандарта» (последняя должность — с 17 июня 1942 г. по 24 июня 1943 г. офицер для поручений (O1) штаба дивизии), он с успехом окончил 4-й набор армейских курсов квартирмейстеров в Париже[1]. Адъютантом дивизии (с 1 октября 1943 г.) был кавалер Рыцарского креста Хайнрих Шпрингер. 11 мая 1944 г. он был переведен в Личный штаб рейхсфюрера СС, а новым адъютантом был назначен гауптштурмфюрер СС Зигфрид Ротемунд. Интендантом (отдел IVa) был штурмбаннфюрер СС доктор Вильгельм Кос. Должность врача дивизии (отдел IVb) занимал оберштурмбаннфюрер СС доктор Рольф Шульц, ранее служивший в качестве врача 1-го танково-гренадерского полка СС (на этом посту — с октября 1942 года[2]). Назначенный на должность дивизионного врача в июле 1943 г., Шульц уже к 5 сентября 1943 г. сформировал все медицинские подразделения дивизии.

Важнейшим элементом любой танковой дивизии был ее танковый полк. 12-й танковый полк СС формировался по общепринятым в вермахте штатам. Он состоял из штаба, двух батальонов (каждый из четырех рот) и вспомогательных ча-

[1] На немецком — 4. Ib-Lehrgang.

[2] До этого он был командиром 1-й санитарной роты «Лейбштандарта», с которой прошел все основные кампании дивизии. Шульц неоднократно проявлял отвагу на поле боя, был награжден Железным крестом II и I классов (последним – 6 июля 1942 г.).

стей. I танковый батальон был вооружен танками «Пантера», II — танками Pz-IV.

Штаты танковых частей многократно менялись в ходе войны. По штату K.St.N. 1103 от 1 ноября 1943 г., штаб (по сути — штабная рота) танкового полка состоял из взвода связи — три танка «Пантера», и разведывательного взвода — пять Pz-IV. Рота «Пантер», формировавшаяся по штату K.St.N. 1177 от 10 января 1943 г. (вновь подтвержден 1 ноября 1943 г.), состояла из штаба (два танка) и четырех взводов (по пять танков в каждом), то есть всего в роте было 22 танка. Штаб батальона (K.St.N. 1150a от 10 января 1943 г.) предписывал три «Пантеры» во взводе связи и пять — в разведывательном взводе. Таким образом, по штатному расписанию батальон «Пантер» должен был состоять из 96 танков. По тому же принципу был укомплектован батальон танков Pz-IV, за одним исключением. По штату K.St.N. 1150b от 1 ноября 1943 г. штаб танкового батальона имел танки Pz-III во взводе связи (три штуки), а не Pz-IV. Так что батальон танков Pz-IV по штату насчитывал 93 Pz-IV и три Pz-III[1].

Однако на деле эти нормы часто не выполнялись, по причине невозможности для немецкой промышленности обеспечить необходимое количество танков. Это привело к изменению штатного расписания танковых частей. 1 апреля 1944 г. (K.St.N. 1177fg) из танковых рот были изъяты 4-е взводы, после чего роты состояли из 17 танков (два в штабе и по пять в трех взводах)[2]. В штабе II танкового батальона танки Pz-III были заменены на Pz-IV.

---

[1] См. *Jentz T.* Panzertruppen. Vol. 2, p. 55—61.

[2] *Jentz T.* Panzertruppen. Vol. 2, p. 156—157.

Кроме танков в танковом полку по штату должно было быть также 14 самоходных зениток. Из них восемь «Flakpanzer IV» (37-мм) было при штабе танкового полка (K.St.N. 1196 от 1 апреля 1944 г., делились на четыре группы по две машины в каждой). Также в штабе каждого танкового батальона было по три 20-мм счетверенных зенитки «Flakvierling»[1]. Кроме этого в танковый полк также входили ремонтная рота (создана 25 января 1944 года), две роты снабжения (приписанные к батальонам) и два саперных взвода (по одному в каждом батальоне).

Командиром танкового полка был назначен оберштурмбаннфюрер СС Макс Вюнше. I батальоном командовал штурмбаннфюрер СС Арнольд Юргенсен, II — штурмбаннфюрер СС Карл-Хайнц Принц.

На 1 июня 1944 г. в 12-м танковом полку СС насчитывалось 91 боеспособный танк Pz-IV и 48 «Пантер». Семь Pz-IV и две «Пантеры» были в текущем ремонте. Д. Нафцигер приводит другие данные на начало июня — 96 Pz-IV и 66 «Пантер»[2].

12-й артиллерийский полк СС формировался с 5 сентября по 13 ноября 1943 г. в Моле, Рети и Бенешау. Полк состоял из трех дивизионов. I — был самоходным, состоял из трех батарей — две (1-я и 2-я) были вооружены 105-мм самоходными гаубицами «Веспе» (по шесть в каждой), а одна имела шесть 150-мм «Хуммелей». II дивизион имел три батареи по шесть 105-мм гаубиц leFH в каждой. III дивизион состоял из трех батарей по четыре 150-мм гаубицы sFH в каждой и одной батареи (10-я) из четырех 100-мм орудий K18. Поначалу полк

[1] *Jentz T.* Panzertruppen. Vol. 2, p. 154; *Lefevre E.* Panzers in Normandy, p. 10.

[2] *Nafziger G.* The German Order Of Battle: Waffen SS And Other Units In World War II, p. 101.

Макс Вюнше, командир 12-го танкового полка СС

имел в своем составе лишь несколько гаубиц, но затем ситуация улучшилась, и в итоге к началу Нормандской кампании он был полностью боеспособен. Командиром полка был оберштурмбаннфюрер СС Фриц Шрёдер. Дивизионами полка командовали: I — штурмбаннфюрер СС Эрих Урбанитц, II — штурмбаннфюрер СС Альфред Шёпс, III — штурмбаннфюрер СС Карл Бартлинг.

При формировании противотанкового дивизиона возникли трудности с его комплектацией. В итоге в состав «Гитлерюгенд» просто включили 1-й противотанковый дивизион СС из «Лейбштандарта», изменив его номер на 12-й[1]. Несмотря на это, оснащение части бронетехникой проходило с большим скрипом. Первые 10 самоходок прибыли лишь 26 апреля 1944 г. Затем поставки техники прекратились до 22 июня, когда прибыло 11 самоходок «Ягдпанцер IV». В результате на фронт дивизион прибыл только 19 июля 1944 г., да и то только 1-я рота оберштурмфюрера СС Георга Хурдлебринка. Командиром дивизиона был штурмбаннфюрер СС Якоб Ханрайх.

[1] *Nafziger G.* The German Order Of Battle: Waffen SS And Other Units In World War II, p. 101.

25-й танково-гренадерский полк СС формировался в Беверлоо с 20 июля по 5 ноября 1943 г. Состоял из трех батальонов, по четыре роты в каждом, плюс роты усиления (13-я, 14-я, 15-я, 16-я). В «обычной роте» было на вооружении четыре тяжелых пулемета, 18 легких, два 80-мм миномета и два огнемета. Четвертая рота в каждом батальоне (4-я, 8-я, 12-я) была тяжелой, то есть имела на вооружении шесть 80-мм минометов, три 75-мм противотанковых орудия (PAK-40) и четыре 75-мм легких пехотных орудия (leIG). Рота пехотных орудий (13-я) имела на вооружении четыре тяжелых 150-мм орудия (sIg-33). Зенитная рота (14-я) — двенадцать самоходных 20-мм зенитных орудий. 15-я рота была мотоциклетной (два 80-мм миномета, четыре тяжелых пулемета, 18 ручных пулеметов, три 75-мм противотанковых орудий (PAK-40)), а 16-я — саперной (18 ручных пулеметов и шесть огнеметов). Кроме этого, еще была штабная рота, состоявшая из взвода связи, противотанкового (три 75-мм орудия (PAK-40)) и мотоциклетного взвода.

Командиром полка был штандартенфюрер СС Курт Мейер. Командиром I батальона — штурмбаннфюрер СС Ганс Вальдмюллер, II — штурмбаннфюрер СС Ганс Скаппини, III — оберштурмбаннфюрер СС Карл-Хайнц Милиус.

26-й танково-гренадерский полк СС формировался с 20 июля по 4 октября 1943 г. в Беверлоо. Он имел схожую организацию с 25-м полком СС, за исключением того, что его III батальон был бронированным, то есть оснащенным бронетранспортерами. Три роты в нем имели на вооружении по четыре тяжелых пулемета, 34 легких пулемета, два 80-мм миномета и два огнемета. Четвертая рота (12-я) была тяжелой — шесть 75-мм орудий, три противотанковых 75-мм орудия PAK-40, два 75-мм орудия (leIG). Командиром полка

Командир 25-го танково-гренадерского полка СС Курт Мейер и командир дивизии

был оберштурмбаннфюрер СС Вильгельм Монке. Командир I батальона — штурмбаннфюрер СС Бернгард Краузе, II — штурмбаннфюрер СС Бернгард Зибкен, III — штурмбаннфюрер СС Эрих Ольбеттер.

12-й разведывательный батальон СС состоял из пяти рот. Командиром батальона был штурмбаннфюрер СС Герд Бремер, кавалер Рыцарского креста из «Лейбштандарта».

12-й зенитный дивизион СС состоял из четырех батарей и насчитывал 980 человек. Первые три батареи были вооружены 88-мм зенитными орудиями (по четыре в каждой) и по три 20-мм зенитки. 4-я батарея имела на вооружении девять 37-мм зенитных орудий. Весной 1944 г. дивизион принимал

участие в охране воздушного пространства в районе медных заводов Ооленa. Командиром дивизиона был штурмбаннфюрер СС Рудольф Фенд. Одним из командиров взводов в дивизионе был оберштурмфюрер СС Карл-Вильгельм Краузе, бывший камердинер Гитлера и участник боев за Нарвик в составе кригсмарине (немецкий ВМФ). Именно Краузе пришла в голову идея установить счетверенную зенитку на старое шасси танка Pz-IV. Эта идея нашла поддержку у старших офицеров дивизии, и вскоре три таких установки были готовы. Идея Краузе получила развитие — Гитлеру понравилось изобретение, и он приказал поставить производство подобных машин на поток. Так появилась самоходная зенитная установка «Вирбельвинд»[1].

12-й саперный батальон СС состоял из четырех рот и мостовой колонны. Командиром батальона был штурмбаннфюрер СС Зигфрид Мюллер.

12-й батальон связи СС штурмбаннфюрера СС Эриха Пандела состоял из двух рот.

То сложное положение, в котором оказалась Германия, отразилось и на формировании отдельных подразделений дивизии СС «Гитлерюгенд». Так, дивизион штурмовых орудий, который предполагался для дивизии изначально, так и не был сформирован, и в марте 1944 г. командование вообще вычеркнуло его из своих дальнейших планов. Вместо него, в марте — апреле 1944 г. был сформирован 12-й минометный дивизион СС под командованием штурмбаннфюрера СС Вилли Мюллера. Дивизион состоял из четырех батарей, каждая из которых имела по шесть 150-мм реактивных минометов «Не-

[1] *Walther H.* The 12th SS Armored division, p. 83. В литературе очень часто «Вирбельвинд» называют «Флакпанцер».

бельвефер» и одно 50-мм орудие PAK-38[1]. Однако большой проблемой было снаряжение его транспортными средствами, из-за этого дивизион был в прямом смысле «неподвижным». После начала сражения транспорта удалось наскрести лишь на одну батарею, и поэтому 12 июня 1-я батарея гауптштурмфюрера СС Маке прибыла в Нормандию. Остальные части дивизиона прибыли на поле боя в начале июля.

На начало июня 1944 г. в дивизии СС «Гитлерюгенд» числилось 520 офицеров (вместо требовавшихся 664), 2383 унтерофицера (вместо требовавшихся 4575) и 17 637 рядовых (что на 2360 человек превосходило норму), то есть всего 20 540 солдат и офицеров. Такое большое число рядовых объясняется созданием для дивизии учебно-запасного батальона, дислоцировавшегося в Арнеме; на 1 июня 1944 г. этот батальон насчитывал 2438 человек. Так что фактически в дивизии было 18 102 человека. Однако даже это число не является окончательным, поскольку противотанковый дивизион и дивизион «Небельвеферов» были не готовы к боям на 6 июня 1944 г. Исходя из этих данных, численность дивизии на момент союзной высадки составляла около 17 000 человек.

Немецкие планы противостояния союзникам на Западном фронте

Общеизвестно, что немецкое командование во Франции так и не смогло выработать единый план отражения нападения союзников. Директива Гитлера своим западным командую-

[1] *Nafziger G.* The German Order Of Battle: Waffen SS And Other Units In World War II, p. 101.

щим требовала в случае вторжения развернуть решительные боевые действия на протяжении всего Атлантического вала. По умолчанию побережье рассматривалось как основной и главный рубеж сопротивления: противнику нельзя было дать закрепиться, требовалось отбросить его немедленными контратаками. При этом свободы стратегического маневра не было, бить врага было необходимо только немедленно и только на побережье.

Сходной со стратегией Гитлера была стратегия фельдмаршала Эрвина Роммеля, командующего группой армий «Б», которая заключалась в расстановке танковых частей близко к побережью, чтобы всегда иметь возможность развернуть атаку на самом угрожаемом участке. Роммель считал необходимым сбросить союзников в море в пределах первых 24 часов с начала вторжения, поскольку потом, как он был твердо убежден по опыту войны в Африке, у вермахта останется мало шансов на успех перед лицом подавляющего превосходства тактической авиации противника. Именно поэтому он и хотел расположить танковые дивизии в прибрежных районах, что дало бы им возможность вступить в бой в течение нескольких часов, а не дней.

Между тем фон Рундштедт и Лео фон Гейр Швеппенбург, командующий танковой группой «Запад», не разделяли точки зрения Роммеля[1]. Рундштедт в докладе штабу оперативного руководства вооруженными силами писал: «Несмотря на все укрепления, “жесткая оборона” всего побережья в течение длитель-

[1] *Карель П.* Они идут! 1944. С. 320. Заметим, что начальник штаба группы армий «Б» генерал-лейтенант Ганс Шпейдель лукавит, когда утверждает обратное в своих мемуарах (См. *Шпейдель Г.* Вторжение 1944 года. С. 75).

Фельдмаршал Герд фон Рундштедт на маневрах дивизии

ного времени невозможна». Он понимал, что гораздо сложнее перебрасывать танковые части вдоль побережья, чем выдвигать их из глубины обороны. Оба командующих предпочитали дислоцировать танки и моторизованные соединения в отдалении от побережья и развернуть решительную, координированную контратаку только тогда, когда союзники начнут наступление со своего плацдарма. При этом Рундштедт допускал, что во время дневных маршей его войска будут уязвимы от ударов с воздуха. Практичный выход, как виделось ему, был в увеличении противовоздушной обороны войск. Косвенным результатом этой теории стало то, что большинство подвижных дивизий были усилены дополнительными мобильными батареями зенитных орудий. Правда, в достаточной степени насытить ими войска к началу высадки союзников немцы так и не успели.

Последствием этих разногласий двух столь авторитетных в Германии командующих стало то, что Гитлер остановил выбор на компромиссном варианте развертывания войск, который не устраивал ни Роммеля, ни Рундштедта и, более того, в день начала вторжения союзных армий не подходил для практического осуществления ни одной из двух концепций. Правда, кто мог знать, где, когда и какими силами высадятся союзники и, следовательно, где размещать ударные резервы? А ведь этого не знала ни немецкая разведка, ни Роммель, ни Рундштедт, ни тем более Гитлер.

***

В последнюю неделю мая 1944 г. 60 офицеров из «Гитлерюгенд» срочно вызвали в штаб дивизии. К их удивлению, они увидели там своих жен, которых доставили из Германии по приказу Фрица Витта. «Поскольку впредь у вас не будет отпусков, — сказал командир дивизии, — то вы можете ехать со своими женами в Париж на два дня, а затем попрощаться с ними». Вальтер Крюгер объяснил своей жене, что все это, очевидно, означало, что их готовят «к тому делу». Он отдал жене все свои личные вещи, чтобы она увезла их в Германию. «Нам сказали, что первые пять дней будут решающими. Если мы не сумеем сорвать десантирование, потом это уже будет невозможно»[1].

Глава 2
БИТВА В НОРМАНДИИ

В большинстве исторических работ, посвященных высадке союзников в Нормандии, констатируется, что реакция немецкого командования на начало операции «Оверлорд» была

[1] *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». С. 107.

Герман Вайзер, Зепп Дитрих и Фриц Витт наблюдают за союзными самолетами

удивительно вялой. Отчасти это можно объяснить тактической неожиданностью нападения: ввиду прогнозов неблагоприятной для морского десанта погоды, в него мало кто верил в немецких штабах. Командующего группой армий «Б» фельдмаршала Роммеля вообще не было на фронте: он уехал в Германию, домой в Херлинген, праздновать день рождения жены. В общем и целом, с приходом первых известий о начале вторжения в немецких штабах воцарилась неразбериха, увеличенная вдобавок полным отсутствием каких-либо разведданных о противнике, его силах и целях. Общее замешательство также усиливалось отсутствием на месте многих штабных офицеров и командиров из 7-й армии, основная часть из которых находилась на давно запланированной командно-штабной игре в Ренне. Также отсутствовал командир I танкового корпуса СС Зепп Дитрих, проводивший инспекцию «Лейбштандарта» в Бельгии. А штаб LXXXIV армейского корпуса, оборонявшегося на побережье в районе высадки, отмечал день рождения своего командира генерала артиллерии Эриха Маркса. Банкет затянулся далеко за полночь и был прерван начавшейся высадкой воздушного десанта противника.

События развивались следующим образом: в 00:15 6 июня 1944 г., после массированной бомбардировки, союзники выбросили парашютный десант севернее Карантана и северо-восточнее Кана. Почти сразу же после этого 15-я армия генерал-полковника Ганса фон Зальмута (район Па-де-Кале) была поднята по тревоге, о чем немедленно получили сообщение ее соседи. Удивительно, но только в 02:30 по тревоге подняли стоявшую в Нормандии 7-ю армию генерал-полковника Фридриха Дольманна, которой и предстояло принять на себя основной союзный удар, а начальник ее штаба сообщил первые тревожные сведения в штаб группы армий. Однако уже

Курт Мейер, Фриц Витт и Герд фон Рундштедт

через десять минут, в 02:40, он получил разъяснение от штаба главнокомандующего на Западе: «Здесь нет крупной акции». Одновременно свою оценку обстановки дал и начальник штаба группы армий «Б» генерал-лейтенант Ганс Шпайдель: «Это пока лишь ограниченные мероприятия». Никакого беспокойства не выказывал и фельдмаршал фон Рундштедт. Таким образом, первое на Западном фронте объявление тревоги не коснулось подвижных дивизий СС.

Несмотря на это, новости распространялись быстро. Бригадефюрер СС Фриц Витт узнал о высадке одним из первых. Известие пришло на командный пункт дивизии в селе Акон (немного южнее Национального шоссе № 12, между Дро и Верневиль-сюр-Авре) около половины второго ночи. В 01:30 Витт разбудил начальника штаба дивизии Хуберта Мейера и поведал ему о своем видении ситуации: «Мейер, это вторжение, определенно!» Правда, никаких действий он не предпринял, солдаты продолжали спать. Только в 03:00 Витт получил сообщение от командира 711-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Йозефа Райхерта, о высадке воздушных десантов врага в районе Кана. После этого, хотя Витт и не получал приказов о выступлении, он сам поднял свою дивизию (для этого использовалось кодовое слово «Блюхер»). К 4 часам утра основные части «Гитлерюгенд» уже были готовы к маршу. Подъем по тревоге облегчался тем, что для II танкового батальона на день 6 июня были запланированы маневры, и поэтому личный состав батальона и так находился в боеготовности[1].

Но приказов все не поступало, что и неудивительно, поскольку дивизия подчинялась Верховному командованию

[1] *Walther H.* The 12th SS Armored division, p. 53.

вермахта и не могла использоваться до того, как ситуация полностью прояснится и окажется, что сил, уже задействованных в сражении, недостаточно[1].

Пытаясь разобраться в обстановке, Витт, на свой страх и риск, отправил подразделения 25-го полка СС в сторону Кана, а подразделения 12-го разведывательного батальона СС Герда Бремера — разведать район от устья Сены до Байо. Тем временем, в 05:00 Рундштедт, не дожидаясь решения ставки, взял под свое командование дивизию СС «Гитлерюгенд». Дивизию передали группе армий «Б», правда, какие-либо приказы ей направить почему-то забыли.

Моральный дух у солдат дивизии СС «Гитлерюгенд» был высоким. По воспоминаниям штурммана СС Гельмута Пока, личный состав 12-го танкового полка СС после объявления о высадке союзников проявил большой энтузиазм: «На территории… наблюдалось большое движение — кто-то приходил, приезжал, кто-то уходил. Солдаты готовили снаряжение, в то время как постоянно прибывали офицеры и связисты. Каждый раз, когда появлялся один или несколько наших офицеров, они громко кричали "Ура!". Некоторые из них обнимали нас, хлопали по спине, другие снимали головные уборы и подбрасывали в воздух. Боевой дух был очень высоким, и мы оказались в атмосфере, которая на нас подействовала». Масла в огонь общей эйфории «подлила» группа немецких истребителей, пронесшаяся над эсэсовскими танками. «Именно это приносило радость в наши солдатские сердца, придавало сил, вливало энергию, и мы были готовы броситься в бой. Энтузиазм про-

[1] Первыми предполагалось задействовать резервы группы армий «Б» – 2-ю и 116-ю танковые дивизии, но они находились далеко от места сражения, в отличие от той же «Гитлерюгенд».

Командир 12-го разведывательного батальона СС Герд Бремер на своем командном пункте

являлся везде, и фразы типа "Мы покажем этим Томми" — снова и снова повторялись в наших разговорах», — вспоминал Гельмут Пок. Вскоре весь этот энтузиазм оказался растрачен впустую. Танковый полк продолжал стоять на месте, ожидая приказов. Бездействие наводило людей на невеселые мысли, увеличивало нервозность. «Водители еще раз проверили двигатели, чтобы удостовериться, все ли в порядке, но это скорее диктовалось нервозностью, чем технической необходимостью. Мы были готовы к приказу выступать, поскольку считали, что нам не следует больше стоять на одном месте. Время поджимало, и мы опасались, что прибудем слишком поздно на поля сражений, которые нам предстояли. Чувствовалось охватившее людей напряжение. Даже обладающим чувством юмора было

трудно шутить как обычно. После первой волны энтузиазма нас охватил страх перед неизвестностью, хотя мы знали, что ждать и стоять на месте — худший вариант для войсковых частей. Лучше сразу же трогаться с места! "Они не хотят уходить отсюда или мы им не нужны?" спросил один из моих (Гельмута Пока. — *Р.П.*) товарищей»[1].

Только в 07:00 (!) [2] пришел приказ от командира I танкового корпуса СС Йозефа Дитриха: дивизия передавалась в подчинение LXXXI армейского корпуса генерала танковых войск Адольфа Кунтцена в Руане. В этом же приказе оговаривалось и новое место дислокации — район Лизье. Приказ вызвал у Витта замешательство. Во-первых, учитывая, что уже было известно, что противник пробивается к Кану, а узнать подробности в штабе группы армий «Б», из-за отсутствия связи, было невозможно (да и начальник штаба группы армий Ганс Шпайдель отправился досыпать, очевидно, так до конца и не разобравшись в обстановке), а во-вторых, указанный район не входил ни в один из существующих планов развертывания дивизии, не было ни маршрутов, ни пунктов сосредоточения.

Три часа ушло на подготовку маршрутов и отправку их через офицеров связи в части. Между 10—11 часами соединения дивизии наконец-то выступили. Витт разделил свои силы на две боевые группы, основой которых послужили танково-гренадерские полки дивизии. 25-й полк СС был усилен II батальоном танкового полка (при нем же находился командир танкового полка Макс Вюнше[3]) и III артиллерийским

[1] *Бернаж Ж.* Немецкие танковые войска. С. 17—18.

[2] *Карель П.* Они идут! 1944. С. 382.

[3] Отметим, что Вюнше и Мейера связывали дружеские взаимоотношения. До «Гитлерюгенда» оба служили в дивизии СС «Лейбштан-

дивизионом. Кроме этого, в качестве усиления группа получила несколько счетверенных 20-мм зенитных пушек «Флак-38», что резко усилило ее огневую мощь. Эта группа выступила около 10:00. 26-й полк СС, усиленный I батальоном танкового полка, двумя артиллерийскими дивизионами и саперным батальоном, выступил около 11:00. Дивизионный штаб располагался к востоку от Тийи-сюр-Авр, с ним была установлена радиосвязь. Позднее командный пункт был перенесен в Лизье.

Тем временем 21-я танковая дивизия, подчиненная LXXXIV армейскому корпусу, готовилась к контратаке у Перира против высаживающихся войск союзников. В штабе группы армий «Б» здраво решили, что атаку на плацдарм нужно усилить. Поэтому Фрицу Витту был отправлен новый приказ — сосредоточить дивизию не в Лизье, а западнее Кана, с задачей оказать поддержку LXXXIV корпусу (в оперативное подчинение которому она переходила) при контратаке на плацдарм противника. 25-й полк СС должен был атаковать район к западу от рубежа Карпике — Верзон — Лувиньи. Этот приказ пришел приблизительно в 15 часов. В журнале боевых действий 7-й армии в 15:00 была сделана следующая запись: «12-я танковая дивизия СС и учебная танковая дивизия переданы в распоряжение командования 7-й армии для использования в секторе, занимаемом 716-й пехотной дивизией. Командование армии отдало следующие приказы через командование западной группировки войск:

дарт», воевали с 1939 г. и уже не в первый раз действовали вместе в составе боевой группы. Наиболее яркий пример их взаимодействия произошел примерно годом ранее, когда они оба еще были только командирами батальонов. Тогда, будучи в одной боевой группе, они приняли активное участие в захвате Харькова II танковым корпусом СС в марте 1943 г.

1) 12-я танковая дивизия СС должна немедленно занять позиции к северу о линии Алансон (исключая его) — Курруж (включая) — Флер (исключая), на участках по обеим сторонам Эвреси, и переходит в подчинение 84-го корпуса. Ее задача — встать к западу от 21-й танковой дивизии, разбить и отбросить назад в море противника, который продвинулся к западу от реки Орн»[1]. Констатируем, что долго, очень долго, разбирались высокие немецкие армейские начальники в обстановке.

Однако полки дивизии были уже на марше, догнать их было непросто. Новый приказ дошел до усиленного 25-го гренадерского полка СС только около 16 часов, в это время полк уже был в районе западнее Лизье, в 70 километрах от определенной ему позиции. Остальные соединения 12-й танковой дивизии СС также получили приказ в разное время. Курту Мейеру предписывалось атаковать район к западу от рубежа Карпике — Верзон — Лувиньи. Вильгельм Монке должен был сосредоточить свои силы в районе Сен-Мове — Кристо — Фонтени-ле-Песнель — Шо. Саперный батальон должен был атаковать в районе Эске, а 12-й разведывательный батальон — в Тийи-сюр-Сель. Части поддержки должны были располагаться восточнее реки Орн, в районе Форе-де-Гримбос и Форе-де-Кюиби; на запад им предполагалось двигаться лишь с наступлением темноты. Штаб дивизии перебазировали на северную окраину Форе-де-Гримбос.

Курт Мейер патетически описал этот момент: «Время настало! Солдаты сели в свои машины. Связные на мотоциклах с ревом помчались вниз по улицам; взревели двигатели боевых машин. Как часто мы переживали такие моменты старта!

[1] *Бернаж Ж.* Немецкие танковые войска. С. 17.

Командир дивизии СС «Гитлерюгенд» Курт Мейер в форме, пошитой из итальянского камуфляжа

В Польше, Центральной Европе, на Балканах, в России, а теперь снова в Центральной Европе. Мы, старые солдаты, с озабоченностью смотрели в будущее. Мы знали, что нам предстояло. И напротив, наши чудесные юные солдаты глядели на нас смеющимися глазами. Они не испытывали страха. Они были уверены в нас, они верили в свои силы и волю к победе»[1].

Сначала погода благоприятствовала немцам — небо было затянуто облаками. После долгого стояния на месте начался марш танкового полка к фронту — по пыльным дорогам, под защитой плохой погоды. Затем ситуация изменилась — к 18:00 небо очистилось от облаков и вышло солнце. Вместе с солнцем появились и штурмовики союзников, атаковавшие немецкие колонны. При этом англо-американские летчики били и по гражданским целям; так, Курт Мейер вспоминал, как на дороге Кан — Фалез эсэсовцы натолкнулись на расстрелянный с воздуха автобус с французскими гражданскими жителями: «Изувеченные тела людей свешивались из разбитых окон, перегораживая выход оставшимся внутри. Какой ужас! Почему

[1] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 211.

гражданские в огне? Но мы не могли позволить себе скомкать график движения! Нам нельзя было останавливаться!.. Нас безжалостно преследовали, но мы не могли позволить себе уйти в укрытие. Марш должен был продолжаться!»[1] Особенно сильно от атак с воздуха досталось I батальону 25-го полка СС.

Атаки союзной авиации привели к первым потерям. Гельмут Пок вспоминал: «Количество разрушенных транспортных средств увеличивалось; сгорая, они становились типичного ржаво-красного цвета»[2]. Последний взвод 15-й роты 25-го полка СС был расстрелян союзными самолетам в теснине, где не было возможности найти хоть какое-то укрытие. «Со страшным грохотом взорвались боеприпасы в автомобиле-амфибии, от взрыва огонь взметнулся высоко в небо, а машину разорвало на части. Но через пару минут обломки были уже отодвинуты в сторону — останавливаться нельзя, мы должны были продолжать движение!»[3] Воздушные налеты всячески тормозили движение войск. Лучше всего об этом выразился начальник штаба I танкового корпуса СС Фриц Кремер: «Мы шли по дороге мимо различного рода горящих машин. Мы не видели действительной защиты от вражеских самолетов-истребителей ни в виде наших зенитных батарей, ни наших истребителей в воздухе. Воздушные атаки действовали подавляюще на наших водителей. Немецкие солдаты не были подготовлены к такого рода атакам, и наше движение растянулось на несколько дней»[4]. Если такие ощущения были в отборных эсэсовских частях, то что уж говорить об обычных армейских.

---

[1] Там же. С. 212.

[2] *Бернаж Ж.* Немецкие танковые войска. С. 18.

[3] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 212.

[4] *Мессенджер Ч.* Танковый рыцарь рейха. С. 201.

Фриц Кремер, начальник штаба I танкового корпуса СС (на фото в униформе вермахта)

За первый день вторжения, так и не вступив в бой, дивизия СС «Гитлерюгенд» от атак с воздуха потеряла 22 человек убитыми, 40 ранеными и одного пропавшим без вести[1]. Даже командиру дивизии Фрицу Витту во время поездки на фронт пришлось несколько раз оставлять свою машину и укрываться в придорожных канавах от атак авиации.

Подавляющее превосходство союзников в воздухе стало важнейшим фактором успеха союзного десанта. Командир I танкового корпуса СС Зепп Дитрих планировал контратаку на рассвете 7 июня силами дивизии СС «Гитлерюгенд» и 21-й танковой. Однако происходящие события заставили его откорректировать свои планы. К югу от Фалеза Дитрих и Кремер встретились с Фрицем Виттом. Он доложил, что основная часть его дивизии задержана атаками с воздуха, а движение осуществляет лишь усиленный 25-й полк СС. Для остальных частей дивизии спешно планировались новые маршруты, с учетом избегания магистральных дорог и максимального использования ночи.

К наступлению темноты 15-я рота 25-го полка СС пересекла дорогу Кан — Виллер-Бокаж. Вскоре прибыл I батальон Ганса

[1] *Lucas J.* Battle Group!, p. 144.

Штурмбаннфюрер СС Ганс Вальдмюллер, командир I батальона 25-го полка СС

Вальдмюллера, и Курт Мейер смог подвести некоторые предварительные итоги. Как оказалось, воздушные налеты не привели к значительным потерям, однако психологическое воздействие их на войска было все же велико.

Однако в целом боевые порядки 12-й дивизии СС были очень растянуты, многие части, в частности 26-й полк, еще находились на марше между Ливаро и Каном в 30 километрах от реки Орн. Из-за воздействия союзной авиации против дорог трудно было сказать, когда они смогут подойти. У переправ через Орн застряли в ожидании бензозаправщиков «Пантеры» I танкового батальона. Авианалеты, а также удары мощной корабельной артиллерии, посылавшей снаряды на многие километры от берега, были досадной новостью как для ветеранов Восточного фронта, так и для необстрелянных новичков. Все же после короткого ступора солдаты смогли приспособиться к действительности. Если первые бомбы и снаряды приводили юных гренадеров в замешательство, то вскоре они уже нашли в себе силы открыть огонь из стрелкового оружия по низколетящим самолетам. Хорошо показали себя водители танков и бронемашин, сумевшие рассыпать колонну при воздушной атаке, благодаря чему потери были сведены к минимуму.

Таким образом, 6 июня 1944 г. 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» не смогла принять участие в боевых действиях. Здесь констатируем, что в общем и целом день 6 июня для немцев был потерян, однако неразбериха в их штабах продолжалась. Так, дивизию СС «Гитлерюгенд» снова перевели под начало I танкового корпуса СС. В 17: 00 6 июня Зепп Дитрих и штаб I танкового корпуса СС получили первый внятный приказ из Ставки: приготовиться к контратаке западнее Кана на рассвете 7 июня, в ходе которой сильным ударом сбросить противника в море.

Нужно сказать, что после войны многие немецкие генералы в своих мемуарах утверждали, что своим успехом в день «Д» союзники прежде всего обязаны Гитлеру, который запрещал использовать подвижные танковые дивизии без своего личного разрешения. Однако факты свидетельствуют, что немецкое командование во Франции (в частности, главнокомандующий на Западе, фельдмаршал Герд фон Рундштедт и Зепп Дитрих), ввело в действие танковые дивизии без предварительного разрешения ОКВ. В дальнейшем, уже утром 6 июня, штаб группы армий «Б» начал отправлять в вышестоящие инстанции победные реляции об отражении десанта. Кроме того, командующие на Западе до конца не были уверенны в верной оценке обстановки. Кроме этого, и Гитлер и немецкий Генеральный штаб считали, что главное внимание следует уделить побережью Па-де-Кале, где, по общему мнению, и будет производиться основная высадка союзных сил. И только после прояснения общей ситуации, в 15:40, Гитлер отдал приказ об организации контрудара, но немедленно организовать сильный удар уже было невозможно (в том числе и из-за «растянутости» «Гитлерюгенд»). Интересно, что бывший полковник вермахта Ганс

фон Люк в своих мемуарах утверждает, что командир 21-й танковой дивизии генерал-лейтенант Эдгар Фойхтингер имел четкий приказ: в случае воздушно-десантной высадки противника немедленно атаковать. Правда, в день высадки Фойхтингер отсутствовал на месте, а вышестоящее командование (например, в лице Шпайделя) не разобралось в ситуации, поэтому атака не состоялась. Неизвестно, имела ли подобный приказ дивизия СС «Гитлерюгенд», но это и неважно. Главное то, что из-за плохого руководства, отчасти вызванного неразберихой, не удалось организовать скоординированную атаку двух сильных танковых дивизий и добиться каких-либо положительных результатов на фронте вторжения, когда это еще было возможно.

Гренадеры дивизии на позиции

Боевое крещение

Около 23: 00 к Курту Мейеру прибыл офицер связи из 21-й танковой дивизии, командир которой генерал-лейтенант Эдгар Фойхтингер ожидал Мейера для брифинга на командном пункте 716-й пехотной дивизии. Командный бункер размещался в штольне рудника за пределами Кана. Мейер выехал немедленно и незадолго до полуночи 6 июня уже стоял перед командиром

716-й пехотной дивизии генерал-майором Вильгельмом Рихтером и Фойхтингером. Последний не имел связи со своими частями, а об обстановке имел самое общее представление. Рихтер уныло сообщил, что положение серьезное, его дивизия разгромлена, а фронт в большей или меньшей степени прекратил свое существование. В бункере царило пессимистическое настроение. Мейер уже собрался покинуть бункер, как туда позвонил Фриц Витт (находившийся на командном пункте 21-й танковой дивизии у Сен-Пьер-сюр-Див) и попросил Мейера проинформировать его об обстановке. Витт молча выслушал малоутешительный отчет Мейера, после чего заметил: «Ситуация настоятельно требует быстрых действий. Прежде всего, противник не должен быть допущен в Кан и на аэродром в Карпике. Можно предположить, что части и соединения противника в данный момент готовятся к обороне, поскольку они еще не готовы к дальнейшему наступлению. Следовательно, было бы ошибкой вводить в бой части нашей дивизии по мере их подтягивания. Единственно возможный вариант — предпринять атаку во взаимодействии с 21-й танковой дивизией»[1]. Дальше Витт передал приказ I танкового корпуса СС: 7 июня в 12: 00 разместиться по левую сторону от 21-й танковой дивизии, начать наступление и сбросить врага в море. Нужно сказать, что этот приказ запоздал ровно на сутки, чтобы поддержать атаку 21-й танковой дивизии у Перира, а возможность нанести удар по плацдарму в момент, когда союзники еще не смогли толком закрепиться, была попусту потеряна.

В ответ на это Мейер, «щеголеватый полковник», как назвал его один из офицеров, присутствующих в бункере,

[1] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 216.

тут же заявил, что не намерен задерживаться ни на одном рубеже вплоть до выхода на побережье[1]. Правда, Фойхтингер не разделил его оптимизм. Так что немудрено, что самоуверенный Мейер произвел на Фойхтингера крайне негативное впечатление. Он вспоминал: «Я объяснил Мейеру ситуацию и предупредил его, что противник силен. Мейер изучил карту, повернулся ко мне и самоуверенно заявил: "Мелкая рыбешка! Утром мы сбросим их в море!"»[2]

Свой командный пункт Мейер развернул на западной окраине Кана, в небольшом кафе в Сен-Жермен-ла-Бланш-Эрб. Накануне Кан был подвергнут сильному налету авиации союзников, местами он еще горел, а улицы были завалены обломками. Важно отметить, что налету подвергся мирный город, в котором не было немецких воинских частей, разве что пост жандармерии. В итоге Мейер пустил свои силы в обход города. На основании полученного приказа Мейер в 03:00 отдал своим командирам устные приказы готовиться к атаке.

Всю ночь эсэсовцы собирались с силами, прибывал батальон за батальоном. Группа Мейера заняла позиции на линии Франкевиль — Отье. Прибывшие роты прямо после трудного марша начали окапываться на местности и оборудовать позиции для артиллерии. I батальон занимал правый фланг и соседствовал с 21-й танковой дивизией (между Эпроном и Ла-Фоли), II батальон сконцентрировался в районе Сен-Контест, а III — занимал левый фланг, перекрыв дорогу Кан — Байе. По одной танковой роте находилось на правом и левом флангах, а полковая артиллерия расположилась к югу от Кана. III ар-

[1] *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». С. 193.

[2] *Шульман М.* Поражение на западе. С. 151.

тиллерийский дивизион Карла Бартлинга (150-мм орудия) развернули на северных окраинах Кана[1]; в 09:00 Бартлинг доложил Мейеру, что его орудия готовы к открытию огня. Задерживалось лишь прибытие танков, первые машины II танкового батальона появились лишь около 10:00[2]. Карл-Хайнц Принц доложил, что в данный момент имеет 50 танков Pz-IV, а остальные прибудут в течение дня и ночи[3]. Танковые экипажи были сильно утомлены долгим ночным маршем, водители засыпали прямо на своих местах.

Свой новый командный пункт Мейер разместил в монастыре в Арденнах. Он был «старой развалиной с большим садом, окруженный высокими стенами из твердого камня. Две монастырские башни господствовали над местностью, обеспечивая великолепный обзор»[4]. Одну из башен отдали под наблюдательный пункт III артиллерийского дивизиона, вторую башню Мейер «оставил себе». У монастыря расположился командирский танк Макса Вюнше.

---

[1] В своих мемуарах Мейер также упоминает и приданный ему минометный дивизион. Что это была за часть, точно не известно, поскольку, как мы помним, 12-й минометный дивизион СС не имел транспорта, чтобы вовремя поспеть к фронту.

[2] Первым из состава батальона на фронт прибыл унтерштурмфюрер СС Герберт Вальтер, адъютант Принца, имевший задание «подготовить» прибытие батальона на фронт. На рассвете 7 июня Вальтер появился на командном пункте 716-й пехотной дивизии. Никто не проверил его документы: «Я мог бы быть врагом и пройти туда с ручными гранатами». Впрочем, в штабе ему помочь ничем не могли – карты сектора у них отсутствовали, а обстановка была неизвестна.

[3] *Бернаж Ж.* Немецкие танковые войска. С. 43. В то же время, по данным М. Рейнольдса, на поле боя прибыло немногим более 30 танков.

[4] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 217.

Общая обстановка атаке эсэсовцев никак не благоприятствовала. В воздухе роились штурмовики союзников, блокируя любое передвижение по дорогам. К активности авиации добавился огонь мощной корабельной артиллерии: снаряды калибра до 380-мм, как «скорые поезда», проносились над головами немцев.

Между тем и Витт и Фойхтингер верили, что мощным ударом блестяще оснащенной дивизии СС «Гитлерюгенд» удастся сбросить англичан в море. Приказ на наступление был ясен и оптимистичен: дивизия совместно с 21-й танковой дивизией наступает на высадившегося врага и сбрасывает его в море. Для организации наступления Витт провел совещание с командиром 21-й танковой дивизии Фойхтингером и командиром 22-го полка этой дивизии полковником фон Оппельн-Брониковски. На этом совете и решили наступать, пока «англичане не свалятся в море»[1]. Однако сосредоточение дивизии сильно задерживалось. До полудня усиленный 26-й полк СС так и не вышел на исходные позиции, а I танковый батальон не мог двинуться с места из-за нехватки горючего, которое нельзя было доставить из-за интенсивных атак с воздуха. В итоге общую атаку перенесли на 16:00.

Тем временем Курт Мейер осматривал окрестности с высокой монастырской башни. Сначала он пронаблюдал впечатляющую панораму пляжа, на который непрерывным потоком высаживались все новые и новые солдаты и техника. Затем он занялся более насущными проблемами: «К западу... выстраивались танковые соединения противника. Все пространство напоминало муравейник. А что было за нами? Дымящиеся

[1] *Карель П.* Они идут! 1944. С. 384.

развалины, пустые дороги и горящие машины. Дорога Кан — Фалез была прямой, как стрела... но по ней не было ни намека на германские боевые части. Они пережидали светлое время суток где-нибудь в укрытиях... осмеливаясь двигаться вперед только ночью»[1]. Пристальное внимание Мейера привлекли канадские танковые и пехотные части, разворачивающиеся в непосредственной близости от позиций его людей. То, что немцы прекрасно видели расположение войск противника, позволило им удачно расставить свою боевую технику. Адъютант командира II танкового батальона Принца унтерштурмфюрер СС Вальтер, которому также позволили подняться на башню к Мейеру для изучения местности, учел полученную информацию при расстановке батальона. Вальтер разместил танки на противоположной от союзников стороне холма, чтобы скрыться от врага и добиться эффекта неожиданности. Интересно, что в момент сосредоточения на склон холма въехал оберштурмбаннфюрер СС Милиус с офицерами своего штаба для проведения рекогносцировки. Вальтер в весьма грубой форме, особенно учитывая, что он был на несколько ступеней ниже по званию потребовал, чтобы Милиус убрался с холма: «Проваливай! А то нас заметит противник»[2].

Пока танки разворачивались, Мейер продолжал следить за противником. Впрочем, долго думать времени не было: к позициям его частей приближались канадцы — 27-я танковая и 9-я пехотная бригады. Не подозревая о присутствии эсэсовцев,

[1] *Мейер К.* Указ.соч. С. 218—219.

[2] Инцидент получил продолжение вечером, когда Милиус пожаловался Принцу на поведение Вальтера. Принц исчерпал инцидент словами: «Он сказал то, что сказал бы я сам». См. *Бернаж Ж.* Немецкие танковые войска. С. 43.

Штурмбаннфюрер СС Ганс Скаппини, командир II батальона 25-го полка СС

канадцы продвигались к аэродрому Карпике, западнее Кана. Вражеские танки проходили всего в 200-х метрах от позиций II батальона штурмбаннфюрера СС Ганса Скаппини[1]. Всегда есть опасность, что нетерпеливые молодые солдаты откроют огонь раньше времени и, всполошив противника, нарушат план операции. Однако вышколенные гренадеры Мейера придерживались жесткой дисциплины: без приказа не стрелять. Мейер лично, с монастырской башни, по полевому телефону корректировал действия своих людей.

Между тем взвод унтерштурмфюрера СС Карл-Хайнца Порша из 5-й танковой роты был направлен на рекогносцировку в район дороги Франкевиль — Оти. Здесь немцы столкнулись с «Шерманами» роты «А» из Шербрукского стрелкового полка. В завязавшейся схватке эсэсовцы потеряли три танка и отступили. Эта стычка всполошила канадцев, и они стали действовать осторожнее. Курт Мейер понял, что больше выжидать было нельзя. Он осознавал, какой шанс предоставляется ему:

[1] Скаппини родился 28 апреля 1912 г. Ветеран СС (билет № 38577). Служил в «Лейбштандарте», в сражении за Харьков командовал 6-й ротой 2-го гренадерского полка СС. За отличия в этой операции 28 марта 1943 г. награжден Германским крестом в золоте.

уничтожить наступающего врага и перейти в контрнаступление, хоть это и противоречило первоначальному плану. Было 14:20.

Мейер решил, что как только танки противника минуют Франкевиль, поддержанный танками III батальон 25-го полка СС атакует. Как только батальон достигнет Оти, в бой вступят другие батальоны. Целью атаки было выйти на побережье. Отправив связного к Фойхтингеру с донесением о принятом решении, Мейер крикнул в трубку полевого телефона: «Атаковать!» Почти сразу же Вюнше классически «танковым» приказом: «Внимание! Танки — вперед!» — бросил в бой свои танки, а противотанковая артиллерия эсэсовцев открыла огонь на поражение по технике противника. Вражеские войска были захвачены врасплох.

5-я и 6-я роты ударили по канадскому авангарду с фланга. 6-я рота быстро подбила около десятка единиц вражеской бронетехники, заплатив за это четырьмя своими машинами. В сопровождении 9-й роты 25-го полка СС танки начали развивать наступление на Оти.

В целом численность противников была приблизительно равной, однако канадцы заметно уступали немцам в боеспособности. Гренадеры из III батальона, используя естественные складки местности, атаковали канадских пехотинцев из роты «Ц», отрезали их и лишили возможности действовать вместе с танками. I и II батальоны нанесли удар во фланг 9-й бригаде канадцев. Разбив вражеский авангард, солдаты Мейера бросились вперед. Пленные были собраны и отправлены в тыл.

Танки 5-й и 6-й рот и гренадеры III батальона 25-го полка СС быстро вышли к Оти. Здесь 5-я рота атаковала на юг и достигла Груши, где ей теперь предстояло оборонять северную

границу позиций дивизии. 6-я рота и гренадеры продолжили атаку на Бюрон. Канадцы оказали упорное сопротивление. У Бюрона 6-я танковая рота и сопровождавшие их гренадеры попали под мощный огонь канадской артиллерии. Понеся тяжелые потери в людях и технике, эсэсовцы сбавили темп атаки. Подобрав раненых, танки отошли к монастырю Арденн. Курт Мейер быстро пресек отход танков и перенаправил их в помощь пехоте, сражавшейся за Бюрон. Все оставшиеся танки должны были поддерживать пехоту.

Одна из бронемашин дивизии СС «Гитлерюгенд» в районе Кана

Сам командир полка на мотоцикле направился в III батальон. По дороге его атаковали штурмовики союзников, мотоцикл сгорел, но сам Мейер уцелел. Между Бюроном и Оти Мейер встретил Милиуса; последний «с гордостью сообщил, что его батальон показал высокий боевой дух». Потери среди гренадер были незначительны. Сама деревня Бюрон подверглась мощному артиллерийскому обстрелу, как полевой, так и корабельной артиллерии союзников. Одна рота III батальона оказалась в самом центре этого огня. Тем не менее гренадеры выдвигались в направлении Биссона, а Милиус последовал за своей головной ротой.

Ожесточенный бой шел по всей линии наступления канадцев. Дивизия СС «Гитлерюгенд» показывала свою «гибкость»,

Гренадеры СС в окопах

то занимая жесткую оборону, то переходя в контратаку. Канадцы в долгу не остались, вызвали артиллерийскую поддержку, и подразделения III батальона 25-го полка СС были накрыты огневым валом. Воспользовавшись ситуацией, союзники ударили во фланг I батальону штурмбаннфюрера СС Ганса Вальдмюллера. Этот батальон понес большие потери, но все же смог остановить канадскую бронетехнику при помощи противотанковой артиллерии. Поддерживать этот батальон должна была 8-я танковая рота Ганса Зигеля, имевшая к началу боя лишь пять танков, да и то один из них вскоре вышел из строя. Оставшиеся четыре танка также ничего путного показать не сумели — срезанная снарядом толстая ветка заблокировала башню на танке Зигеля, один танк въехал то ли в воронку, то ли в противотанковый ров (немецкий, вырытый солдатами 716-й пехотной дивизии), где и застрял, а два оставшихся танка

были подбиты. Ожидалось, что атаку поддержат несколько танков 21-й танковой дивизии, но они застряли у Эрпона и не смогли прикрыть правый фланг «Гитлерюгенд». Таким образом, гренадеры Вальдмюллера оказались в решающий момент атаки без танковой поддержки. Впрочем, атака «Шерманов» была успешно отражена усилиями противотанкового взвода батальона. Однако из-за отсутствия танковой поддержки Вальдмюллер получил приказ отступать — приказ, который был с большим недоверием встречен молодыми солдатами дивизии и которому они подчинились с неохотой.

II батальон вел тяжелые бои с «Шерманами» и «Стюартами» в районе Сен-Контеста. Его поддерживала 7-я танковая рота гауптштурмфюрера СС Бракера. Танки пошли в атаку за тремя гренадерскими ротами, растянувшись веерным построением. Сен-Контест был взят без особого труда, наступление продолжилось на Малон и Галманш, вскоре были взяты и они. Успех эсэсовцев омрачался тем, что командиру II батальона 25-го полка СС Гансу Скаппини осколком снаряда оторвало голову[1]; прямо на поле боя батальон возглавил гауптштурмфюрер СС Карл-Хайнц Шротт. В свою очередь, левый фланг дивизии подвергся удару 7-й танковой бригады канадцев. Немцы быстро организовали противотанковую оборону, а контратака танков Pz-IV стабилизировала положение.

На этом наступление дивизии СС «Гитлерюгенд» практически остановилось. Необходимой поддержки Мейер не получил — 26-й полк СС все еще был на марше, от него в зону боевых действий прибыла лишь 15-я рота. Одновременно 12-й

[1] Отметим, что в сводке потерь дивизии гибель Скаппини датирована 8 июня.

разведывательный батальон СС также еще только вступал в соприкосновение с противником на левом фланге дивизии — он производил разведку в направлении Байо. Все, чего смог Мейер добиться, так это вечером, после перегруппировки, стремительным ударом выбить противника из деревушки Камбе (на севере от Кана). Однако из-за сильного вражеского противодействия развить успех не удалось, гренадеры окопались на захваченных позициях.

Трудность была и в том, что командир II танкового батальона Принц не мог связаться по радио со своими ротами и поэтому осуществлял управление через своего адъютанта Герберта Вальтера, который на своем «Швиммвагене» носился между ротами и передавал приказы[1].

Объективно отступление дивизии СС «Гитлерюгенд» было вызвано открытостью флангов полка из-за медленного продвижения соседей, что могло спровоцировать окружение эсэсовских батальонов. Интересно, что в союзном плену Мейер яростно отрицал факт, что его 7 июня остановило противодействие противника. «Мы не смогли добиться нужных результатов 7 июня, поскольку на долгом пути к фронту истощили запасы горючего. Я пытался пополнить их, но это оказалось невозможным, поэтому в наступлении я смог использовать лишь половину своих танков»[2]. Это можно было бы признать за браваду пленного эсэсовца перед союзниками, если бы не Зепп Дитрих, который уже после войны поддержал Мейера в этом утверждении. В возникшем споре генерал-лейтенант Эдгар Фойхтингер, напротив, не согласился с ними, подвергнув Мейера резкой критике.

---

[1] *Walther H.* The 12th SS Armored division, p. 59.

[2] *Шульман М.* Поражение на западе. С. 152.

Однако анализ ситуации доказывает, что Мейер, в отличие от того же Фойхтингера, действовал смело, решительно, и, что главное — единственно правильно. Критику же Мейера Фойхтингером можно объяснить неприязнью последнего к войскам СС и к Мейеру лично (из-за его надменного, самоуверенного поведения), тем более что самому ему похвастаться было абсолютно нечем. Не секрет, что Фойхтингер, подавленный событиями первого дня наступления союзников, не верил в успех немедленной танковой атаки и поэтому действовал крайне вяло[1]. Как бы оно ни было, но факт остается фактом — сбросить противника в море немцам так и не удалось. К вопросу же о нехватке у Мейера горючего заметим, что в условиях господства в воздухе авиации союзников он снабжал свои части бензином при помощи маленьких, вертких вездеходов «Фольксваген», которые двигались от укрытия к укрытию. Вряд ли такая мера была уж очень эффективной, но другого выхода у него не было.

На монастырском дворе столпилось около 150 канадских пленных, захваченных за день. Часть из них была ранена, им оказывали помощь немецкие санитары. Отметим, что санитарная рота, приданная полку Мейера, была атакована на марше союзной авиацией, было сожжено несколько специально маркированных машин «скорой помощи» (они были выкрашены в белый цвет и несли эмблему Красного Креста; от союзных летчиков это, впрочем, не спасало), погибло несколько санитаров.

Вечером 7 июня 8-я танковая рота оберштурмфюрера СС Герберта Хоефлера, дислоцировавшаяся к северо-западу от Кана, на высотке под старой водонапорной башней, попала под бомбардировку союзной авиации. В рейде принимало участие

[1] *Мессенджер Ч.* Танковый рыцарь рейха. С. 203.

250—300 самолетов, плотно отбомбившихся по окрестностям Кана. Бомбардировка длилась 10—15 минут; этого времени хватило, чтобы превратить всю местность в усеянную кратерами выжженную пустыню. Два танка Pz-IV было потеряно от прямых попаданий бомб.

Первое столкновение союзников с дивизией СС «Гитлерюгенд» стоило им 28 танков «Шерман» и «Стюарт» и 245 человек убитых, раненых, пленных. Потери дивизии также были тяжелыми. 7 июня немцы потеряли трех офицеров убитыми. Вопреки распространенному мнению, тяжелые потери были во II танковом батальоне. В 5-й и 6-й ротах было подбито девять танков (погибло 13 человек, 11 было ранено). В 7-й роте потери составили три танка и двое танкистов убитыми. В 8-й роте было подбито четыре танка (убито четверо и ранено двое военнослужащих). В итоге потери составили 16 танков подбитыми[1]. Не вся эта техника была потеряна безвозвратно, здесь общепринятой цифрой считается два безвозвратно потерянных танка[2].

Впрочем, каких-либо ощутимых результатов в плане изменения военной обстановки данная атака не дала. Главным успехом этого дня для немцев было то, что им удалось остановить наступление канадцев и отбросить их где-то на три километра. Забегая вперед, отметим, что для того, чтобы снова отбить назад эти три километра, союзникам потребовался почти месяц упорных боев.

В ночь на 8 июня к Мейеру подошло подкрепление: на позиции на левом фланге вышли наконец-то прибывший 26-й

[1] *Бернаж Ж.* Немецкие танковые войска. С. 45.

[2] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 224.

полк СС Вильгельма Монке и части артиллерийского полка дивизии. Также подоспели 1-я и 4-я рота I танкового батальона, укомплектованные «Пантерами». Здесь отметим, что 7 июня 12-й танковый полк СС получил еще 13 новых танков этого типа[1], в целом общее число их в дивизии достигло 79 штук.

Танк Pz-IV 12-го танкового полка СС

Монке получил приказ оседлать стратегическую рокаду Кан-Байе и атаковать противника в северо-западном направлении. Решено было атаковать ночью, так как днем авиация союзников вряд ли дала бы возможность немецким танкам и пехоте приблизиться к исходным позициям. В 3:00, несмотря на легкий дождь, 26-й полк СС пошел в атаку. I батальон штурмбаннфюрера СС Бернгарда Краузе ударил в направлении Норрей-ан-Бессин, II батальон штурмбаннфюрера СС Бернгарда Зибкена — в направлении Пюто-ан-Бессин, а III батальон штурмбаннфюрера СС Эриха Ольбетера прикрывал их левый фланг и удерживал контакт с 12-м разведывательным батальоном СС в районе Аудри.

Эсэсовцам противостояли подразделения элитного батальона «Королевские стрелки Виннипега». Немецкая атака проходила с переменным успехом. I батальон 26-го полка СС был остановлен, когда атаковал Норрей-ан-Бессин, и не смог продвигаться дальше. Атака 1-й роты батальона на

[1] Пантера. Лучший танк Панцерваффе. С. 47.

правом берегу реки Мю, которая должна была установить контакт с 25-м полком СС, захлебнулась под фланговым огнем из Норрея. Зибкен был более удачлив, ему удалось окружить и уничтожить до трех рот «виннипегских стрелков» в Пюто-ан-Бессин. Вражеские позиции были временно захвачены, чтобы восстановить положение, 1-й батальон 7-й канадской бригады был брошен в ночную контратаку, в которой потерял 125 человек убитыми и ранеными. Все же позиции канадцам удалось вернуть, а батальон Зибкена был оттеснен на позиции южнее Пюто-ан-Бессин. III батальон занимал оборонительные позиции вдоль железнодорожной насыпи у Бронье.

День 8 июня прошел для основных частей дивизии прошел под знаком подготовки к атаке. Курт Мейер побывал в батальонах и ротах своего полка: «Я остолбенел от позитивного настроя и боевого духа моих молодых солдат. Мы, старые воины, были, честно говоря, под сильным впечатлением от того, что произошло за день. Артиллерийский огонь и воздушные налеты противника оказывали на нас свое воздействие. Но не на молодых солдат. Для них это было боевое крещение, которого они ожидали. Они знали, что впереди у них еще много трудных дней и недель»[1]. Этой же ночью экипажи 5-й танковой роты оберштурмфюрера СС Гельмута Бандо поделили рационы, которые они извлекли из разбитых канадских танков, — еду, подобную которой многие из них никогда не видели. Кроме обычных консервированных мяса и овощей они наслаждались такими деликатесами, как арахис и настоящий шоколад. Для мальчишек, чья юность пришлась на суровое военное время, это было настоящим праздником.

[1] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 225.

Во время осмотра поля боя в районе Оти и Франкевиля немцы обнаружили важные документы и инструкции противника по связи. К вечеру 8 июня эсэсовская противотанковая артиллерия расстреляла два автомобиля с канадскими офицерами, неосторожно проезжавшими мимо скрытых позиций немцев. В одной из машин была найдена карта, где были отмечены все позиции канадцев по обе стороны Орна, вплоть до отдельных пулеметных точек. Важной добычей были также коды позывных сигналов, что позволило взводу радиоразведки в течение двух дней (пока они действовали) перехватывать и читать вражеские радиосообщения.

Практически единственной частью дивизии СС «Гитлерюгенд», которая вела упорные бои днем 8 июня, оказался 12-й разведывательный батальон СС Герда Бремера. Дислоцировавшийся в районе Аудри батальон оборонял левый фланг I танкового корпуса СС, одновременно прикрывая прибытие в этот район частей 130-й Образцовой танковой дивизии. Около

Гренадеры СС на улице одной из нормандских деревень

20:00 8 июня части 8-й британской бронетанковой бригады с двумя батальонами 50-й пехотной дивизии под прикрытием сильного артиллерийского огня перешли в решительную атаку и вынудили Бремера отвести свои роты. В 21:30 батальон занимал диспозицию на линии к югу от Бро, к западному краю Кристо и далее на северо-восток к Сен-Пьер. В ходе этого боя Бремер был ранен шрапнелью, но остался в строю.

Во второй половине дня 8 июня Фриц Витт посетил позиции 25-го полка СС, подготавливая атаку с запада по флангу канадцев. К концу дня 8 июня необходимость активных действий для немцев стала необычайно актуальной. Командование задумывало удар по союзникам силами трех танковых дивизий — 21-й, 12-й СС и 130-й Образцовой. Дивизии СС «Гитлерюгенд» было необходимо сломить сопротивление 7-й канадской бригады и захватить деревни Роре, Бретвиль и Норрей-ан-Бессин, а затем следовать на север по долине реки Мю и долине реки Сель к ее устью у Курселя. Для поддержки атаки к концу дня из Кана к Франкевилю прибыли 1-я и 4-я роты 12-го танкового полка СС. Командиры танков были кратко, но обстоятельно проинструктированы, командиры рот и взводов провели рекогносцировку местности. Сами танки построили для наступления клином. Пехотное сопровождение обеспечивала 15-я рота 25-го полка СС гауптштурмфюрера СС Хорста фон Бюттнера. Артиллерийскую поддержку обеспечивали самоходные 105-мм орудия 2-й батареи и батарея 88-мм орудий. Всего было собрано 25 «Пантер», около сотни пехотинцев из 15-й роты, I батальон 26-го полка СС и шесть 105-мм самоходок, что было явно немного перед масштабом далеко идущих немецких целей. Поэтому весь успех плана основывался на неожиданности атаки. Непосредственно ру-

ководство «процессом» должен был осуществлять сам Курт Мейер[1], совместно с Максом Вюнше, отвечавшим за танки.

Около 20:00 Курт Мейер обратился к личному составу своего 25-го полка СС: «Мы атакуем и завтра на рассвете снова встретимся на побережье у пролива. Удачи, товарищи»[2].

Первой фазой атаки должен был послужить захват Роре, осуществленный 1-й ротой гауптштурмфюрера СС Гельмута Эггерта из 26-го полка СС. Канадцы не оказали солдатам Эггерта сильного сопротивления, быстро отойдя в район Бретвиль-Огейзе, где стали поджидать немцев на подготовленных позициях.

Немцы молча готовились к решительному удару. Гренадеры 15-й роты взобрались на танки (на каждую «Пантеру» село около десятка гренадер), оставив свои «Швиммвагены» в тылу. Шел легкий дождь, и солдаты промокли. 1-я танковая рота гауптштурмфюрера СС Берлина должна была атаковать прямо на Бретвиль. 4-я танковая рота гауптштурмфюрера СС Пфайффера в этот момент как раз перебрасывалась на левый фланг. «Пантеры» выстроились в ряд, одна за другой, чтобы пройти через деревни Роре и Виллинев. Сам Мейер выехал в бой на мотоцикле с коляской, сидя позади водителя мотоцикла, Гельмута Бельке, своего старого товарища. В коляске мотоцикла разместился оберштурмфюрер СС доктор Эрих Штифт, зубной

[1] Перед атакой фон Бютгнер напомнил Курту Мейеру о его обещании, данном личному составу 15-й роты несколько месяцев назад: «Ребята, разведывательная рота всегда идет впереди полка. На вас ложится огромная ответственность. Обещаю вам, что буду с вами, чтобы быть свидетелем вашего боевого крещения». Теперь Мейер имел возможность выполнить свое обещание.

[2] *Бернаж Ж.* Немецкие танковые войска. С. 50.

врач полка. В 21:20 Мейер выступил с напутственной речью перед личным составом обоих танковых рот, после чего танки пошли в наступление.

1-я танковая рота начала развертывание слева от дороги, в центре кукурузного поля. 4-я рота прямо по шоссе направилась прямо к Бретвилю с востока. Почти сразу же эсэсовцы наткнулись на хорошо замаскированный канадский танк, который обстрелял передовую «Пантеру». Два попадания не принесли вреда хорошо бронированному немецкому танку, немцы же со второго выстрела превратили танк противника в огромный пылающий костер. Этот костер ознаменовал собой начало боя.

Сопровождавшие танки гренадеры оттеснили канадских пехотинцев (из роты «Б») через кукурузное поле к Бретвилю. Танки

«Пантеры» дивизии на улицах городка Соумон Сен-Квентин

гауптштурмфюрера СС Пфайффера поднялись на склон холма перед Бретвилем, где попали под огонь канадской артиллерии. В Бретвиле союзники имели хорошо подготовленные позиции, с минимум четырьмя противотанковыми орудиями. Один из танков был подбит. Среди сопровождавших атаку гренадер 15-й роты 25-го полка СС было большое число раненых (по сравнению с танкистами, не имевшие никакого укрытия гренадеры оказались в настоящем аду). Пытаясь хоть как-то разобраться в обстановке, Пфайффер крикнул: «Бейте по домам, чтобы загорелись, и огонь осветил нам происходящее». Через секунды танк Пфайффера был подбит, экипаж в спешке оставил машину. Два танка направились в Бретвиль по основной дороге, внеся сумятицу в ряды канадцев; танкам удалось ворваться в село, но тут первая «Пантера» наехала на растяжку из гранат, хитро установленную противником, и ему перебило гусеницу. По танку открыла огонь канадская артиллерия, экипаж пытался оставить машину, но был скошен пулеметным огнем. «Пантера», следовавшая за этим танком, попыталась помочь своим товарищам и открыла огонь; первый же снаряд случайно поразил подбитую «Пантеру», танк взорвался и загорелся. Не став больше испытывать судьбу, второй танк дал задний ход и вышел из боя.

К счастью для немцев, в дело вмешалась 2-я батарея самоходных гаубиц «Веспе» из 12-го артиллерийского полка СС, под командованием 24-летнего оберштурмфюрера СС Эрвина Хоке, которая уничтожила несколько орудий. Сам Хоке подбил две противотанковые пушки (при этом был ранен). Удачные действия артиллеристов сбили темп вражеского огня и позволили гренадерам продолжить атаку.

Несмотря на потери и сильный вражеский огонь, гренадеры продолжили атаку, а Курт Мейер, сидя на своем

«Пантеры» I батальона 12-го танкового полка СС идут в атаку

мотоцикле, лично повел их в атаку. При этом сам он едва не сгорел заживо, когда взорвался бензобак его мотоцикла; подоспевшие гренадеры едва успели сбить пламя. Ценой больших усилий гренадеры вышли к командному пункту канадского батальона в центре поселка. В суматохе ночного боя трудно было понять, где свои, а где чужие. Один немецкий офицер остановил свой вездеход прямо рядом с командным пунктом батальона королевских виннипегских стрелков. Канадцы выстрелом из противотанкового гранатомета тут же уничтожили машину. Это обнаружило командный пункт, который тут же был окружен эсэсовцами. В панике окруженные канадцы с командного пункта направили сообщение в штаб 7-й бригады, что окружены 22 «Пантерами» (хотя столько «Пантер» у немцев здесь не было даже приблизительно). Через минуты штаб канадского батальона потерял связь со всеми своими ротами, кроме одной. Солдаты сражались сами по себе. «Трудно описать

всю ту неразбериху, которая творилась тогда на позициях», — вспоминал командир батальона[1].

Несмотря на немецкий прорыв и охватившую их ряды неразбериху, канадцы оказали яростное сопротивление. Командир 15-й роты фон Бюттнер получил смертельное ранение и почти сразу же умер на руках у Курта Мейера. По канадским данным, было подбито шесть «Пантер». Части 26-го полка СС увязли в бою у Норрея и поддержать атаку Мейера не сумели. Взвесив все за и против, около 4:30, «с тяжелым сердцем», Мейер отвел своих людей назад к Ро.

Тем временем 1-я танковая рота обходила Бретвиль по кругу слева, чтобы атаковать с юго-запада. Здесь эсэсовцы также столкнулись с большими трудностями. Положение усугублялось тем, что I батальон 26-го полка СС так и не сумел взять Норрей и тем самым поддержать танки 1-й роты с юга, из-за чего бронетехника не имела поддержки пехоты, но зато оказалась открыта для канадских противотанковых орудий. 1-й взвод унтерштурмфюрера СС Юргена Хемница потерял три танка подбитыми, в том числе был потерян танк самого Хемница. Связавшись из другого танка по радио с командиром роты Берлином, Хемниц получил приказ отступать.

Не легче было и другим взводам роты. 2-й взвод унтерштурмфюрера СС Пауля Тайхерта ворвался в Бретвиль, танк Тайхерта был подбит и окружен канадскими пехотинцами. На выручку ему пошел 3-й взвод унтерштурмфюрера СС Карла Дитриха. Помощь оказать не удалось (Тайхерт сумел выбраться из этой передряги сам), танк Дитриха № 135 был поражен из-за живой изгороди (по-видимому, из противотанкового гранатомета

[1] *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». С. 195.

Гренадеры дивизии на позиции

Пиат), экипаж оставил машину. И хотя через несколько минут Дитрих с экипажем вернулся в танк, оказавшийся вполне боеспособным, и продолжил бой, толку от этого было немного. Взвод Дитриха потерял еще одну «Пантеру» — снарядом противотанковой пушки в основание башни был поражен танк № 136, командиру танка Хохнекеру оторвало голову. Макс Вюнше лично отправился на передовую; воочию увидев, что происходит, он прекратил атаку. При отходе «Пантеры» были обстреляны канадским танком, Вюнше был легко ранен в голову осколком снаряда. Он еще легко отделался — командир соседнего танка Нерлих был ранен тяжело и умер, так и не успев добраться до госпиталя.

На этом атака закончилась — Бретвиль оказался чересчур крепким орешком. Несмотря на неразбериху, канадцам, действовавшим в основном без поддержки танков, удалось удержать свои рубежи, главным образом из-за сильного огня артиллерии с замаскированных позиций и отсутствия у эсэсовцев необходимой поддержки пехоты. Канадские пехотинцы показали, что они ничуть не хуже красноармейцев. Единственным результатом для немцев стал захват Ро. От действий противотанковой артиллерии и гранатометов немцами было потеряно 10 «Пантер».

Раненый командир 12-го танкового полка СС Макс Вюнше

Обе стороны понесли тяжелые потери в людях. 15-я рота 25-го полка СС потеряла 19 человек убитыми, 16 ранеными и девять пропавшими без вести; I батальон 26-го полка СС — 12 убитых, 48 раненых, один пропал без вести; 2-я батарея 12-го артиллерийского полка СС — пять раненых (включая командира Эрвина Хоке). То есть всего 43 убитых, 99 раненых и 10 пропавших без вести — эквивалент целой роты! Также, по данным Ж. Бернажа, 12-й танковый полк СС потерял погибшими двух офицеров, трех унтер-офицеров и семерых рядовых. Отметим, что данные Бернажа о погибших офицерах не подтверждаются списком потерь офицерского состава дивизии, в котором не фигурируют офицеры 1-й и 4-й танковых рот, погибшие 8—9 июня. Четыре офицера, три унтер-офицера и 23 солдата танкового полка были ранены. Канадцы только в районе Бретвиля потеряли 150 человек убитыми и ранеными.

Так закончилось сражение 7—8 июня в районе Кана. Бои этой ночи были самой напряженной точкой во всей операции. Главным результатом его для немцев стал срыв наступления союзников на Кан, а линия фронта частично стабилизировалась. С другой стороны, пробить оборону союзников и выйти к побережью немцам не удалось. Главной

Гренадеры дивизии

причиной немецкой неудачи являлось то, что танковые части кидались в бой по отдельности, по мере прибытия на фронт. О накапливании сил для массированного удара речь не шла. Естественно, что такое положение вещей только помогало союзникам еще крепче укрепиться на плацдарме и выиграть время для переброски в Нормандию все новых и новых войск.

Первые бои дивизии СС «Гитлерюгенд» показали, что дивизия вполне боеспособна и готова выполнять поставленные задачи. Это тем более важно, что дивизия до этого вообще не имела никакого боевого опыта. Однако было ясно, что противник эсэсовцам противостоит очень серьезный. Действительно, практически все атаки дивизии были отбиты канадцами. С другой стороны, после ударов «Гитлерюгенд» союзники оказались неспособными поддерживать темп первого дня вторжения. Юные солдаты СС сумели нарушить систему обороны канадских войск: теперь усилия канадцев в основном были направлены на то, чтобы удержать позиции, которые они занимали, а не думать о продвижении вперед. Теперь канадцы проявляли осторожность и не особо спешили предпринимать какое-либо наступление без предварительного обеспечения флангов и мощной танковой поддержки. Немцам же оставалось надеяться лишь на мощный контрудар танковых сил, который сбросит в море союзный десант.

Попытки задержать прилив

С самого начала высадки союзников дела у немцев шли все хуже и хуже. На левом фланге I танкового корпуса СС образовался разрыв шириной 7—10 километров. Пока, однако, он еще не представлял серьезной угрозы, но это только пока. Учитывая это, командир корпуса Дитрих решил начать новую атаку на союзный плацдарм 9 июня.

С утра 9 июня на командный пункт Мейера прибыл находящийся в пессимистическом настроении фон Гейер Швеппенбург, назначенный, по настоянию Роммеля, командующим участком фронта восточнее Дива и до Тийи, дабы создать ударную танковую группу. Выслушав доклад Мейера об оперативной обстановке, он решил не ждать действий противника, а нанести массированный удар силами 12-й танковой дивизии СС в центре, 21-й танковой дивизии на правом фланге и только что прибывшей 130-й Образцовой танковой дивизии на левом, чтобы пробиться к побережью широким фронтом. Все приготовления к атаке должны были окончиться к вечеру 10 июня, а сама атака планировалась в ночь на 11 июня. Это было то самое контрнаступление, которое должно было переломить ход событий. Однако было уже поздно: как показали дальнейшие события, в условиях господства над полем боя авиации противника имеющихся сил трех танковых дивизий, из которых две были уже потрепаны, было недостаточно для прорыва к берегу.

Атаку следовало начать очень рано, дабы к рассвету выйти на позиции врага, тем самым сведя на нет огонь корабельной артиллерии. Подготовка к атаке началась немедленно, а с учетом того, что союзные штурмовики блокировали все пути

подвоза, была делом очень непростым. Для доставки боеприпасов и горючего немцы могли использовать лишь темное время суток, что накладывало дополнительные трудности. Боеприпасы на фронт приходилось доставлять со складов из лесов к северу от Парижа.

К утру 9 июня через Тюри-Аркур, Карпике, Франквиль и Оти на фронт прибыла 3-я рота 12-го танкового полка СС. В роте насчитывалось 13 «Пантер», из них одна была в небоеспособном состоянии. Временным командиром роты был армейский гауптманн Людеманн, замещавший постоянного командира роты оберштурмфюрера СС Рудольфа фон Риббентропа[1]. Прибывшую роту было решено задействовать в атаке на Норрей, взять который было необходимо, чтобы вклиниться в линии канадцев в районе Бретвиля. Контроль над Норреем был важнейшим фактором для обеспечения задуманной фон Швеппенбургом немецкой атаки.

3-й взвод унтерштурмфюрера СС Эриха Штагге (пять танков) должен был атаковать по правому флангу от железнодорожной ветки, а 2-й взвод унтерштурмфюрера СС Албана —

[1] Родился 10 мая 1921 г. Сын министра иностранных дел Третьего рейха Йоахима фон Риббентропа. Рудольф фон Риббентроп прославился как мужественный офицер, когда в феврале 1943 г. в сражении за Харьков, получив ранение, отказался покинуть поле боя, пока не будут эвакуированы все раненые солдаты. Был награжден Рыцарским крестом 15 июля 1943 г. Переведен в дивизию «Гитлерюгенд» 1 августа 1943 г., командир 3-й роты 1 батальона 12-го танкового полка СС. 3 июня 1944 г. был ранен во время налета авиации союзников и помещен в госпиталь. После начала вторжения, 9 июня, сбежал из госпиталя на фронт, в свою роту. Интересный факт – у него было очень плохое зрение, он был вынужден носить очки с толстыми стеклами. Впрочем, это не помешало ему стать успешным танковым командиром. Войну закончил в звании гауптштурмфюрера СС.

9 июня 1944 г. За рулем мотоцикла — Макс Вюнше, в коляске — командир 3-й танковой роты Рудольф фон Риббентроп

по левому. 1-й взвод унтерштурмфюрера СС Богеншпрегера оставался в резерве, готовый в любой момент усилить атаку. Танки загрузились боеприпасами сверх нормы, по сотне снарядов, вместо обычных восьмидесяти. Действия танков должны были координироваться с I батальоном 26-го полка СС. Непосредственно танки должен был сопровождать взвод гауптшарфюрера СС Вильгельма Бойгка, численностью 20—25 гренадеров.

Атака должна была начаться в 13:00. Перед выступлением в роту на мотоцикле прибыл сбежавший из госпиталя командир полка Макса Вюнше, голова его была перевязана, а в коляске его мотоцикла сидел командир роты фон Риббентроп, с рукой на перевязи. Оба офицера намеревались непосредственно наблюдать за атакой. Поскольку для роты это было боевое

крещение, то солдаты рвались в бой, уверенные в себе, своих танках и своей непременной победе.

Танки пошли вперед очень быстро, и сопровождавшая их пехота отстала, не сумев выдержать темп. Танки ехали открыв фланги и вскоре нарвались на девять канадских «Шерман-Файерфлай», вооруженных мощными 17-фунтовыми пушками. Канадцы немедленно открыли огонь на поражение. К обстрелу подключились и корабли, при этом один или два немецких танка попали под огонь именно тяжелой корабельной артиллерии (406-мм) британского линкора «Нельсон». Всего за несколько минут 3-я рота потеряла семь «Пантер», из которых пять танков принадлежали 3-му взводу, то есть он был полностью уничтожен. Еще два танка были из состава 2-го взвода. Погиб командир 4-го взвода 3-й танковой роты 23-летний унтерштурмфюрер СС Эрих Штагге. Уцелевшие пять танков сумели отступить, следуя зигзагами. Все это произошло на глазах у Макса Вюнше и Рудольфа фон Риббентропа. У командира 3-й роты гауптманна Людеманна случился нервный срыв, его отправили в госпиталь, а роту снова возглавил фон Риббентроп, хотя он еще совсем не оправился от ранения. Роту отвели с фронта в тыл, а десять оставшихся «Пантер» были распределены по другим ротам I батальона, чтобы возместить их потери[1]. Неутешительный итог этой атаке подвел Хуберт Мейер: «С самого начала атака была гибельной и провальной. Это несомненно. И она снова продемонстрировала, что у неожиданных атак нет шанса на успех»[2].

После этого к активным действиям перешли союзники — они атаковали левый фланг 25-го полка СС и позиции 12-го

[1] *Бернаж Ж.* Немецкие танковые войска. С. 116.

[2] Там же. С. 59.

саперного батальона СС, расположенные на высоте к северу от Шо. Позиции батальона подверглись мощному артиллерийскому обстрелу и были в буквальном смысле слова срыты, превратившись, по словам Курта Мейера, в «дымящуюся, тлеющую массу». В бою в этот день погиб командир 1-й роты саперного батальона армейский гауптманн Отто Толл, кавалер Рыцарского креста.

Командир I батальона 26-го полка СС Бернгард Краузе немедленно принял контрмеры, артиллерия батальона с фланга накрыла самую гущу атакующих. Пехота противника застряла на переднем склоне высоты и понесла большие потери. Положение усугубило то, что часть атакующей бронетехники из 1-го гусарского бронетанкового полка (он же 6-й бронетанковый полк 2-й канадской бронетанковой бригады) наехала на немецкое минное поле и вышла из строя. Для противника это оказалось уже слишком — пехотинцы (из канадского полка Королевских стрелков) отступили и больше в этот день не атаковали.

В этот же день неудачей окончилась атака на Байо, предпринятая 130-й Образцовой танковой дивизией. Вечером этого же дня командир I танкового корпуса СС Дитрих приказал частям Образцовой танковой дивизии занять оборону у Тийи, западнее Кана. Также он проигнорировал неразборчивое сообщение из штаба 7-й армии с приказом

Гренадеры дивизии в перерыве между боями

на атаку Байо, из-за полной бесперспективности данного мероприятия в тогдашней ситуации. Взамен Дитрих предпочел вести обстрел десантных кораблей союзников двумя батареями 172-мм орудий (наблюдательный пункт этих батарей находился в башне небольшого замка на правом берегу реки Орн). Весь день 10 июня, Гейер фон Швеппенбург разрабатывал новый отчаянный план наступления, который, однако, был отклонен Роммелем, по причине нехватки сил и провала попыток 12-й танковой дивизии СС захватить Бретвиль и Норрей[1].

В 20:30 10 июня штаб танковой группы «Запад» в замке Ла-Кан был запеленгован радиоперехватом и уничтожен ковровой бомбардировкой. Погиб начальник штаба генерал-майор Сигизмунд Риттер унд Эдлер фон Даванс, три десятка офицеров и солдат, а фон Швеппенбург был тяжело ранен. Среди погибших оказался офицер связи из штаба I танкового корпуса СС — 25-летний гауптштурмфюрер СС Вильгельм Бек. Ранее Бек служил в составе «Лейбштандарта», за отличия в битве за Харьков был удостоен Рыцарского креста, после этого служил в дивизии СС «Гитлерюгенд».

После этого остатки штаба танковой группы «Запад» пришлось срочно вывести из сражения и заменить штабом I танкового корпуса СС. Отметим, что Дитрих и Кремер с самого начала боев руководили своими войсками с помощью связных офицеров и телефонной связи. Последняя непрерывно обрывалась под бомбами самолетов союзников, однако пользоваться радио они не хотели, опасаясь, что это выдаст их присутствие на поле боя. Использованию радиостанций мешали и вполне объективные причины, например, через два дня после на-

[1] *Бернаж Ж.* Немецкие танковые войска. С. 62.

чала высадки, в основном от действий все той же авиации, Дитрих потерял 16 из своих 20 машин радиоуправления.

Теперь три (12-я СС, 21-я, 130-я Образцовая) сильные танковые дивизии должны были познакомиться с новым типом боевых действий, когда их танки превратятся лишь в мобильные противотанковые пункты, а самим дивизиям придется вести стационарные оборонительные бои. Вместе с этим они составили основной щит немецкой обороны в районе Кана.

Командующий танковой группой «Запад» генерал танковых войск Гейер фон Швеппенбург

День 11 июня прошел в тяжелых боях. Одним из важнейших пунктов сражения стала Ро, деревушка, вернуть которую канадцы намеревались во чтобы то ни стало. В Ро оборонялась 4-я рота 26-го полка СС, усиленная 4-й танковой ротой Пфайффера и саперным взводом. Танки «Пантера» 4-й роты составляли основной костяк немецкой обороны в Ро. Пфайффер расставил их таким образом, чтобы они перекрывали подходы к деревне с севера и северо-запада. Накануне, 10 июня, Ганс Пфайффер подбил два «Шермана», очевидно проводивших разведку немецкой обороны на подступах к Ро. Утром 8-я канадская пехотная бригада, поддержанная 10-м канадским бронетанковым полком,

атаковала Ро. Первая атака была успешно отражена эсэсовцами; оставив на поле боя пять горящих «Шерманов», канадцы отошли. После этого союзники изменили тактику: подвергли Ро мощному артиллерийскому обстрелу, под прикрытием которого их танки и пехота ворвались в деревню. На улицах Ро закипел жестокий бой. У одной из «Пантер» была повреждена гусеница, штурмман СС Ганс Кеспер с помощью двух гренадер под огнем сумел устранить поломку и вывести танк. В тяжелом бою был подбит танк командира роты Пфайффера, сам он погиб. Кроме него 4-я рота потеряла убитым одного унтер-офицера; еще один унтер-офицер и двое рядовых были ранены. Ро, в итоге, было потеряно немцами.

На этом боевые действия не закончились. II батальон 26-го полка СС был атакован пехотой и танками противника, при мощной поддержки артиллерии. Эта атака была отбита немцами, союзники потеряли 12 танков против трех немецких.

В этот же день, 11 июня, канадские танковые части (всего 84 танка) и батальон английской пехоты, с мощной поддержкой с моря и воздуха, нанесли удар в стык между «Гитлерюгенд» и Образцовой танковой дивизией. На этом стыке находился 12-й разведывательный батальон СС Герда Бремера, с командным пунктом в Кристо[1]. Бремер перед этим уже был дважды ранен, но отказался покинуть своих солдат. После яростного боя атака была отражена эсэсовцами; союзники потеряли 250 человек и семь танков.

После боя офицерами батальона гауптштурмфюрером СС фон Ритценштейном и унтерштурмфюрером СС Винеке

[1] Утром 11 июня батальон посетил командир дивизии Фриц Витт. Он был неприятно удивлен тем, что батальон, практически не участвуя в боях, понес большие потери от артиллерийского огня и воздействия авиации противника.

была организована эвакуация одного из подбитых накануне «Шерманов». Танк был установлен на батальонном командном пункте в Кристо для защиты от шрапнели. Мера была оригинальной и в то же время, в условиях огневого превосходства союзников, вынужденной и необходимой (по словам Курта Мейера, такой способ маскировки применяли и другие немецкие части). За бои 7—11 июня командир батальона Герд Бремер был награжден Германским крестом в золоте, добавив его к уже имевшемуся Рыцарскому кресту.

11 июня канадцы снова пошли в наступление. После сильного артналета они атаковали позиции 12-го саперного батальона СС, на помощь которому пришел I батальон 26-го полка СС Бернгарда Краузе. Он навел свои тяжелые пехотные орудия на выбранные цели и открыл огонь по гуще атакующих. Противник отступил и больше здесь активности не проявлял.

В этот же день кризисная ситуация возникла на правом фланге Образцовой танковой дивизии. По приказу I танкового корпуса СС этой дивизии придали дивизионную роту сопровождения Фрица Гунтрума — последний резерв «Гитлерюгенд». Эта мера позволила стабилизировать ситуацию.

12 июня англичане предприняли очередную попытку захватить Кан. 3-я канадская пехотная дивизия и 2-я канадская бронетанковая бригада должны были захватить высоту 107 к югу от Шо и выйти в долину реки Одон, чтобы охватить Кан с запада. По плану, атака должна была начаться в 8:00, однако скопление канадских войск было вовремя обнаружено немецкими наблюдателями, и на голову готовящихся атаковать канадцев обрушились снаряды. Из-за этого наступление было отсрочено и началось лишь в 14:30. Канадцы двинулись к цели через кукурузное поле, которое обороняли части 12-го саперно-

го батальона СС. Саперы получили приказ пропустить танки, но отрезать сопровождающую их пехоту. На кукурузном поле начался жестокий бой между пехотинцами противоборствующих сторон; при этом, несмотря на приказ, некоторые излишне горячие эсэсовцы атаковали танки ручным оружием.

Тем временем бронетехника противника вышла к позициям 26-го полка СС у селения Месниль и потеснила гренадер. Увидев надвигающиеся на его позиции танки противника, командир 26-го полка СС Вильгельм Монке запросил штаб ближайшего к нему II танкового батальона о поддержке. Штурмбаннфюрер СС Принц направил на опасный участок 8-ю роту оберштурмфюрера СС Ганса Зигеля с приказом посмотреть, что к чему, и вмешаться, если потребуется. Что и говорить, момент был выбран не самый лучший — Зигель собирался принять участие в награждении отличившихся солдат, а личный состав роты, находившейся в километре от Месниля, отмечал день рождения командира взвода унтерштурмфюрера СС Эбергарда Йерана[1]. Тем не менее приказ есть приказ: с тремя танками Pz-IV (включая сюда и танк Йерана) Зигель отправился к Меснилю. Едва прибыв к поселку, Зигель столкнулся с вражескими танками. Несмотря на численное превосходство противника, Зигель смело вступил в бой. Положение осложнялось тем, что действовать ему приходилось в одиночку, так как бой проходил в знаменитых нормандских «бокажах» — живых изгородях, и два других танка Pz-IV оставались позади. По-видимому, канадцы не ожидали встретить серьезного сопротивления, иначе как по-другому объяснить последующие события? Всего

[1] Йеран родился 11 июня, так что день рождения отмечали с опозданием.

Унтершарфюрер СС из саперного батальона дивизии

за несколько минут Зигель подбил пять вражеских танков. До того как гренадеры продвинулись вперед, три немецких танка двинулись вперед. На дистанции 1200 метров Зигель засек еще два «Шермана», которые отходили к своим линиям. Двумя выстрелами они были уничтожены. Вмешательство всего трех немецких танков, причем даже не «Тигров» или «Пантер», а старых надежных Pz-IV, поставили крест на союзной атаке. По-видимому, союзники решили, что они атакованы куда большим числом немецких танков, нежели три. Канадцы суматошно отступали, а эсэсовцы бросились их преследовать. Как оказалось, это было ошибкой. Расчеты противотанковых орудий канадцев не утратили хладнокровия и быстро подбили все три немецких танка (экипажи большей частью сумели спастись). Тем не менее дело было сделано, а вражеская атака — отражена.

Вмешательство танков Pz-IV остановило наступление союзников, которым были нанесены тяжелые потери. Танки Зигеля успешно взаимодействовали с гренадерами и противотанковыми орудиями, на счету которых было основное число подбитых «Шерманов». 6-й бронетанковый полк 2-й канадской бронетанковой бригады потерял 37 «Шерманов», погибли

59 членов экипажей, а 21 получили ранения. При этом танковая рота «В» потеряла всех своих офицеров и сержантов. Тяжелые потери понесли и пехотинцы — элитные «Стрелки королевы» оставили на поле боя 96 человек[1].

В этот же день III батальон 26-го полка СС в районе Бруэ (на стыке с Образцовой танковой дивизией) отразил ряд ожесточенных атак 50-й британской пехотной дивизии и 8-й бронетанковой бригады. Батальон вел упорные бои вплоть до 14 июня. Против частей двух немецких дивизий англичане задействовали 38 000 человек и 272 танка, но так и не смогли прорваться[2].

Огромной бедой были постоянно висящие над головами солдат самолеты — «Тандерболты», «Тайфуны», «Спитфайры». Самоходные зенитки, на которые возлагалась борьба с авиацией, не могли обеспечить нормальную защиту. Правда, иногда им удавалось достигать некоторых успехов. Например, 12 июня зенитный взвод 12-го танкового полка СС, под командованием унтерштурмфюрера СС Карла-Вильгельма Краузе, уничтожил из своих четырехствольных зенитных установок «Вирбельвинд» 14 вражеских самолетов, из которых половину — семь — сбил штурмман СС Рихард Шварцвольдер[3].

12 июня фельдмаршал фон Рундштедт сообщил в ОКВ, что боевые действия немецких войск не имеют успеха из-за превосходства противника в воздухе (до 27 000 самолето-вылетов в день), действий корабельной артиллерии, превосходства противника в укомплектовании боевой техникой и действий

---

[1] *Бернаж Ж.* Немецкие танковые войска. С. 69.

[2] *Фромм Г.* Вторжение в Нормандию: борьба против искусственных гаваней. С. 7.

[3] *Ledwoch J., Trojca H., Trojca W.* Flakpanzer, s. 41.

его парашютных и воздушно-десантных частей. Особый упор Рундштедт делал на мощь и силу огня артиллерии флота, как будто подчеркивая свою правоту в плане развертывания войск перед вторжением: «Орудия большинства вражеских кораблей ведут настолько мощный огонь в пределах их дальности, что любое наступление в зоне господствующего с моря огня невозможно»[1]. С ним был согласен и Роммель, писавший 10 июня в обзоре оперативной обстановки, что «наши действия в Нормандии страшно затруднены, а на некоторых участках стали вообще невозможными... в силу следующих причин: а) ...подавляющего превосходства авиации противника... б) эффективности огня тяжелой корабельной артиллерии. Против нас действуют до 640 орудий. Эффективность их столь высока, что в районах, обстреливаемых этой скорострельной артиллерией, невозможны какие-либо действия как танков, так и пехоты»[2].

На 14 июня в 3-й танковой роте оставалось всего четыре боеспособных танка. Рота потеряла 18 человек погибшими и 33 ранеными. Исходя из этого, танки были переданы в другие подразделения, а личный состав роты отправлен на пополнение[3].

В ночь с 14 на 15 июня III батальон 26-го полка СС начал выводиться с выступа близ Бруэ (13 километров от Арроманша); планировалось отвести его примерно на четыре километра. Это отступление должна была прикрывать дивизионная рота сопровождения Фрица Гунтрума (в итоге III батальон выигрывал целые сутки для закрепления на новых позициях).

[1] *Кулиш В.М.* История Второго фронта. С. 381.

[2] Там же.

[3] *Walther H.* The 12th SS Armored division, p. 65.

Тем временем 49-я британская пехотная дивизия (сменившая здесь 50-ю) приступила к активным действиям и решительно атаковала немцев. Передовые посты эсэсовцев Гунтрума севернее железнодорожной дамбы были смяты, а 1-е отделение передового взвода роты было захвачено в плен.

Видя, что обстановка накаляется, Гунтрум бросил остатки взвода в контратаку. Далеко продвинуться не удалось — южнее дамбы немцы были остановлены сосредоточенным артиллерийским огнем противника. Над расположением роты постоянно кружили союзные самолеты-корректировщики, в результате один артобстрел следовал за другим. На 15 июня потери роты составили 36 человек, но Гунтрум продолжал держаться. Отход начался лишь к вечеру 15 июня, после соответствующего приказа. Поняв, что эсэсовцы отходят, британские пехотинцы атаковали, однако были отброшены хорошо скоординированным пулеметным огнем немцев. После этого рота отошла к аэродрому Карпике. К этому моменту III батальон 26-го полка СС уже успел закрепиться на новых позициях.

16 июня корабельная артиллерия союзников обстреляла командный пункт 12-й танковой дивизии СС, находившейся в 27 километрах юго-западнее Кана. При обстреле было убито несколько человек, среди них — командир дивизии бригадефюрер СС Фриц Витт, не желавший занимать место в укрытии, пока там не укроются все солдаты. Гибель Витта, необычайно популярного командира, потрясла как личный состав дивизии, так и вышестоящее командование. Узнав о его гибели, Зепп Дитрих сказал: «Вот ушел один из наилучших. Он был слишком хорошим солдатом, чтобы долго оставаться в живых»[1]. Курт

[1] *Мессенджер Ч.* Танковый рыцарь рейха. С. 209.

Мейер вспоминал, как 16 июня ему позвонил Хуберт Мейер и срочно вызвал на командный пункт дивизии. Прибыв на место, Мейер узнал о гибели Витта. Здесь же ему сообщили, что по приказу из корпуса он назначен исполняющим обязанности командира дивизии. Командование своим 25-м полком Мейер сдал СС оберштурмбаннфюреру СС Карл-Хайнцу Милиусу (командир III батальона, вместо него батальон возглавил армейский капитан Фриц Штегер[1]). На этот момент Мейер стал самым молодым дивизионным командиром в вермахте — ему было всего 33 года.

Назначение Мейера произошло в трудный, но ответственный момент. В первых боях дивизия СС «Гитлерюгенд» понесла большие потери. Многие младшие офицеры погибли либо были ранены. К 16 июня в среднем один батальон равнялся по численности двум ротам. К 16 июня дивизия СС «Гитлерюгенд» потеряла 1417 человек — 405 убитых, 847 раненых и 165 пропавших без вести. Безвозвратно были потеряны 28 офицеров. Дивизия медленно истекала кровью, практически не имея возможности получить пополнение ни личным составом, ни бронетехникой и вооружением. В боеспособном состоянии дивизия имела 52 Pz-IV и 38 «Пантер»[2].

По воспоминаниям Мейера, боевые действия шли в основном так, что немецкие танковые дивизии обрекались на уничтожение под огнем корабельных орудий и авиауда-

[1] Фриц Штегер был кавалером Рыцарского креста, награжден 15 августа 1940 г. в звании лейтенанта резерва как командир взвода 20-го моторизованного полка. Интересно, что у него было плохое зрение, и поэтому он носил очки. Официально в войска СС он так и не перешел.

[2] *Бернаж Ж.* Немецкие танковые войска. С. 93.

Армейский гауптманн Фриц Штегер возглавил III батальон 25-го полка СС, после того как прежний командир батальона Карл-Хайнц Милиус возглавил 25-й полк СС

рами союзников, которые не давали осуществлять маневренные операции. 16 июня он доложил «наверх», что «дивизия несет большие потери. Сложившаяся обстановка угрожает дивизии полным уничтожением»[1]. Перед фронтом дивизии были отмечены 3-я и 49-я британские, 3-я канадская пехотные дивизии, а также несколько танковых бригад. Учитывая провал всех попыток нанести контрудар, командующий группой армий «Б» Роммель по всему фронту перешел к обороне, и до 7 августа немцы не предпринимали ни одной крупной попытки перейти в контрнаступление, все время сдерживая яростный натиск противника. С этого момента начался период тяжелых, кровопролитных боев за узкие полоски лесов и лугов, битвы за овладение одними и теми же разрушенными деревнями, фермами, и все это — между живыми изгородями Нормандии. Началось сражение на истощение, которое, рано или поздно, немцы с их скудными ресурсами должны были проиграть.

[1] *Кнопп Г.* Дети Гитлера. С. 177.

Операция «Эпсом»

На рассвете 17 июня Мейер обошел позиции II и III батальонов 26-го полка СС и определил им новые позиции. Несмотря на потери, боевой дух солдат и офицеров был высоким. Например, Бернгард Зибкен, которому осколком оторвало палец на руке, даже не воспринял ранение всерьез и отказался покинуть свой батальон. В этот день Зепп Дитрих разрешил отвести дивизию на позицию к югу от Мю, сократив тем самым линию фронта. Благодаря этому появилась возможность вывести 12-й разведывательный батальон СС в дивизионный резерв.

17 июня английская 49-я пехотная дивизия получила задачу наступать на юг, чтобы овладеть тактически выгодным районом парка Бауслэнд и деревней Фонтенуа, откуда можно было вести наступление на Кан. Англичане быстро захватили Кристо и начали развивать наступление на Фонтенуа. Им противостояла 10-я рота обер-лейтенанта Палласа из 26-го гренадерского полка СС, окопавшаяся в парке Бауслэнд. Английская артиллерия накрыла огнем немецкие траншеи, на них упало более 3000 снарядов и мин. В этот же день в рапорте, подготовленном штабом дивизии СС «Гитлерюгенд», отмечалось, что «противник может добиться успеха исключительно путем использования своего невероятного превосходства в материальных ресурсах... Одним из главных условий успешной обороны и последующей атаки является подавление артиллерии противника».

Сразу после окончания артподготовки началась атака «Шерманов» из 24-го уланского полка. Танки вели беглый огонь, а за ними неотступно следовала пехота. После этого

эсэсовская рота практически перестала существовать. Уцелели лишь несколько гренадер, которые вступили в неравный бой, ведя огонь из панцерфаустов и автоматов. Немецкая артиллерия не могла поддержать гренадер, поскольку, по словам Мейера, находилась на неудачных позициях. Подавив очаги сопротивления, англичане продолжили наступление. Оставшиеся в живых немцы затаились в траншеях и воронках и, не вступая в открытый бой, стали наносить точечные удары, внося беспорядок и сумятицу в тылы противника.

В итоге, потеряв 55 человек убитыми и 110 ранеными, англичане заняли парк. Выйдя к южному краю леса, они были остановлены 9-й ротой оберштурмфюрера СС Зантопа из 26-го полка СС.

На рассвете 18 июня британцы пошли на штурм Фонтенуа. В деревне оборонялась 9-я рота 26-го гренадерского полка СС. Немцы открыли артиллерийский огонь и отбросили англичан. Пользуясь огневым прикрытием, командир III батальона 26-го полка СС Эрих Ольбетер лично поднял 9-ю роту в контратаку. Гренадеры провели решительную атаку в направлении парка Бауслянд. К наступающим эсэсовцам присоединились уцелевшие солдаты из разбитой 10-й роты. Немногочисленные немецкие самоходки и несколько «Пантер» выдвинулись вперед, поддерживая атаку. В результате, потеряв 30 человек убитыми и столько же ранеными, англичане оставили недавно захваченные позиции. Перегруппировавшись, они бросились в контратаку, но сопротивление немцев было столь сильным, что англичане прекратили крупные атаки до 22 июня. Гренадеры закрепились в деревне Фонтенуа, где отбивали все робкие атаки британцев. В этом бою погиб командир 9-й роты оберштурмфюрер СС Бруно Зантоп.

В течение нескольких следующих дней части III батальона Ольбетера из 26-го полка СС обороняли Фонтенуа от превосходящих сил противника. Тщательно замаскировавшись, гренадеры укрепились в руинах домов, в канавах, рядом с танками как мобильными опорными пунктами. Были выкопаны стрелковые ячейки, оборудованы позиции пехоты, а пулеметные точки расположились в зданиях. Покрытые пылью, с мрачным отпечатком битвы на грязных лицах, они сражались на ужасной жаре против численно превосходящего противника. От сильного вражеского артиллерийского огня 26-й полк СС нес тяжелые потери, была прервана всякая связь с соседями. Очень велики были потери среди командного состава. Переброшенная в Фонтенуа 15-я рота полка к 21 июня лишилась всех офицеров и унтер-офицеров. Солдаты были изможднны непрерывными и, что главное, бесперспективными боями. К 24 июня потери «Гитлерюгенд» достигли 2550 человек, из которых убитыми, по некоторым данным, — около 900.

Весь день 21 июня командир дивизии Курт Мейер провел в III батальоне 26-го полка СС, благо на других участках дивизии противник особой активности не проявлял. В штабе дивизии командира заменял Хуберт Мейер.

22—24 июня англичане атаковали в стык дивизий 130-й танковой и «Гитлерюгенд». В результате 49-я британская пехотная дивизия опять пошла на штурм Фонтенуа. Деревню снова подвергли мощному артиллерийскому обстрелу; не в пример предыдущим, он был удачным, позиции эсэсовской противотанковой артиллерии были уничтожены. После этого в атаку пошли танки и пехота. Небольшие группы эсэсовцев с панцерфаустами вступили в бой с танками. Англичане потеснили гренадер и ворвались в деревню. В критический момент

6-я рота танкового полка оберштурмфюрера СС Рукдешеля подошла к Фонтенуа и контратаковала. Удар был успешным, и немцы восстановили контроль над ситуацией. Курт Мейер немедленно прибыл в Фонтенуа, чтобы увидеть происходящее своими глазами и подбодрить солдат. Это произвело большой эффект на уцелевший личный состав гренадерских рот III батальона. В бою был подбит танк командира роты Рукдешеля, сам он уцелел, но потерял руку. В целом же немцы крепко держали в руках Фонтенуа. Эсэсовцы перегруппировали свои силы и снова приготовились к обороне.

Не сумев пробить оборону «Гитлерюгенд» у Фонтенуа, британцы добились успеха на левом фланге — потеснив части 130-й Образцовой танковой дивизии и дивизии СС «Гитлерюгенд», во второй половине дня они вышли к Жувиньи. Медлить было нельзя, и Зепп Дитрих приказал Мейеру контратаковать I батальоном 12-го танкового полка СС и частями разведывательного батальона Бремера.

В 14:00 после короткой артиллерийской подготовки эсэсовцы контратаковали через Тессель и Бретвиль в западном направлении. Контратака принесла лишь частичный успех — к наступлению темноты был очищен лес западнее Бретвиля, но на прежнюю линию обороны эсэсовцы выйти так и не сумели. По итогам всех этих боев III батальон был практически обескровлен, и его отвели в район к северу от Рорэ. Но, несмотря на потери, боевая задача была выполнена, противник — остановлен.

25 июня Монтгомери начал активные действия к западу от Кана. С целью захвата возвышенности в районе Рорэ и последующего движения к Нойер-Бокаж и Орей-сюр-Одон в наступление перешли 49-й пехотная дивизия и 8-я бронетан-

ковая бригада — всего девять пехотных и четыре танковых батальона. Атаку поддерживали 900 артиллерийских орудий, плюс три крейсера, стоявших у берега. Все что немцы могли им противопоставить, были два пехотных батальона (III батальон 26-го полка СС и I батальон 901-го гренадерского полка Образцовой танковой дивизии), при поддержке 8-й роты 12-го танкового полка СС. Соотношение сил было 4,5:1 в пользу союзников. Операция получила наименование «Мартлет».

Британская атака началась в 05:00, после яростного артиллерийского обстрела. Союзникам удалось прорваться на западе, и вскоре в контратаку были брошены 6-я, 8-я и 9-я танковые роты дивизии СС «Гитлерюгенд». Начался ожесточенный танковый бой. Существенным недостатком стало отсутствие у немцев необходимой поддержки пехоты. Интенсивный артиллерийский огонь противника сильно затруднял взаимодействие, эффективное управление танковыми ротами было невозможно. Тем не менее 6-я и 8-я роты уничтожили по меньшей мере пять британских танков. Сильно это не помогло: к концу дня британцы отбросили немцев на три километра и дошли до Нойер-Бокаж, тем самым выйдя в тылы III батальона 26-го полка СС.

Для ликвидации этого прорыва была сформирована боевая группа «Вюнше» в составе частей III батальона 26-го полка СС, I батальона 12-го танкового полка СС и дивизионной роты сопровождения. Вюнше контратаковал на Фонтенуа, на острие атаки шла 2-я танковая рота оберштурмфюрера СС Гельмута Гаеде. К западу от Тесселя головная «Пантера» была подбита, без вести пропал унтерштурмфюрер СС Хайнц Шредер. Тем не менее к 22:30 немцы прошли вперед и восстановили связь с левым флангом III батальона 26-го полка

СС. Однако контакт с правым флангом Образцовой танковой дивизии установить так и не удалось, так что успех был половинчатым. Потери 12-го танкового полка СС за день составили 23 человека.

Ночью из штаба корпуса пришел приказ на 25 июня, имеющий общий смысл — любой ценой оказать поддержку 130-й Образцовой танковой дивизии. Это указание в штабе Мейера было встречено без восторгов и с известным скепсисом, тем более что Мейер сам ожидал вражеской атаки на участке 26-го полка СС. Однако все его возражения были отвергнуты Дитрихом.

26 июня 2-я английская армия предприняла еще одну попытку овладеть Каном путем окружения — операция «Эпсом». После массированной артиллерийской подготовки из 700 стволов полевой и корабельной артиллерии на участке между Карпике и Рорэ, шириной около четырех километров, 8-й английский корпус перешел в наступление. Три отборные британские дивизии, 22 пехотных и 11 танковых батальонов, 60 000 солдат и более 600 танков бросились на штурм высот вокруг города, прежде всего высоты 112. После их захвата предполагалось взять Кан двухсторонним наступлением. На рассвете 30-й английский корпус начал ожесточенные бои за деревушку Рорэ.

Хорошо оснащенным дивизиям британцев противостояли три потрепанных батальона дивизии СС «Гитлерюгенд» (I и II батальоны 26-го полка СС и 12-й саперный батальон СС) и II танковый батальон (без своей 9-й роты, выведенной в резерв), а также недавно прибывшие I и II батальоны 1-го танково-гренадерского полка СС оберштурмбаннфюрера СС Альберта Фрея и части 1-го разведывательного батальона

СС из дивизии СС «Лейбштандарт»[1]. На 26 июня дивизия СС «Гитлерюгенд» располагала 60 Pz-IV и 37 «Пантерами» в боеспособном состоянии. 12 Pz-IV и 27 «Пантер» находились в ремонте.

Как и всегда, британскому наступлению предшествовала мощная артиллерийская подготовка. Стена огня продвигалась вперед на 90 метров каждые три минуты. За огневой стеной в бой пошли танки и пехотинцы.

Положение эсэсовцев осложнялось тем, что группа Вюнше на рассвете пошла в атаку в направлении леса у Тесселя, а ее наступление совпало с британской атакой. В итоге она оказалась скована боем к северу от Тесселя и ничем не могла помочь Мейеру.

Британцы, как почти всегда они поступали, пустили танки в бой без пехотного сопровождения. В результате им не удалось сразу уничтожить маленькие, хорошо замаскированные противотанковые гнезда. Во время вражеской атаки укрытые немецкие орудия открыли огонь с грамотно расположенных огневых позиций, находящихся на полях, в живых изгородях и на крестьянских фермах. Но, имея значительное превосходство в силах, выжигая все живое на своем пути огнеметными танками «Крокодил», британцам удалось оттеснить эсэсовских гренадеров на три мили. При этом они встретили ожесточенное сопротивление немцев, укрывшихся в живых изгородях и деревенских постройках. Используя снайперов, эсэсовцы доставили противнику массу неприятностей, без использования больших ресурсов со своей стороны.

[1] Интересно, что командир дивизии СС «Гитлерюгенд» Курт Мейер прославился именно как командир 1-го разведывательного батальона СС, а теперь он бился вместе со своими бывшими подчиненными.

15-я шотландская пехотная дивизия смяла саперный батальон дивизии СС «Гитлерюгенд» штурмбаннфюрера СС Зигфрида Мюллера, занимавший оборону у Шо. В 11:00 шотландские пехотинцы при поддержке 11-й бронетанковой дивизии взяли северную часть Шо. Оборонявшийся в деревне 12-й саперный батальон СС дрался до последнего. Последовавшие далее отборные шотландские полки английской армии заплатили кровью за каждый отбитый метр земли. Как отмечает современный историк К. Бевершток, эсэсовцы защищали Шо с «большой яростью. Хотя они и понесли большие потери, они удержали фронт и остановили продвижение 11-й бронетанковой дивизии к Одону»[1].

5-я танковая рота была брошена в контратаку в районе Шо. Маневрируя на своем Pz-IV среди живых изгородей, обершарфюрер СС Юнге натолкнулся на несколько «Шерманов», которые наступали на юго-запад; не растерявшись, он уничтожил пять из них практически в упор. Несмотря на локальные успехи, общее соотношение сил было на стороне противника, и к полудню британцы более-менее взяли под контроль Шо, хотя отдельные очаги сопротивления 12-го саперного батальона СС продолжали держаться и не были подавлены. Командир батальона штурмбаннфюрер СС Зигфрид Мюллер лично оборонял свой командный пункт. К счастью для немцев, они добротно построили свои блиндажи, и противник ничего не мог поделать с ними. Даже использование танков против блиндажей не дало результата — танки не могли их разрушить. От саперного батальона осталось всего двадцать измученных солдат во главе со своим командиром Мюллером.

[1] *Baverstock K.* Breaking the Panzers, p. 37.

Им пришлось выдержать почти суточную осаду в командном бункере батальона; отклонив все предложения англичан сдаться, ночью они прорвались к немецким позициям.

Зигфрид Мюллер, командир 12-го разведывательного батальона СС

Части II батальона 12-го танкового полка СС смогли остановить британские танки недалеко от От-дю-Боск. На западе боевой группе Вюнше удалось остановить прорыв противника на юг. Реальная опасность прорыва оставалась на юго-востоке от Шо, по направлениям к переправам через Одон, рядом с Верзоном и на юг от Турвиля. Резервов, чтобы прикрыть эти участки, у дивизии СС «Гитлерюгенд» не было, по данным Мейера, в этот момент единственными боеспособными подразделениями в дивизии оставались дивизионная эскортная рота и потрепанная 15-я рота 25-го полка СС. Исходя из этого, в штабе корпуса пообещали придать дивизии 101-й тяжелый танковый батальон СС, плюс отдельные подразделения из 21-й танковой дивизии.

Основным полем боя для дивизии стал район к северо-востоку от Верзона, где гренадеры СС, ведомые своим командиром Куртом Мейером, с минами, гранатами и панцерфаустами в руках отчаянно дрались с английскими танками. Они приняли на себя основной удар английского парового катка.

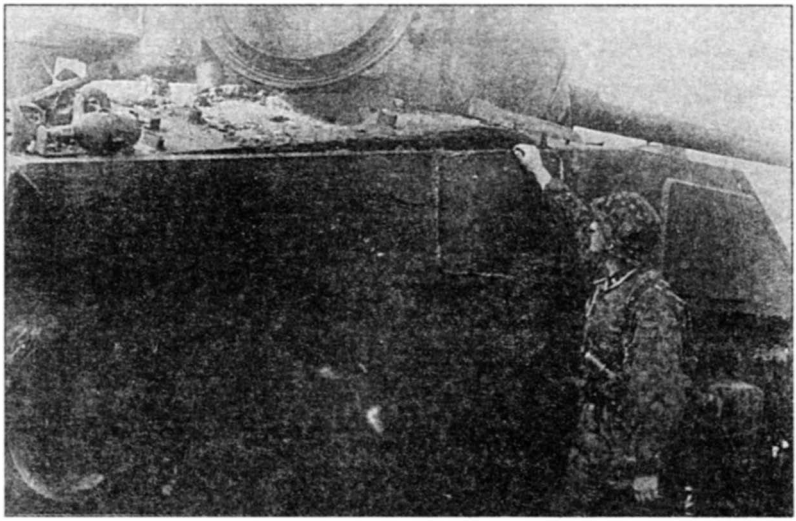
Штурмман СС Йоахим Лейкауфф так описывал это отчаянное сражение: «Позиции невозможно больше удерживать. Гренадеры цепляются за каждый камень. Минометные снаряды взрываются за верхушками деревьев. Тяжелые пулеметы прошивают позиции. Мы, гренадеры, не имеем тяжелого вооружения. Мы держимся за наши карабины...» Мейер дал описание боя с точки зрения командира дивизии: «Всякое командование и контроль стали невозможными. В этот момент я мог быть лишь солдатом среди солдат»[1].

Истекая кровью, немцы держались из последних сил. 15-я рота 25-го полка СС потеряла все свои противотанковые орудия. Попытки использовать против танков панцерфаусты были пресечены сопровождающей британской пехотой. Из-за нехватки боеприпасов немцы почти не имели артиллерийской поддержки. Два «Шермана» были уничтожены из панцерфаустов всего в двухстах метрах от дивизионного командного пункта.

В течение дня сражения не менее пятидесяти британских танков были выведены из строя танками, противотанковыми пушками и ручными средствами немцев. Однако для союзников такие потери были вполне поправимы, немцы же были вынуждены считать каждый танк, каждое орудие.

Столпом немецкой обороны на этом участке стали прибывшие «Тигры» 101-го тяжелого танкового батальона СС, которые остановили британскую атаку. К концу дня накал боя спал, и дивизия получила передышку. Однако никаких подкреплений получено не было, а из корпуса пришел лишь приказ — держаться любой ценой. Подкрепления обещались

[1] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 249.



Гренадер СС у подбитого танка союзников

лишь после прибытия на фронт II танкового корпуса СС. Одновременно из корпуса пришел приказ перенести командный пункт дивизии дальше в тыл, что было единодушно отвергнуто как командиром дивизии, так и его начальником оперативного отдела, считавшими, что в такой критический момент место командира — на линии фронта.

Около 17:00 26 июня четыре танка Pz-IV из 8-й роты 12-го танкового полка СС оберштурмфюрера СС Ганса Зигеля были направлены на юг от Шо, с приказом задержать прорвавшихся британцев. Прибыв на место, танки оказались прямо посреди линии фронта, без контакта с каким-либо из флангов. На левом фланге были позиции понесшего большие потери II батальона 26-го полка СС, но у него просто не хватало гренадер для поддержания контакта. Справа была позиция батареи 105-мм орудий из II дивизиона 12-го артиллерийского полка СС, не

имевшая снарядов. Поскольку тягача под рукой не было, то ночью Зигель должен был обеспечить эвакуацию орудий. Во время обсуждения плана эвакуации с командиром II дивизиона штурмбаннфюрером СС Альфредом Шёпсом позиция танков была атакована британским разведывательным патрулем. В последовавшей рукопашной схватке британцы были уничтожены. 35-летний Шёпс был тяжело ранен в рукопашной схватке (умер от ран на следующий день, 27 июня). Наступившая ночь принесла временное затишье. За этот день 12-й танковый полк СС потерял одного офицера и четырех унтер-офицеров и солдат убитыми, а 42 человека ранеными (пять офицеров, 9 унтер-офицеров, 28 рядовых). Всего в дивизии было безвозвратно потеряно восемь офицеров.

В ночь на 27 июня сильно потрепанный I батальон 26-го полка СС пробился к аэродрому Карпике. Широкую известность получил эпизод, когда 24-летний унтершарфюрер СС Эмиль Дорр из 4-й роты кумулятивными зарядами уничтожил два «Шермана». Когда заряд отскочил от второго танка, он вернулся и удержал заряд с детонатором на месте руками. Танк был уничтожен, а сам Дорр погиб. Своими действиями Дорр расчистил путь для своего отступающего сквозь порядки британцев батальона. Через два месяца, 23 августа, он был посмертно награжден Рыцарским крестом.

Также около полуночи из Шо прорвались остатки 12-го саперного батальона СС. Утром их, совершенно обессиленных, обнаружил немецкий патруль. От саперного батальона осталось лишь 20 гренадер во главе с командиром батальона Зигфридом Мюллером. Мейер вспоминал: «Спустя несколько минут Мюллер уже стоял передо мной. Его усталые ввалившиеся глаза сказали всё. На его униформе не было ни кусочка

неповрежденной ткани. Его колени были в крови и содраны; лицо было почти неузнаваемо под слоем пыли. Одна рука была на импровизированной перевязи»[1].

Эмиль Дорр, унтершарфюрер СС, командир орудия в 4-й (тяжелой) роте 26-го танково-гренадерского полка СС

Всю ночь в штабе дивизии шла кропотливая работа по подготовке новых оборонительных позиций.

С рассветом 27 июня британцы возобновили наступление. 15-я рота 25-го полка СС была уничтожена противником. Ганс Зигель к 10:00 утра отбил четыре атаки, однако танк его был подбит, погиб водитель, а сам он получил сильные ожоги лица и рук. Британцы создали вокруг Шо мощный противотанковый заслон, так что танковая контратака дивизии на Шо провалилась. Тем не менее союзники не пожелали дальше связываться с Зигелем и попытались обойти его позицию по флангу. Но не тут-то было — они вышли на позиции 5-й танковой роты. Поначалу британцам сопутствовал успех — около 11:00 был подбит танк командира роты Гельмута Бандо (сам он погиб; роту возглавил унтерштурмфюрер СС Карл-Хайнц Порш), а через некоторое время и танк командира 3-го взвода унтерштурмфюрера СС Вилли Кандлера. Однако оставшиеся

[1] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 252.

Саперы дивизии строят бункер для штаба. На заднем плане стоят: 1-й слева — Курт Мейер, первый справа — Хуберт Мейер

три танка взвода оказали ожесточенное сопротивление и остановили британцев. Тем временем, около 14:00 три оставшихся танка Зигеля были сменены танковой ротой 2-й танковой дивизии.

27 июня в ходе тяжелого боя деревня Рорэ была превращена в руины. Защищавший ее III батальон 26-го полка СС, усиленный несколькими танками и 88-мм орудиями (стояли на позиции на фланге и фланкирующим огнем прикрывали подступы к Рорэ) сделал все от них зависящее для удержания деревни. Главную роль в обороне сыграли эсэсовские снайперы и пулеметчики. Всё же, потеряв двести человек убитыми и несколько танков, англичане сумели ее

захватить[1]. Обе стороны сильно выдохлись за эти дни, и в течение нескольких следующих дней в этом районе воцарилось затишье[2].

Днем 27 июня 11-я бронетанковая английская дивизия захватила плацдарм на реке Одон, у Бюрона. В этой ситуации лишь огневой налет дивизиона реактивных шестиствольных минометов, срочно переброшенного из резерва I танкового корпуса СС, позволил предотвратить прорыв фронта, причем под залп попали два приблизившихся к позиции минометов вражеских танка — случай достаточно необычный. Всё же отдельные танки противника прорвались к Верзону, где размещался штаб дивизии СС «Гитлерюгенд». Кроме того, Верзон был ключевым пунктом обороны, который нужно было удерживать любой ценой. Грязные и голодные гренадеры из трех батальонов, насквозь промокшие под проливным дождем, с холодной решимостью выслушали приказ с требованием защищать Верзон до последнего патрона. Нужно было удержать этот пункт до подхода сил II танкового корпуса СС. Здесь, в условиях тотального материального превосходства противника, немцы применили тактику, опробованную ими еще на Восточном фронте. Они подпускали врага практически вплотную, а потом открывали огонь на поражение; прежде чем английская артиллерия открывала огонь, немцы меняли позиции. Такая тактика позволяла частично компенсировать численное превосходство противника и ввести его в заблуждение относительно численности обороняющихся. Но панацеей она быть никак не могла, что и проявилось в дальнейшем.

[1] Моторизованная пехота вермахта. С. 11.

[2] Ненадолго. Уже в начале июля немцы силами частей дивизий СС «Дас Райх» и «Гогенштауфен» попытались вернуть Рорэ.

Новый кризис возник, когда 11-я танковая дивизия британцев прорвала оборонительные порядки дивизии «Гитлерюгенд». Под удар попал дивизионный штаб и тыловые службы. Штабисты с панцерфаустами в руках вступили в бой. Англичане потеряли несколько танков, уничтожив при этом единственную немецкую противотанковую пушку и один танк Pz-IV. Упорный бой шел до утра с переменным успехом. По данным Мейера, противник был остановлен всего в двухстах метрах от дивизионного командного пункта. Все, кто мог сражаться, были брошены на передовую. Несмотря на тяжелую ситуацию, Мейер отклонил указание I танкового корпуса СС о переносе своего командного пункта дальше в тыл, считая, что в таком бою командир должен быть вместе с солдатами. Только после стабилизации положения дивизионный командный пункт был переведен в Кан.

Преодолевая немецкое сопротивление, буквально выдавливая немцев, англичане медленно продвигались вперед. Главной их целью была высота 112. Высота 112 представляла собой плоский холм, без каких-либо естественных укрытий, доминирующий над окружающей равниной. На протяжении последующих недель за эту высоту развернулись ожесточенные бои, обильно оросившие кровью ее склоны.

К началу вечера 27 июня британские танки из 11-й бронетанковой дивизии приблизились к холму, а днем 28 июня при поддержке пехоты заняли его северный склон. На высоте 112 оборонялись части I батальона 12-го танкового полка СС (в частности, 2-я рота), в помощь им в район высоты была переброшена 5-я танковая рота Порша (лишь четыре танка), а около полудня к высоте подошли четыре танка из 6-й роты штандартенобернюнкера СС Курта Мюльхауза. Всего немцам

удалось сосредоточить здесь около 30 танков; отстоять высоту они не сумели, но потрепали врага изрядно. По немецким данным, было подбито 36 британских танков, из них 21 записала на свой счет 2-я танковая рота. В 5-й роте был подбит один танк. Потери 12-го танкового полка СС составили убитыми одно офицера и шесть рядовых; два унтер-офицера и 15 рядовых были ранены.

На следующий день в бой вступили недавно прибывшие соединения II танкового корпуса СС. Сначала оптимистично планировалось, что они примут участие в очередном контрударе, которым предполагалось сбросить англичан в море. Пауль Хауссер должен был добиться поворота событий в пользу немцев. Для овладения шоссе Кан — Байе немцы сосредоточили 250 танков и около сотни орудий. Однако за 28—29 июня корпус не достиг ровным счетом ничего.

С захватом высоты 112 англичане получили ключ для дальнейших операций против Кана. Теперь они получили возможность следить за всеми передвижениями на немецкой стороне. Поэтому для немцев жизненно важно было вернуть высоту обратно. «Кто владеет высотой 112, владеет Нормандией», — патетически заметил Пауль Хауссер.

На рассвете 30 июня немецкая артиллерия начала артподготовку, в которой участвовали и 150-мм гаубицы из 12-го артиллерийского полка СС (артиллерия располагалась под Карпике), а также реактивные минометы из 12-го минометного дивизиона СС и 7-й минометной бригады опытного 49-летнего полковника Пауля Чекеля, участника еще Сталинградской битвы, дислоцировавшиеся под Эске. Тем временем, прикрываясь утренним туманом, с востока к высоте 112 подошли танки 12-го танкового полка СС под командованием Макса Вюнше, 12-й

разведывательный батальон СС и гренадерский батальон 25-го полка СС (по численности не превышавший роты). С юга к атаке приготовился III батальон (штурмбаннфюрер СС Бюннинг) 22-го танково-гренадерского полка СС из 10-й танковой дивизии СС «Фрундсберг». Сразу же по окончанию артобстрела немецкие танки рванулись вперед, стреляя фугасными снарядами. К 10 утра оборона англичан захлебнулась, противотанковые пушки были смяты, а танки — уничтожены. Немцы вернули высоту обратно, Кан был спасен, по крайней мере пока. В этот же день Монтгомери отменил операцию «Эпсом». Потери британского 8-го корпуса составили 4020 человек.

После этого в районе Кана снова развернулись упорные позиционные бои, стоившие обеим сторонам больших потерь.

Падение Кана

После 24-дневных непрерывных боев дивизия СС «Гитлерюгенд» была сильно измотана. Численность 26-го полка СС сократилась до слабого батальона. 12-й разведывательный батальон СС по численности равнялся усиленной роте, а саперный батальон дивизии вообще был уничтожен. Тяжело дело обстояло и в артиллерийском полку, один дивизион которого был полностью потерян[1]. На 2 июля в танковом полку насчитывалось 32 Pz-IV и 24 «Пантеры». Неслучайно Курт Мейер отметил, что дивизию нельзя было считать полностью боеспособной, а то, что осталось, было сравнимо с оперативной группой. Эта группа получила приказ оборонять Кан, который Гитлер приказал защищать до последнего патрона. Ни у Мейе-

[1] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 256—257.

ра, ни у его начальника штаба к этому моменту уже никаких иллюзий по поводу перспектив удержания Кана не оставалось. Командира дивизии сильно раздражало, что мобильная танковая дивизия будет втянута в уличные бои на локальном участке фронта, где целесообразней было бы использовать дивизию для более гибкого способа ведения боевых действий. Однако к этому моменту «перебирать войсками» немцы уже не могли, и поэтому можно сказать, что дивизия СС «Гитлерюгенд» была брошена заткнуть дыру в линии фронта, так как больше заткнуть ее было нечем. Дивизионный командный пункт был развернут в центре города.

К счастью для дивизии, в начале июля на ее участке была отмечена лишь незначительная активность противника — союзники (в основном канадцы) ограничивались лишь действиями разведывательных патрулей, постоянно прощупывая оборо-

«Пантера» на улице одного из городов Нормандии

ну в деревне Карпике и на западном краю аэродрома. В штабе дивизии создалось впечатление, что канадцы планировали атаковать Карпике, чтобы прорвать фронт к северу от Кана.

Действительно, после неудач сильных фланговых и фронтальных ударов англичане перешли к новой тактике: они решили постепенно выдавливать немцев с их позиций. Такая узколобая тактика, основанная на тотальном превосходстве в силах и средствах, рано или поздно дала бы результат. Долго откладывать претворение в жизнь своих планов Монтгомери не стал.

К 4 июля к западу от Кана, на знаменитом уже аэродроме Карпике, оборонялась небольшая группа гренадер — 50 человек, одной из рот I батальона 26-го гренадерского полка СС. Они удерживали ангары на западной стороне аэродрома. Далее располагались остальные силы батальона, не более сотни солдат, удерживавшие административные постройки. Обороной командовал штурмбаннфюрер СС Бернгард Краузе. В его распоряжении имелось пять танков Pz-IV из 9-й роты гауптштурмфюрера СС Бюттнера, которые занимали позиции к юго-востоку от летного поля. Кроме этого, батальон поддерживала 1-я зенитная батарея 12-го зенитного дивизиона СС, вооруженная 88-мм орудиями. Больше серьезных противотанковых средств у немцев не было (батальонная противотанковая артиллерия была потеряна несколько дней назад), однако перед Карпике были расположены минные поля.

Путем перехвата вражеских радиопереговоров немцам удалось засечь подготовку врага к атаке и накрыть артиллерийским и минометным огнем район сосредоточения противника. Тем не менее 3-я канадская пехотная дивизия перешла в атаку. Противник атаковал силами трех батальонов пехоты при под-

держке танков. Как патетически воскликнул Курт Мейер: «Какой огромный расход сил и средств для уничтожения горстки наших солдат!»[1] При массированной поддержке артиллерии и штурмовой авиации канадцы упорно шли вперед. Немцы также отвечали огнем артиллерии, который, однако, был слишком слаб, чтобы серьезно повлиять на продвижение союзников. Несмотря на многократное превосходство в силах, серьезного успеха канадцы не достигли. Их танковая атака через летное поле аэродрома провалилась, поскольку последнее полностью простреливалось замаскированными эсэсовскими танками (пять штук) и 88-мм орудиями. Обершарфюрер СС Рихард Рудольф командир танка Pz-IV в ходе этих боев подбил шесть «Шерманов». Что касается канадской пехоты, то без поддержки танков виннипегские стрелки шли вперед неуверенно, постоянно оглядываясь назад. Немцы заранее пристреляли местность, что имело для атакующих самые печальные последствия. Оказавшись на открытом пространстве, канадцы попали под слаженный огонь пулеметов МГ-42 и минометов, в результате которого понесли большие потери.

Ценой больших усилий канадцам все же удалось захватить деревню Карпике, но занять аэродромные ангары на юге аэродрома они так и не смогли. Стороны понесли большие потери. Количество защитников ангаров сократилось до 20 человек, выбыли из строя все офицеры и унтер-офицеры. Попытки оказать защитникам аэродрома помощь провалились из-за активного противодействия противника, но все же эсэсовцы удерживали ангары до 8 июля, причиняя канадцам серьезные потери.

[1] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 259.

После боев за Карпике немцы прозорливо начали ожидать фронтальную атаку британцев на Кан. Откладывать дело в долгий ящик британцы не стали. При этом досталось и Кану: в ночь на 7 июля город, для начала, сотрясли залпы 406-мм орудий британского линкора «Родней». Затем 467 тяжелых бомбардировщиков «Веллингтон» английского бомбардировочного командования в течение 40 минут атаковали Кан, используя в основном бомбы замедленного действия. На район размером 3,5×1,5 километра было сброшено 2363 тонны бомб. Целью этого удара было освободить дорогу для атаки 1-го английского корпуса. При этом судьба гражданского населения Кана в расчет не принималась: до этого четверть населения города была эвакуирована по настоянию немцев (фактически эвакуация гражданских жителей проходила по приказу Зеппа Дитриха) и властей Виши, а остальные остались дожидаться союзников. В результате были большие жертвы среди мирного населения, а город разрушен[1]. Американский генерал Омар Бредли, увидев результаты этой бомбардировки, сказал: «Более четырех лет люди ждали этого часа освобождения. Теперь, среди развалин, обрушенных на их близких, они смотрели на нас с осуждением».

Ирония судьбы: немецкие потери от этого налета оказались совсем невелики. Линия фронта была так скудно заполнена немецкими войсками, что бомбардировка по площадям не могла причинить им большого вреда. Впрочем, солдаты, попавшие в этот огненный ад, думали иначе. Штурмман СС Эрхард Киншер вспоминал, что на следующий день (8 июля) из трех взводов, занимавших позиции на передовой и попавших под

[1] См. *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». С. 323.

бомбовый удар, он смог найти лишь одного выжившего, а находившиеся на их линии позиции вкопанных в землю 20-мм и 88-мм зениток были уничтожены. Этот выживший рассказал ему, что самый старый солдат роты, гауптшарфюрер СС Грабш, был тяжело ранен в грудь, но отказался от эвакуации, ограничившись перевязкой. Он постоянно повторял: «Я остаюсь со своими мальчиками». Вскоре он умер[1].

В то же время немецкие командующие фон Рундштедт и фон Швеппенбург, Дитрих и Кремер, войсковые и полевые командиры понимали, что имеющимися силами город не удержать. Зепп Дитрих даже тайно распорядился о выводе из города тыловых частей. Правда, вскоре Гитлер отдал приказ удерживать Кан любой ценой, и Дитрих был готов все сделать для выполнения этого распоряжения.

На следующий день 1-й английский корпус (3-я канадская и 59-я британская пехотные дивизии) начал операцию «Чарнвуд». После столь массированной бомбардировки английские и канадские пехотинцы надеялись, что позиции немцев разбиты и «поход на Кан» станет легкой прогулкой. Как отметил Курт Мейер, союзники руководствовались тактическими принципами времен Первой мировой войны[2]. Однако очень скоро они обнаружили, что немцы сопротивляются так же упорно, как и всегда.

На 7 июля 12-й танковый полк СС насчитывал в своем составе 24 «Пантеры» и 37 Pz-IV. Дислокация танковых частей дивизии была следующей. У северо-западного выезда из Бюрона находилась на позиции 5-я рота с пятью танками Pz-IV

[1] *Williamson G.* Loyalty is my Honour, p. 41.

[2] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 267.

под командованием унтерштурмфюрера СС Кандлера, еще четыре Pz-IV этой же роты (под командованием командира роты Порша) базировались в Груши. Полностью оснащенная 3-я рота составляла ударный резерв на севере и находилась рядом с водонапорной башней Кана. 9-я рота с пятью танками Pz-IV оставалась на восточной окраине аэродрома Карпике. 1-я, 2-я и 4-я роты размещались вокруг Бретвиль-Сюр-Одон и Этервиля, а 7-я рота была выведена в тыл для отдыха.

3-я рота гауптштурмфюрера СС фон Риббентропа оказалась едва ли единственным подразделением дивизии, прошедшим полное переоснащение в Нормандии. Как мы помним, после тяжелейших боев 8—9 июня рота была отведена в тыл, а свои уцелевшие танки передала на пополнение других рот. Взамен 25 июня рота получила 17 новеньких «Пантер», прибывших в Нормандию прямо из Германии. 5 июля рота получила приказ выдвигаться к фронту. Танки прошли через Кан 6 июля и разместились на северо-западе от города, образовав мобильный резерв. Варварская союзная бомбардировка города не принесла роте никакого вреда. 1-м взводом командовал унтерштурмфюрер СС Богеншпрегер, 2-м — унтерштурмфюрер СС Албан, 3-м — унтерштурмфюрер СС Матис. К утру 8 июля все три взвода были готовы к бою.

8 июля в 04:20 канадские мобильные части на 50 бронемашинах «Хамбер» выступили к Карпике, в обход по флангу к югу от немецких линий. В 07:30 союзная артиллерия открыла огонь по Груши, Кюсси, Оти и Бюрону. Артиллерийская подготовка длилась 61 минуту. После этого в атаку перешла канадская пехота при поддержке танков. Поредевшая за многие недели жестоких боев дивизия СС «Гитлерюгенд», несмотря на шквальный огонь с земли и моря, держала свои позиции.

Основной удар британцев был нанесен на участке I батальона Ганса Вальдмюллера из 25-го полка СС, поддержанного 3-й ротой танкового полка. Уже через час боя батальон потерял почти всех своих ротных командиров. Тем не менее эсэсовцы отчаянно держались, а Вальдмюллер крепко держал в своих руках управление батальоном. Английские танки прорвались в районе Оти, но были остановлены контратакой 1-го взвода 3-й роты 12-го танкового полка СС под командованием унтерштурмфюрера СС Курта Богеншпрегера. Взвод уничтожил несколько вражеских танков, не понеся никаких потерь.

Утром 3-й взвод из 3-й танковой роты занимал прикрывающую позицию к востоку от Оти и Франкевиля. Командир взвода унтерштурмфюрер СС Матис имел в своем распоряжении четыре «Пантеры». Из них экипаж командирской «Пантеры» № 335 всю ночь провозился с заменой поврежденного опорного катка. Он находился на внутренней стороне ходовой части, и экипажу пришлось снять девять других катков, чтобы добраться до поврежденного. Экипаж танка провозился всю ночь и сильно устал, тем не менее к утру танк был в боеготовом состоянии.

Канадцы атаковали взвод с запада, из Оти танки Матиса открыли огонь по «Шерманам» из 1-го гусарского батальона, но попали под мощный обстрел вражеской артиллерии, одна «Пантера» была уничтожена прямым попаданием. Оставшиеся танки отбивались до второй половины дня, когда наконец пришел приказ отходить к аббатству Арденн. Во время отхода экипаж танка Матиса (№ 335) загрузил на броню несколько раненых гренадер из 25-го полка СС. Однако затем в момент отхода танк унтерштурмфюрера СС Матиса был поражен противотанковым снарядом и сгорел, экипаж, впрочем, уцелел,

а Матис бросился оказывать помощь раненым гренадерам. Остатки взвода заняли позицию прикрытия в районе Оти и Бюрона.

Между тем канадцы захватили Бюрон, окружив в нем части III батальона 25-го полка СС гауптманна Фрица Штегера. Штегер по радио запросил помощи, и Мейер направил в Бюрон все имевшиеся в наличии танки. Это была 3-я рота 12-го танкового полка СС (к этому моменту — 15 «Пантер»).

Отчаянный приказ отбить у противника Бюрон и высвободить гренадер Штегера Риббентропа не обрадовал. Он располагал всего двумя танковыми взводами (3-й взвод, как мы помним, уже был задействован на передовой). Кроме своих сил он мог рассчитывать и на взвод Кандлера из 5-й танковой роты. К несчастью немцев, батальон гренадер, который должен был обеспечивать атаку, так и не появился, и фон Риббентроп повел свои танки в бой без поддержки пехоты.

На высокой скорости танки прошли мимо Кюсси и двинулись по диагонали к Бюрону. 1-й взвод Богеншпрегера шел слева, а 2-й взвод Албана, поддержанный несколькими Pz-IV Кандлера — справа. Сначала все шло успешно — около 14:00 танки без особых проблем достигли Бюрона. Однако дальше начались трудности — перед Риббентропом встал вопрос: как атаковать деревню без пехоты? Положение осложнялось тем, что местность перед Бюроном была открытой равниной, хорошо простреливаемой со всех сторон. Долго раздумывать было нельзя, и Риббентроп бросил вперед 1-й взвод унтерштурмфюрера СС Курта Богеншпрегера. Эта атака оказалась плохой идеей — канадцы на подступах к Бюрону имели значительное число противотанковых орудий и четыре «Шермана», среди которых — один «Файерфлай»

(с 17-фунтовой пушкой). Поэтому через 10 минут после начала немецкой атаки пять «Пантер» взвода Богеншпрегера (из восьми) были выведены из строя. Досталось и взводу Албана и сопровождавшим его Pz-IV, три из которых были подбиты. После этого Риббентроп свернул атаку и отвел свои танки к аббатству Арденн. Для 3-й танковой роты бои продолжались.

К этому времени в I и II батальонах 25-го гренадерского полка не осталось ни одного офицера, а II батальон потерял всю противотанковую артиллерию. В этих же боях II батальон Фрица Штегера потерял 262 человека, то есть (с учетом потерь предыдущих дней) практически прекратил существование.

Тем временем, предприняв новую атаку, союзники прорвали немецкую оборону на правом фланге, где позиции дивизии СС «Гитлерюгенд» соприкасались с 16-й полевой дивизией

Гренадеры СС

люфтваффе генерал-лейтенанта Зиверса. В прорыв вклинились две английские дивизии, после чего оборона авиаполевой дивизии сразу же рухнула. Чтобы стабилизировать ситуацию, Мейер послал на помощь пехотинцам люфтваффе «пожарную команду» — все имеющиеся в его дивизии танки и немного артиллерии, эти части ударили во фланг англичанам.

3-я танковая рота фон Риббентропа потеряла семь «Пантер», погибло семь человек, 12 получили ранения (из них шесть тяжелые). По немецким отчетам, рота уничтожила 27 канадских танков, однако современные историки находят это число несколько завышенным[1]. За бои 8 июля Богеншпрегер был награжден одновременно Железными крестами 2-го и 1-го классов, а его командир роты, оберштурмфюрер СС Рудольф фон Риббентроп — Германским крестом в золоте. 7 августа Богеншпрегер был тяжело ранен и скончался в тот же день.

Рядовой СС Циммлер, сражавшийся в районе Этервиля, описал в своем дневнике эти бои: «С 6:30 до 8:00 опять сильный пулеметный огонь. Затем “Томми” атакуют большими массами пехоты и танков. Мы отбиваемся столько времени, сколько можем, но понимаем, что теряем позиции. Оставшиеся в живых пытаются отходить; мы видим, что они окружены. В нашем секторе мы отбили атаку английской пехоты, но она обошла нас справа и слева. Я стал отходить назад как можно быстрее под непрерывным огнем. Другим это не удалось. Когда прекратился ружейно-пулеметный огонь, наша артиллерия пришла в движение. Все еще не могу понять, как я уцелел, когда снаряды рвались в двух-трех метрах от меня и осколки проносились мимо ушей. К этому времени до своих остава-

[1] *Бернаж Ж.* Немецкие танковые войска. С. 121.

лось около 200 метров... Наступающие "Томми" прошли в пяти-шести шагах и не заметили меня в высокой пшенице... Внезапно укрытие из пшеницы поредело, и мне нужно было проскочить открытое поле... Оставалось только десять метров до следующей полосы пшеницы. Внезапно появились три "Томми" и взяли меня в плен. Мне тут же дали попить и сигарету. В пункте сбора военнопленных я встретил моего унтершарфюрера и других товарищей из роты»[1].

Несмотря на тяжелое положение, эсэсовцы силами II танкового батальона штурмбаннфюрера СС Карл-Хайнца Принца из 12-го танкового полка СС упорно, но безрезультатно пытались контратаковать в направлении Сен-Контест. Воспользовавшись ситуацией, канадцы тут же перешли в контрнаступление и смогли продвинуться вперед. Выжигая все живое огнеметными танками, канадцы шли вперед.

Положение дивизий СС «Гитлерюгенд» и «Лейбштандарт» было чрезвычайно серьезным. Во второй половине дня союзники взяли Груши. 16-я (саперная) рота 25-го полка СС оберштурмфюрера СС Карла-Хайнца Вернера была полностью уничтожена, от нее остался только связной.

Три батальона 25-го гренадерского полка СС были предоставлены сами себе и вели ожесточенные бои в полуокружении в Мелоне, Гальманше и Бюроне. У деревни Гальманше 25-й гренадерский полк потерял 6-ю роту, полностью раздавленную канадскими танками. Гауптштурмфюрер СС доктор Антон Тирей командир 6-й роты собственноручно уничтожил три танка «Шерман» и был убит при попытке подбить четвертый. В том бою с немецкой стороны уцелел лишь один гренадер. Немцы

[1] *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». С. 326—327.

окончательно потеряли Оти и Франкевиль. Контратакой III батальона 1-го полка СС из «Лейбштандарта» немцам удалось остановить противника к северу от монастыря Арденн.

В самом монастыре Арденн скопилось большое количество немецких раненных, поэтому позиции нужно было удерживать до их полной эвакуации. Полевым санитарным пунктом руководил врач 25-го полка СС штурмбаннфюрер СС доктор Эрих Гаттернигг. Санитары валились с ног от усталости, но продолжали выполнять свой долг. Этот район оказался в ведении командира 25-го полка СС Милиуса, который разместил свой командный пункт в монастыре.

Против превосходящих сил союзников эсэсовцы стояли насмерть, прикрывая эвакуацию немецких раненых из монастыря Арденн. Танкисты из роты фон Риббентропа (сильно потрепанный взвод Богеншпрегера) подбили три вражеских танка, всего в 100 метрах от монастыря. С другой стороны, в районе Кюсси, оборону держал командир батареи 1-й батареи 12-го зенитного дивизиона СС гауптштурмфюрер СС Ритцель. В ходе боя зенитная батарея была почти полностью уничтожена. Ритцель из последнего орудия подбил три танка «Шерман» и погиб в рукопашной схватке вместе с последними шестью солдатами батареи. Такой ценой раненых все же удалось эвакуировать. Однако сдавать монастырь в планы немцев не входило — на легком танке Pz-II Макс Вюнше прибыл в монастырь к Милиусу, откуда передал Мейеру: «Вюнше остается в аббатстве Арденн. Он будет держаться до последнего человека и до последнего патрона»[1]. Это сообщение в штабе дивизии никакого энтузиазма не вызвало, напротив, Курт Мей-

[1] *Бернаж Ж.* Немецкие танковые войска. С. 121.

ер немедленно отдал приказ: «Все кто может самостоятельно передвигаться, должны отступать из аббатства в направлении Кана». Скрепя сердце Вюнше был вынужден подчиниться и пересел на «Пантеру» командира I танкового батальона Юргенсена. Сам отход немцев от монастыря прикрывали оставшиеся танки 3-й танковой роты. В 22:30 пехота Королевского стрелкового полка (из 3-й канадской пехотной дивизии) вышла к стенам монастыря Арденн, а в полночь канадские пехотинцы заняли монастырь.

Унтерштурмфюрер СС Курт Богеншпрегер из 3-й роты 12-го танкового полка СС со своим экипажем

9 июля под давлением наступавших к центру Кана союзников началось отступление немцев на дальний берег Орна. Таким образом, ценой тяжелых потерь 9 июля союзники вторглись в северные предместья Кана. Немцы могли только задержать наступление противника, но не остановить его. Доселе критическая ситуация стала безнадежной. Части 12-й дивизии СС потеряли контакт друг с другом и сражались в одиночку.

Исходя из реальной оценки обстановки в районе Кана, оберфюрер СС Мейер приказал отступить: имеющимися силами немцы не могли остановить англичан. После войны он написал: «Мы были готовы умереть в Кане, но никто не мог требовать, чтобы эти юнцы были принесены в жертву бессмысленному приказу». У немцев уже не оставалось резервов, боеприпасы быстро истощались, и удержать позиции было невозможно.

В результате город был оставлен без согласия штаба I танкового корпуса СС (согласие пришло только в 03:00 10 июля). Измотанные немецкие войска переправились через реку Орн, которая текла через центр Кана, и укрепились в другой части города. После переправы саперы немедленно взорвали мосты. Численность переправившихся войск приблизительно равнялась батальону. При этом из-за плохой связи некоторые подразделения дивизии не получили приказ об отступлении и продолжали оставаться на своих позициях. В этой обстановке подразделения I батальона 25-го гренадерского полка СС были сильно потрепаны во время налета союзнической авиации. Взвод оберштурмфюрера СС Ганса Шюнеманна оказался отрезанным от своих среди группы крестьянских домов, на протяжении двух суток его отряд сражался в полном окружении, пока не был уничтожен.

Гренадеры дивизии в Кане

Заняв оставленную половину города, англичане дальше продвинуться не смогли. Немцы все еще удерживали важную возвышенность Бургибю, к югу от Кана, и сталелитейные заводы Коломбель поблизости от города, откуда их наблюдатели могли засечь любое движение английских войск. Несмотря на фактический захват Кана, ожидаемого прорыва и удара через Орн у англичан не получилось; немецкий фронт временно стабилизировался. Дивизия СС «Гитлерюгенд» удерживала небольшой городок в течение 33 дней. Все амбициозные планы британского командования были втоптаны в грязь восемнадцатилетними гренадерами войск СС.

Два дня ожесточенных боев 8—10 июля обошлись некоторым немецким батальонам потерями до 25 % личного состава. День 8 июля стал для дивизии рекордным в плане безвозвратных потерь офицерского состава — он стоил жизни или свободы 15 офицерам дивизии! Из них — шесть командиров рот, плюс врач I батальона 25-го полка СС оберштурмфюрер СС доктор Эгон Херманн и адъютант III батальона этого же полка унтерштурмфюрер СС Курт Бергманн. В боях 7—9 июля 12-й танковый полк СС потерял 18 унтер-офицеров и солдат убитыми (один офицер, унтерштурмфюрер СС Рихард Кульке, из 1-й роты), 30 человек ранеными, 18 человек пропавшими без вести (один офицер, унтерштурмфюрер СС Пауль Тайхерт из 1-й роты). Канадцы в этих боях потеряли 1194 человека, из них 334 убитыми.

12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» более месяца участвовала в тяжелых боях с превосходящими силами противника. К середине июля дивизия уничтожила 219 союзных танков. Многие солдаты «Гитлерюгенд» были удостоены наград. В частности, 11 июля Рыцарские кресты были вручены

Эрих Ольбетер, штурмбаннфюрер СС, командир III (бронированного) батальона 26-го танково-гренадерского полка СС

Вильгельму Монке и Карлу-Хайнцу Принцу (командир II батальона 12-го танкового полка СС), а 27 июля эту высокую награду получил Эрих Ольбетер. В то же время потери дивизии составили до 60 % личного состава (20 % убитыми и 40 % ранеными[1]), а танков в строю осталось всего 65 штук, то есть было потеряно более половины бронетехники. Общее число гренадеров дивизии было приблизительно равным одному батальону (целых пять батальонов уничтожены в боях!). Безвозвратно было потеряно 74 офицера[2]. Весь личный состав был предельно измотан и крайне нуждался в передышке.

Танков в боеготовом состоянии на 10 июля в дивизии было: Pz-IV — 19 (и 27 в ремонте), «Пантер» — 18 (24 в ремонте). Вдобавок в танковом полку не хватало командирских танков, самоходных зениток, ремонтно-эвакуационных машин, а также бронетранспортеров для саперного взвода. Персонал 3-й и 4-й танковых рот был отправлен в Германию для получения новой

[1] *Bender R., Taylor H.* Uniforms, organization and history of the Waffen SS. Vol. 3, p. 116.

[2] Подсчитано автором на материалах Д.П. Мура.

Гренадеры, награжденные Железными крестами II класса

бронетехники, а имеющиеся у них в наличии танки были переданы на пополнение других подразделений.

Учитывая высокие потери дивизии, рейхсфюрер СС Гиммлер обратился со специальным запросом к рейхсюгендфюреру Артуру Аксманну, в котором отметил, что дивизия уже потеряла 6000 человек, из них 2000 убитыми, а треть раненых — ампутантами, и теперь срочно нуждается в пополнении. Аксманн пообещал Гиммлеру в скором времени 6000 добровольцев[1], однако немцам очень не хватало времени на их подготовку к боям; по самым скромным подсчетам, они могли влиться в дивизию не ранее, чем через несколько месяцев.

[1] *Butler R.* SS-Hitlerjugend, p. 85.

Минуты затишья

11 июля «Гитлерюгенд» была сменена на позициях частями 272-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Фридрих-Августа Шака[1] и выведена в тыл для отдыха и пополнения в район Фалеза (при этом 12-й артиллерийский полк СС и 12-й зенитный дивизион СС были приданы в поддержку этой дивизии). По воспоминаниям Мейера, «солдаты 12-й танковой дивизии СС были на грани физической выносливости. Они удерживали линию фронта в течение четырех недель без подкрепления и приняли на себя самые жестокие удары битвы... Они шли в бой с сияющими лицами. Сегодня покрытые грязью каски отбрасывают тень на осунувшиеся лица, чьи глаза слишком часто заглядывали в лицо смерти».

Своим героическим сопротивлением гренадеры из дивизии СС «Гитлерюгенд» заслужили уважение со стороны противника. Один из канадских историков отметил: «12-я танковая дивизия СС... сражалась с решимостью и напором, с каким не сражалась ни одна из частей»[2]. А английский журналист Честер

[1] Интересно отметить, что, по словам канадского разведчика Мильтона Шульмана, Шак не мог запомнить номера трех полков своей дивизии. Впрочем, мнение союзного офицера более чем предвзятое... Шак был награжден Рыцарским крестом 24 июля 1941 г. как командир 392-го пехотного полка 169-й пехотной дивизии.

[2] Немецкая мотопехота. С. 16.

Уилмот отмечал, что «солдаты 12-й дивизии СС, которые удерживали этот сектор, сражались с жестокостью и упорством, которому трудно найти соответствие и невозможно — пример превосходства во всей кампании». Современный западный историк К. Бевершток отметил, что «юнцы из "Гитлерюгенд" были грозным противником, несмотря на их молодость и неопытность»[1].

Бои продолжаются

Отдых вблизи от линии фронта наложил на дивизию свой отпечаток. Штабы обоих танково-гренадерских полков дивизии были переведены в район Вимутье, где им поставили задачу формировать смешанные роты из поступающего пополнения и выздоравливающих раненых. Остатки танково-гренадерских батальонов были слиты в две боевые группы — «Краузе» и «Вальдмюллер» (по именам командиров), в составе групп имелось около 50 единиц бронетехники[2]. II батальоны обоих танково-гренадерских полков дивизии были расформированы, а их личный состав направлен на пополнение оставшихся батальонов. Некоторые танковые роты были переброшены в район Ле-Небур для отдыха, ремонта и пополнения. Дивизия лихорадочно восстанавливала боеспособность частей и пополняла запасы боеприпасов и амуниции.

В эти дни немецкие командующие разного ранга начинают понимать, что имеющимися силами им не выиграть сражения в Нормандии. Положение со снабжением становилось

[1] *Baverstock K.* Breaking the Panzers, p. 30.

[2] *Lefevre E.* Panzers in Normandy, p. 157.

все более и более безнадежным. В один из дней Курт Мейер был вызван в штаб I танкового корпуса СС (из-за действий вражеской авиации он опоздал больше чем на час). В штабе корпуса Мейер встретился с фельдмаршалом фон Рундштедтом (до 2 июля 1944 г. — главнокомандующим немецкими войсками на Западе). В ходе последующего обеда Рундштедт, Зепп Дитрих и Мейер выявили согласие относительно невыносимости сложившегося положения дел. Все оценивали ситуацию как «исключительно серьезную». Единственным фактором, способствующим удержанию фронта, стало мужество немецкого солдата, который в невыносимых условиях продолжал цепляться за каждый клочок земли, тормозя продвижение вперед бронированных армад союзников. Но был ли этот фактор решающим? Рундштедт выразил свое восхищение и признательность 12-й танковой дивизии СС, одновременно проявив сожаление по поводу тяжелых потерь дивизии. Как сказал фельдмаршал: «Ужасно, что эти преданные молодые люди жертвуют собой в безнадежной ситуации»[1].

17 июля дивизию СС «Гитлерюгенд» подняли по тревоге — британцы прорвали оборону 272-й пехотной дивизии между Мальтотом и Ванде. На передовую была брошена боевая группа Вюнше. В нее вошли штаб 12-го танкового полка СС, сборный танковый батальон штурмбаннфюрера СС Арнольда Юргенсена, состоявший из 18 Pz-IV и 13 «Пантер», I и III батальоны 26-го гренадерского полка СС под командованием Бернгарда Краузе и Эриха Ольбетера соответственно, артиллерийская батарея из I дивизиона 12-го артиллерийского полка СС, вооруженная самоходными гаубицами «Веспе», и 1-я рота

[1] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 275.

12-го противотанкового дивизиона СС оберштурмфюрера СС Георга Хурдлебринка, укомплектованная самоходками «Ягдпанцер-IV». Противник был отброшен контратакой и выйти к реке Орн не сумел. Эсэсовцы захватили 15 пленных.

После полудня Курт Мейер был вызван с докладом к фельдмаршалу Роммелю, командующему группой армий «Б». Мейер без прикрас выложил все свои опасения, подчеркнув, что если немецкие войска так и останутся без авиационной поддержки, то фронт в Нормандии скоро рухнет. Роммель и сам прекрасно знал об этом, однако ничем обнадежить Мейера не сумел, свалив все на Верховное командование. Так что встреча окончилась безрезультатно. В этот же день Роммель был тяжело ранен и больше на фронт уже не вернулся.

После всех относительных неудач британцев на фоне успехов американских войск фельдмаршал Монтгомери нуждался в серьезной победе. Еще бы, за девять дней, с 10 по 18 июля, английские войска продвинулись всего на 1—3 километра, причем местами они были отброшены на исходные позиции немецкими контратаками. 18 июля Монтгомери начал операцию «Гудвуд». План ее был прост: воздушная армия должна была массированными бомбардировками создать брешь, а пехота двух дивизий — закрепить ее и создать коридор, через который затем двинутся танки. Ударной силой британских войск были три бронетанковые дивизии, две из которых недавно прибыли из Англии. Основной упор был сделан на захват возвышенной местности, господствующей над полем боя, то есть высоты Бургибю. В случае успеха наступление предполагалось развивать, вплоть до «марша на Париж».

Английским войскам противостояли потрепанные силы четырех немецких дивизий, из них одна эсэсовская — «Лейб-

штандарт». В качестве резерва имелись две боевые группы из дивизии СС «Гитлерюгенд». Общий недостаток войск компенсировался довольно мощными оборонительными сооружениями немцев. Им удалось создать сильный пояс глубокой обороны, которая опиралась на пять взаимосвязанных узлов укрепленных опорных пунктов. Современные британские историки говорят, что это был самый грозный рубеж немецкой обороны, который только имелся в Нормандии. В довершение всего, для немцев это наступление не было секретом, в этот раз разведка «доложила точно». А Зепп Дитрих после войны утверждал, что услышал приближение английских танков, пользуясь приемом, которому он научился в России: приложив ухо к земле.

Перед началом сражения Дитриху наконец удалось вывести свою бронетехнику в резерв, заменив ее пехотой. В его подчинение пришла относительно свежая 272-я пехотная дивизия.

События развивались по стандартному сценарию. В 05:30 1000 бомбардировщиков «Ланкастер» нанесли сильнейший бомбовый удар — 7700 тонн бомб. Самолеты сбрасывали осколочные бомбы перед фронтом своих войск, а фугасные — на флангах и на опорные пункты в глубине немецкой обороны. Затем началась артиллерийская подготовка с использованием корабельной и армейской полевой артиллерии, которая продолжалась три часа. Предполагалось, что после такой обработки все препятствия в полосе наступления бронетанковых дивизий будут сметены. По мнению английских историков, это был «наиболее мощный бомбардировочный удар, который когда-либо предпринимался для поддержки наземных войск». Сразу же после его окончания в бой пошли пехота и танки.

Немецкое командование, зная о подготовке наступления и учитывая опыт боев за Кан, расположило главные силы своих войск на заранее подготовленном рубеже в 10—12 километрах от переднего края обороны. Таким образом, союзная авиация сбросила свои бомбы на передовые немецкие позиции, занятые лишь небольшими силами.

Находившаяся на участке английского прорыва слабо оснащенная и обученная 16-я полевая дивизия люфтваффе генерал-майора Карла Зиверса была буквально сметена валом союзного наступления. Однако в целом, хотя немецкая оборона и была сильно потрепана бомбардировкой, но взломать ее союзникам не удалось. Чувствуя угрозу своему правому флангу, Зепп Дитрих направил «Лейбштандарт» в район кряжа Бургбю. При помощи сильной артиллерии — 88-мм зенитных орудий (всего немцы имели их здесь 70 штук), 194 полевых пушек, 272 установок для пуска реактивных снарядов, а также «Тигров» 101-го тяжелого танкового батальона СС (они дислоцировались в районе Френувиля) и 503-го армейского батальона тяжелых танков, острие атаки вражеской бронетехники было сломано. Союзники увязли в глубоко эшелонированной обороне 21-й танковой дивизии и «Лейбштандарта». Глубокий танковый прорыв не удался[1]. Все же, несмотря на отдельные местные успехи, под давлением превосходящих сил противника части 1-й танковой дивизии СС были вынуждены оставить

[1] В районе Эмивиля шесть замаскированных танков 503-го батальона тяжелых танков капитана Рольфа Фромме в несколько минут уничтожили 12 «Шерманов» из состава английской гвардейской бронетанковой дивизии, которая пыталась обойти городок Каньи. Уцелевшие английские танки быстро отступили. Всего, по данным фон Люка, англичане потеряли здесь 20 танков.

Радист дивизии в Нормандии

большую часть еще удерживаемых районов Кана, однако это было вполне поправимой потерей.

С началом сражения боевые группы дивизии СС «Гитлерюгенд» были подняты по тревоге. Личный состав дивизии воспринял объявление тревоги с фатализмом: «Гренадеры попрыгали в свои машины, смахивая с глаз остатки сна. Они не задавали вопросов. Солдаты молча готовились к предстоящему бою. У нас не было иллюзий. Офицеры и солдаты знали о бесполезности сражения. Они ожидали боевого приказа молча, но с решимостью исполнить свой долг до конца»[1].

Боевая группа Вальдмюллера оперировала по обе стороны дороги Каньи — Вимон на участке 21-й танковой дивизии, оказывая поддержку армейским танкистам. Ночью на 19 июля (официально — в 05:30 утра) Курт Мейер полностью взял на себя участок Каньи — Вимон. Положение немцев облегчалось тем, что британцы действовали крайне нерешительно, и это несмотря на свое тотальное превосходство в силах и средствах над противостоящими им немцами.

Батальон Бернгарда Краузе занял оборону справа от группы Вальдмюллера. Справа от дороги, ведущей к замку

[1] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 277.

Сен-Пьер, и рядом с деревушкой Франкевиль развернулась 8-я рота танкового полка оберштурмфюрера СС Герберта Хоффлера и 1-я рота противотанкового дивизиона оберштурмфюрера СС Георга Хурдлебринка (укомплектован самоходками «Ягдпанцер-IV»).

Целый день 19 июля англичане снова атаковали, но опять без особых успехов. Основную тяжесть боев вынес на себе «Лейбштандарт», но боевые группы дивизии СС «Гитлерюгенд» приняли посильное участие в сражении, уничтожая отдельные прорвавшиеся части противника. В результате Монтгомери отступил, а общие потери британцев составили 5537 солдат и около 450 танков[1]. Этой стало платой за захват одиннадцати километров французской земли[2]. Высоты южнее Кана были удержаны немцами. После этого танки дивизии СС «Лейбштандарт» поддержали оборону 272-й пехотной дивизии против канадских атак на северной оконечности кряжа Бургбю. В результате успех канадцев был ничтожен, а потери составили 2000 человек.

Операция «Гудвуд» еще раз продемонстрировала высокие боевые качества как войск СС, так и вермахта. Здесь особое внимание хочется уделить немецким танкоремонтным мастерским. Без них, учитывая, что танковые дивизии СС и вермахта практически не получали новые танки взамен вышедших из строя в ходе Нормандской кампании, немецкие танковые войска были бы быстро сведены к нулю. Их работа позволяла

[1] 36 % всех их бронетанковых сил, развернутых к тому времени в Нормандии.

[2] Разочарованный таким результатом, Эйзенхауэр заметил, что, «сбросив на врага 7000 тонн бомб, мы продвинулись на семь миль. Можем ли мы позволить себе тратить по тысяче тонн бомб на каждую милю?»

поддерживать подвижность и, самое главное, боеспособность танковых дивизий на достаточно терпимом уровне. Из-за воздушного превосходства союзников ремонтные подразделения в целях маскировки обустраивались в лесах. Все передвижения и ремонт танков осуществлялись только по ночам. Адъютант 12-го танкового полка СС гауптштурмфюрер СС Герман Изеке вспоминал: «Особенно следует отметить ремонтную роту дивизии и ремонтные роты батальонов... Здесь стало очевидным отличное взаимодействие между частями и ремонтными группами. Забирать танки часто приходилось под огнем противника. Сразу же после начала кампании к оттягивавшим сломавшиеся или разбитые танки тракторам добавили захваченные "Кромвели" противника, которые служили буксирами после того, как с них сняли башни. 20-тонные краны использовались для снятия башен, чтобы отремонтировать поврежденные пушки»[1].

20 июля дивизия заняла оборону на линии от Вимона до Сен-Сильвена, оборудовав здесь цепь опорных пунктов. О создании сплошной линии обороны речь даже не поднималась — этого не позволяли сделать ни военная обстановка, ни наличные силы и средства немцев.

Утром 21 июля новый командующий немецкими войсками на Западе (со 2 июля) фельдмаршал фон Клюге проинспектировал дивизию, посетив позиции боевой группы Вальдмюллера и встретившись с Куртом Мейером. Между командующим и Мейером состоялся откровенный разговор. Фон Клюге раскритиковал методы ведения войны вермахтом в Нормандии (статичная оборона), а общую ситуацию охарактеризовал как критическую. Мейер с ним полностью согласился, однако кон-

[1] *Бернаж Ж.* Немецкие танковые войска. С. 93.

кретных реальных результатов встреча не дала, все осталось без изменений.

После провала операции «Гудвуд» англичане продолжали медленно, шаг за шагом, вытеснять немцев подальше от Кана. В упорные бои на сдерживание противника были брошены все немецкие резервы в этом районе. Имея превосходство над немцами в танках 4:1, а в пехоте — 2:1, англичане упорно продвигались вперед. 2-я английская армия продолжала медленно наступать, постепенно вытесняя немцев. Что касается дивизии СС «Гитлерюгенд», то она находилась на спокойном участке фронта, практически не участвуя в боях. Это объяснялось тем, что немецкое командование было занято подготовкой контрудара под Мортеном (операция «Люттих»), в которой планировало задействовать дивизии СС «Лейбштандарт» и «Гитлерюгенд». При этом интересно отметить, что в ночь на 2 августа солдаты боевой группы Вюнше на востоке от Сент-Аингана разместили 65 макетов танков, чтобы ввести противника в заблуждение относительно своих реальных сил. Как оказалось в дальнейшем, союзники всерьез восприняли немецкую уловку. В ночь с 4 на 5 августа части 12-й дивизии СС были сменены полками 272-й пехотной дивизии и отведены в тыл. На фронте осталась лишь разведывательная группа Эриха Ольбетера, контролировавшая разделительную линию между танковой армией «Запад» и 7-й армией, оперативно подчиняясь штабу 2-го танкового корпуса СС.

На пути к Фалезу

Фронтовая обстановка не позволила немцам перебросить под Мортен дивизию СС «Гитлерюгенд», туда направили только «Лейбштандарт» (переброска произошла 5 августа).

Ослаблением немецкого фронта сполна воспользовались англичане, имея целью поддержать оборонительные бои американцев в коридоре Авранш-Мортен и сковать немецкие резервы на своем участке. Монтгомери провел несколько атак силами канадских войск. В бой был брошен 2-й канадский корпус. Операция, разработанная в штабе Монтгомери, получила название «Тоталайз».

В ночь на 7 августа начался сильный авиационный налет, за время которого на немецкие позиции самолеты союзников вывалили около 4500 тонн бомб. После этого канадцы силами двух пехотных дивизий начали наступление в южном направлении в сторону Фалеза. 7 августа британцы силами 59-й пехотной дивизии при поддержке танков прорвали фронт 271-й пехотной дивизии, которая быстро попала в сложное положение. Противник расширил свой плацдарм на Орне. В немецком фронте оказалась брешь шириной несколько километров. Чтобы выправить положение, в контратаку была брошена боевая группа Вюнше. В этот момент она состояла из штаба танкового полка, штаба I танкового батальона, 3-й и 8-й танковых рот полка, 2-й роты 101-го тяжелого танкового батальона СС, I батальона 26-го полка СС и III батальона 26-го полка СС (без штаба и одной роты) и 3-й дивизион артиллерийского полка[1].

Во время выдвижения вперед боевая группа попала под налет 44 двухмоторных бомбардировщиков «Митчел». Немцев

[1] В некоторых источниках есть упоминание, что в состав группы Вюнше входил и I танковый батальон «Лейбштандарта», приданный ей ранее. Однако к этому моменту батальон был возвращен в состав своей дивизии, которая должна была принять участие в операции «Люттих».

это не смутило, ответный зенитный огонь повредил 36 самолетов, но лишь несколько удалось сбить. Цели бомбометание не достигло.

Атака боевой группы началась в 19:00 7 августа. Эсэсовские танки и гренадеры вошли в Форе-де-Гримбос и Брие. Едва ли не дальше всех продвинулось подразделение унтершарфюрера СС Ферстера из I батальона 26-го полка СС — гренадеры заняли позиции у моста в Ле Бас. Оборону здесь цементировали два трофейных советских противотанковых орудия калибра 76,2-мм из противотанкового взвода 4-й роты. В последовавшем жестоком бою эсэсовцы подбили 28 союзных танков (в основном из 43-й танковой бригады), из них два были на счету III батальона 26-го полка СС. У группы Ферстера закончились боеприпасы, и он был вынужден взорвать оба орудия, чтобы они не достались противнику. В целом немецкая атака шла успешно, пока проходила в лесистой местности. Однако когда танки и гренадеры вышли на открытую местность, которая постепенно спускалась к Орну, то были остановлены мощным огнем вражеской артиллерии. В наступающих сумерках гренадеры окопались на позициях в лесистой местности, а танки тщательно замаскировали. К несчастью для немцев, британцы с доминирующей высоты 162 могли просматривать немецкие позиции; эсэсовцы такой возможности не имели. В этот день погиб унтерштурмфюрер СС Курт Богеншпрегер, неоднократно отличившийся в предыдущих боях.

В целом же к началу операции «Тоталайз» немецкая оборона состояла из двух полос: на первой противнику противостояли недавно переброшенная из Норвегии 89-я пехотная дивизия и части 272-й пехотной дивизии. Боевые группы 12-й танковой дивизии СС (фактически лишь одна — Вальдмюл-

лера, поскольку группа Вюнше уже была задействована в бою 7 августа) занимали вторую линию обороны, на расстоянии 6—7 километров от первой. «Гитлерюгенд» еще имела 48 своих танков, а также 10 «Тигров» (из 18-ти) 101-го тяжелого танкового батальона СС, который, как уже упоминалось, был передан в подчинение дивизии. Нужно сказать, что в ходе боевых действий дивизия почти не получала подкреплений, лишь со 2 по 7 августа прибыло небольшое пополнение: восемь «Пантер» получил I батальон штурмбаннфюрера СС Арнольда Юргенсена из 12-го танкового полка СС.

В 23:00 7 августа немецкие позиции были подвергнуты жесточайшей бомбардировке. 1020 самолетов сбросили на них 3462 тонны бомб. Немецкая зенитная артиллерия смогла сбить лишь 10 самолетов. После бомбардировки 51-я хайлендская дивизия и 33-я британская бронетанковая бригада атаковали позиции 89-й и 272-й пехотных дивизий. Союзники наступали тремя колоннами по 1900 солдат и 200 единиц бронетехники в каждой; кроме того, во втором эшелоне следовали крупные танковые силы.

Несмотря на это, слабые части 89-й пехотной дивизии сдерживали на некоторых участках атаки превосходящих сил канадцев почти полночи. Однако, деморализованные бомбардировкой, они не смогли оказать им сильного сопротивления. Передовые вражеские отряды пробились на пять километров в глубину немецкой оборонительной линии. Как только началась бомбардировка, Курт Мейер отправился прямо в штаб 89-й дивизии, однако ее командир генерал-лейтенант Конрад-Оскар Хайнрихс[1] не смог внятно описать ситуацию. В результате

[1] Хайнрихс родился 5 мая 1890 г. Он отличился как командир 24-го пехотного полка, 13 сентября 1941 г. был награжден Рыцарским крестом. Погиб в бою 8 сентября 1944 г. в районе Льежа.

Мейер лично отправился вдоль дороги Кан—Фалез, выяснять обстановку. Новости были неутешительны: необстрелянные солдаты 89-й пехотной дивизии побежали, а затем пришло сообщение, что командир дивизии убит (это не соответствовало действительности). Мейер попытался остановить бегство потерявших руководство солдат. Он вспоминал после войны: «Я выскочил из машины, и у меня задрожали колени, на лбу выступила испарина, одежда взмокла от пота. И не потому, что я испугался за себя; опыт последних пяти лет приучил меня к страху смерти. Я с ужасом осознал, что, если не сумею сейчас развернуть дивизию, союзники прорвутся к Фалезу и немецкие армии на западе окажутся в ловушке. Я пережил худшие моменты своей жизни. Передо мной беспорядочной толпой бежала по дороге Кан—Фалез охваченная паникой 89-я пехотная дивизия, и я знал, как она слаба. Необходимо было любой ценой заставить этих людей вернуться на линию фронта и сражаться. Я встал посреди дороги, закурил сигару и громко спросил, не собираются ли они оставить меня одного воевать с врагом. Услышав такое обращение командира дивизии, беглецы остановились и после некоторых колебаний вернулись на свои позиции»[1].

Остановив бегство солдат, Мейер направился в штаб 26-го полка СС. Командир полка Вильгельм Монке, чей штаб был накрыт бомбардировкой, встретил Мейера в полуоглушенном состоянии, а все его связные мотоциклисты были ранены. Здесь же находился командующий 5-й танковой армией генерал танковых войск Генрих Эбербах, прибывший воочию наблюдать происходящее на передовой. Недолго думая, Эбербах предо-

[1] *Шульман М.* Поражение на Западе. С. 207.

ставил Мейеру полную свободу действий. Особого выбора для действий у Мейера не было. Его единственным резервом была боевая группа Вальдмюллера (группа Вюнше, как мы помним, была уже втянута в бои). Кроме этого, еще имелись корпусная и дивизионная эскортные роты, три артиллерийских дивизиона, 12-й минометный дивизион СС. Этими силами можно было лишь сдерживать наступление противника, но о каком-либо активном противодействии думать не приходилось.

Группа Вальдмюллера была направлена в Бретвиль-де-Рабе, с приказом действовать по обстановке. А уже вскоре Курт Мейер издал следующий приказ по дивизии:

«Боевой группе Вальдмюллера, усиленной II батальоном 12-го танкового полка СС и остатками 101-го тяжелого танкового батальона СС, контратаковать с целью захвата возвышенности к югу от Сен-Анена...

Корпусная рота сопровождения придается боевой группе Вальдмюллера.

Дивизионной роте сопровождения, усиленной 1-й ротой 12-го противотанкового дивизиона СС, выдвинуться через Эстре и занять возвышенность западнее Сен-Сильвена, после чего присоединиться к боевой группе Вальдмюллера.

Боевой группе Вюнше немедленно контратаковать в районе Гримсбо и Брие, отбить холмы к северо-востоку от Потиньи и удерживать узкий коридор между Лайзоном и Лайзом.

Артиллерийский полк вместе с 12-м минометным дивизионом СС поддерживает атаку с позиций поблизости от Национального шоссе.

Зенитный дивизион обеспечивает противотанковый барьер по обеим сторонам Национального шоссе в районе Бретвиль-ле-Рабе.

Разведывательная группа унтерштурмфюрера СС Винеке обеспечивает контакт с левым флангом 272-й пехотной дивизии...

Командный пункт дивизии... в 1,5 километрах восточнее Потиньи.

Командир дивизии с боевой группой Вальдмюллера...»[1]

Штандартенфюрер СС Вильгельм Монке, командир 26-го полка СС

Так что Вюнше получил приказ продолжить атаку и уничтожить вражеский плацдарм. Однако британцы за ночь усилили свои силы, и поэтому все немецкие усилия пошли прахом. Потери боевой группы в боях 7—8 августа составили девять «Пантер» (против 28 подбитых британских танков). Потери личного состава боевой группы Вюнше 7—8 августа составили 122 человека (24 убитых, из них три офицера, причем все из 3-й роты 12-го танкового полка СС; 91 раненый; семеро пропали без вести). Главным результатом этих боев стало то, что прорыв противника на этом участке

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. II, p. 22. Отметим, что в отечественном издании мемуаров Курта Мейера этот приказ подан в сильно сокращенном виде (мы также сократили текст приказа. но ненамного), с фактическими ошибками: в частности, указанная в тексте приказа в мемуарах боевая группа Краузе в оригинальном тексте не упоминается вообще!

был предотвращен. Британцы потеряли 42 человека убитыми, 111 ранеными и 73 пропавшими без вести.

Что касается Вальдмюллера, то он быстро организовал блокирующую позицию в районе Бретвиль-де-Рабе, перекрыв канадцам пути атаки. Еще в ночь на 8 августа он направил к Кинту один противотанковый взвод. Курт Мейер организовал блокирующую позицию, развернув смешанную боевую группу Ганса Вальдмюллера по обе стороны дороги Кан — Фалез вблизи Кинту, а затем контратаковал силами группы Бернгарда Краузе с востока, через лес, к северо-востоку от этой позиции. В данный момент группа Вальдмюллера состояла из II батальона 12-го танкового полка СС (39 Pz-IV), 1-й роты 12-го противотанкового дивизиона СС (10 самоходок) и семи «Тигров» 2-й роты 101-го тяжелого танкового батальона СС[1].

Вместе с Гансом Вальдмюллером Мейер отправился на рекогносцировку. Офицеры увидели изготовившиеся к атаке колонны канадских танков, которые почему-то, к счастью для немцев, не торопились вступать в бой. В резерве у союзников, готовые в любой момент броситься вперед, стояли 4-я канадская и 1-я польская бронетанковые дивизии, в которых, по некоторым данным, насчитывалось от 600 до 800 танков. Эсэсовцев бездействие противника удивляло, учитывая малочисленность их сил, канадская армада быстро бы уничтожила дивизию СС «Гитлерюгенд» и к вечеру этого дня достигла бы Фалеза, со всеми вытекающими отсюда последствиями. А вот немцы своего шанса упускать были не намерены — увидев

[1] Число боеготовых «Тигров» 2-й роты колеблется между семью—десятью единицами. Мы использовали число, приведенное В. Шнайдером, учитывая, что он поименно перечислил всех командиров танков. См. *Schneider W.* Tigers in Combat. Vol. 2, p. 209.

ряды готовых к выступлению вражеских танков, было немедленно принято решение: контрударом сорвать атаку противника. Атака была назначена на 12:30 8 августа.

Немецкая атака началась строго по графику. На острие немецкого клина шла группа из семи «Тигров» из 101-го танкового батальона СС. В бой их вел прославленный Михаэль Виттманн[1]. За ними наступали танки 5-й роты 12-го полка СС. Мейеру удалось удачно скоординировать действия танков и гренадер. Бронетехника на скорости пересекла открытую местность и, ловко используя складки рельефа, завязала бой с противником. Немецких танков было немного, особенно в сравнении с армадой союзников, но это были хорошие танки, и вели их в бой прекрасно подготовленные решительные экипажи. Сразу за танками в бой пошли гренадеры, Вальдмюллер лично возглавлял их атаку. Курт Мейер оставался на пулеметной позиции на переднем крае. Отсюда он заметил огромную группу четырехмоторных бомбардировщиков, приближающуюся к полю боя. Как вспоминал Мейер, его солдаты не потеряли хладнокровия при виде вражеских самолетов, а отнеслись к ним с большой долей иронии. Один из юных гренадер саркастически заметил: «Какую честь оказывает нам мистер Черчилль, посылая по бомбардировщику на каждого из нас». Мейер прокомментировал это следующими словами: «Собственно говоря, он был совершенно прав. Бомбардировщиков, приближающихся к нам, было больше, чем немецких солдат, прижавшихся к земле»[2]. Однако налет союзной авиации проходил по не совсем обычному сценарию. «Панцер» Мейер

[1] В июле ему предложили должность инструктора в танковой школе в Германии, но он отказался и остался на фронте.

[2] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 288.

со злорадством вспоминал после войны, как самолеты союзников высыпали бомбы на позиции своих войск. Бомбардировка произошла в 12:50, канадцы, англичане и поляки потеряли около 300 человек.

Сражение продолжалось. Воздух вибрировал от грохота танковых пушек. Каждый выбирал противника себе сам. «Тигры» Виттманна и танки Pz-IV из 5-й роты столкнулись с танками 4-й канадской танковой дивизии. Вскоре уже повсюду дымились подбитые танки. Штурмман СС Гельмут Визе, водитель танка Pz-IV из 5-й роты, оставил описание немецкой атаки: «Командир танка, унтершарфюрер Отто Кноф, стоит в люке… "Гельмут, марш-марш!" Я переключаю скорости и даю полный газ. За высотой я различаю опушку леса и выхожу по направлению к ее левому флангу. Мы хотели обойти его, чтобы иметь возможность обзора за ним. В этот момент я слышу интенсивную "барабанную дробь" по наружным стенкам корпуса машины, звуки пулеметных очередей, выстрелы из личного оружия пехоты, наш башенный пулемет также открывает огонь. Я вижу вражеский пулемет, пульсирующее пламя на его стволе, каски, напоминающие по форме тарелки. Целеуказание пулеметчику в башне, огонь — все происходит с сумасшедшей быстротой». Через несколько минут после вступления в бой танк Кнофа был подбит из противотанкового орудия союзников, двое танкистов погибли, а раненый Гельмут Визе был захвачен в плен[1].

По немецким данным, на подступах к Кинту было подбито минимум 14 «Шерманов». Несмотря на колоссальное превосходство союзников в силах, эсэсовцы быстро вернули свои

[1] *Фей В.* Бронетанковые дивизии СС в бою. С. 174—175.

прежние позиции в районе Кинту, потерянные накануне. Здесь немцы остановились для перегруппировки. Канадские танкисты перешли в контратаку, но фланговый огонь дальнобойных орудий «Тигров» Виттманна помогал удерживать канадские «Шерманы» на расстоянии и не давал им близко подойти к Кинту. Историк Т. Рипли назвал эту импровизированную оборону «Стоп-линией Мейера»[1].

В направлении Бретвиль-сюр-Рабе союзным танкам и пехоте продвинуться не удалось. В довершение всего, канадцы действовали крайне нерешительно: они не провели против немцев ни одной массированной сосредоточенной атаки. Атакуй они так, и исход сражения был бы предрешен, ибо массированного танкового удара немецкая оборона бы не выдержала. Впрочем, их тотальное численное превосходство все же дало о себе знать — немецкие «Тигры» постепенно выходили из строя один за другим. В бою у деревушки Гаумеснил пал знаменитый танковый ас гауптштурмфюрер СС Михаэль Витгманн[2]. Здесь немецкие танки, четыре или пять «Тигров», попали под обстрел артиллерии союзников; по некторым данным, они все были подбиты, в том числе и «Тигр» Виттманна[3]. По данным Т. Рипли, в своем последнем бою эти «Тигры» подбили минимум 20 «Шерманов»[4]. Вечером врач 101-го тяжелого танкового

[1] *Rieply T.* Steel rain, p. 138.

[2] До сих пор точно не известно, кто именно победил лучшего танкиста войск СС. На победу претендуют как танки (поляки и канадцы), так и авиация союзников.

[3] *Фей В.* Бронетанковые дивизии СС в бою. С. 172. По данным Р. Бендера и Х. Тейлора союзники подбили шесть «Тигров». См. *Bender R., Taylor H.* Uniforms, organization and history of the Waffen SS. Vol. 3, p. 119.

[4] *Rieply T.* Steel rain, p. 139.

батальона СС гауптштурмфюрер СС доктор Вольфганг Рабе доложил о произошедшем в штабе I танкового корпуса СС. Фриц Кремер, начальник штаба корпуса, приказал ему, как старшему по званию офицеру, увести назад весь уцелевший личный состав батальона и перейти в подчинение 12-му танковому полку СС. Этой же ночью командир полка Макс Вюнше отправил специальные поисковые партии на поиски Михаэля Виттманна, однако все они вернулись ни с чем.

Также нерешительно в своем первом бою действовала и 1-я польская бронетанковая дивизия. Перейдя в атаку в 13:35, поляки наступали, не торопя события. Уже в 15:20 они нарвались на Pz-IV и «Ягдпанцеры» дивизии СС «Гитлерюгенд». В завязавшемся бою поляки быстро потеряли более двух десятков «Шерманов». В панических донесениях «наверх» поляки доносили о двух десятках «Тигров», держащих под огнем весь сектор их атаки, очевидно, приняв за «Тигры» Pz-IV Принца. В любом случае, их наступательный порыв быстро сошел на нет. Затем дивизионная рота сопровождения вышла в район Сен-Сильвена, где столкнулась с передовым отрядом польских танкистов, уничтожила несколько их бронемашин и загнала поляков в леса у Гарселя, откуда они некоторое время предпочли не высовываться.

Вспоминая об этих боях, унтершарфюрер СС Лео Фройнд из дивизионной роты сопровождения рассказал, как ему вместе с его товарищем Куртом Брайтмозером пришлось без подготовки переквалифицироваться в артиллеристы и встать к лафету 75-мм противотанкового орудия Pak-40. Когда расчет этого противотанкового орудия был выбит шрапнелью, оба гренадера проявили инициативу и открыли огонь из орудия, которое, к счастью, оказалось неповрежденным. Сначала им повезло — едва ли не

с первого выстрела был подбит польский «Шерман». Однако на этом везение закончилось — после второго выстрела противник накрыл огнем их позицию: Брайтмозер был контужен, а Фройнд — легко ранен осколками. Фройнд, не теряя времени, добрался до ближайшего перевязочного пункта, где его раны были обработаны и перевязаны. Учитывая, что раны были легкими, его не отправили в госпиталь. Сопровождаемый двумя носильщиками Фройнд вернулся к орудию (Брайтмозер к этому моменту тоже пришел в себя), и солдаты вновь встали к орудию[1].

Тем не менее 4-я канадская бронетанковая дивизия генерал-майора Китчинга где-то к 16:00 с огромным трудом захватила крошечную деревушку на подступах к Кинту, взяв в ней 40 пленных и одно 88-мм орудие. Но дальше продвинуться они не смогли, увязнув в боях на подступах к Кинту. Сражение к северу и востоку от Кинту продолжалось до ночи. В самом Кинту дюжина гренадер сдерживала натиск частей 4-й бронетанковой дивизии. В сумерках канадские танки действовали еще менее активно, чем днем. Однако вечером немецкий фронт дал первую серьезную трещину — части соседней 89-й пехотной дивизии, не имевшие ни противотанковых средств, ни артиллерии, были выбиты из городка Бретвиль-сюр-Лез. Тем самым канадцы обошли Кинту и группу Вальдмюллера с фланга и вклинились в немецкую оборону. Подкрепления Мейеру было ждать неоткуда, разве что от слабой боевой группы Бернгарда Краузе, прибывшей из состава группы Вюнше, которую Мейер выдвинул для организации обороны на подступах к Потиньи.

---

[1] *Харт С., Харт Р., Хьюз М.* Рядовые вермахта и СС 1939—1945. С. 88.

После этого Курт Мейер приказал оставить Кинту; нерешительные действия противника позволили эсэсовцам спокойно выйти из боя, и в 18:00 части 4-й бронетанковой дивизии канадцев заняли деревню.

Прикрывать отвод группы Вальдмюллер поручил своему адъютанту унтерштурмфюреру СС Вилли Кляйну. Кляйн имел в своем распоряжении части штабной роты 25-го полка СС и несколько десятков солдат 89-й пехотной дивизии. Этими силами он окопался в карьерах вдоль Национального шоссе (которое ведет к Фалезу) и преградил путь противнику.

В боях 8 августа отличилась 3-я батарея 12-го минометного дивизиона СС, которой командовал оберштурмфюрер СС Адольф Бей. Она дислоцировалась в двух километрах западнее позиции Кляйна и целый день поддерживала огнем части дивизии. Как вспоминал ветеран дивизиона Вильгельм Фехт, после каждого залпа минометчики должны были быстро менять позицию, чтобы не попасть под удар авиации или артиллерии противника[1]. Сам Бей был тяжело ранен, но оставался со своими солдатами. Батарею вывели из боя только ночью.

К концу дня 8 августа канадцы силами 40—50 танков продвинулись по Национальному шоссе, потеснив группу Кляйна. Перед рассветом Кляйн отступил к селению Хаутмесниль. Около 03:00 танки вышли в район севернее Лангонери, где были развернуты 88-мм орудия 12-го зенитного дивизиона СС. Дальше все пошло по накатанному сценарию — зенитки открыли сильный и точный огонь, после чего канадские танкисты предпочли прекратить атаку. Тем не менее вражеский клин остановился глубоко во фланге боевой группы Вальдмюллера.

[1] *Williamson G.* Loyalty is My Honour, p. 89.

После этого части «Гитлерюгенд» начали отходить к реке Лезон, чтобы закрепиться на новом рубеже и держаться до прибытия частей 85-й пехотной дивизии, которое ожидалось к утру 9 августа. За день боя немцы потеряли 178 человек, пять «Тигров» и шесть Pz-IV. Погибло шесть офицеров (из них троих потеряла 3-я рота танкового полка, входившая в боевую группу Вюнше). По немецким данным, 1-я польская бронетанковая дивизия потеряла 8 августа 90 танков (!) [1].

Группа Вальдмюллера под прикрытием танков отошла и развернулась в лесу у Шато-Кей. Остатки 101-го тяжелого танкового батальона СС были отведены в тыл, в лес Квесни.

К 03:00 ночи 9 августа к Потиньи подошли основные части боевой группы Вюнше, которые затем передислоцировались в лес Квесни. Вюнше все еще имел 39 «Пантер»; кроме того, ожидалось прибытие «Тигров» 102-го тяжелого танкового батальона СС (командующий 5-й танковой армией Эбербах буквально с боем выбил у фон Клюге этот батальон для своей армии).

По итогам дня Курт Мейер отдал следующие указания частям своей дивизии:

«Боевой группе Вальдмюллера обороняться на высотах к северу от Мезьер, к северу от Руве, включая высоту 140... Ей придается 1-я рота 12-го противотанкового дивизиона СС.

Боевой группе Краузе (усиленный I батальон 26-го полка СС) защищать сектор от высоты 140 до высоты 183 на Национальном шоссе.

III батальону 26-го полка СС (фактически — группа Ольбетера. — *П.Р.*) оборонять высоту 195 (три километра к

[1] *Yerger M.* Waffen-SS Commanders. Vol. 2, p. 111.

северо-западу от Потиньи) и собирать всех отставших солдат 89-й пехотной дивизии.

12-й танковый полк СС, с приданным ему 102-м тяжелым танковым батальоном СС, разворачивается в лесу Квесни, откуда выполняет ограниченные атаки, чтобы предотвратить прорыв танков врага вдоль Национального шоссе.

12-й артиллерийский полк СС с приданным 12-м минометным дивизионом СС занимает позиции к югу от Лезона и поддерживает действия дивизии.

12-й зенитный дивизион СС удерживает свои позиции вдоль Национального шоссе к северу от Потиньи. Две батареи 88-мм орудий направить для борьбы с танками, 4-ю батарею (37-мм зенитки) и приданную 14-ю роту 26-го полка СС (20-мм зенитки) выделить для противовоздушной обороны.

Равзедывательная группа Винеке удерживает контакт с 272-й пехотной дивизией.

Дивизионная рота сопровождения выводится в дивизионный резерв.

Командный пункт дивизии в ла Бреше-ду-Диабле»[1].

Ночь затишья на поле боя не принесла, канадцы ночью стремились наверстать упущенное за день. Смешанная штурмовая группа канадцев вместе с 28-м танковым полком атаковала важную тактическую высоту 195. Успех здесь позволил бы им овладеть плацдармом между двумя реками — Лезон и Лез — и тем самым лишить немецкие оборонительные позиции флангов.

Но в планы союзников вмешался случай. В ночной мгле штурмовая группа канадцев потеряла ориентир и вместо высоты

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. II, p. 34.

195 без боя заняла высоту 140, которая лежала шестью километрами восточнее. Эта позиция, как мы помним из приказа, была первоначально предназначена для боевой группы Вальдмюллера, однако британцы оттеснили ее северо-восточнее, к местечку Мезьер, где группа попала в кольцо. Ночью Курт Мейер случайно узнал о захвате канадцами высоты 140. Ничего хорошего это не предвещало — теперь в центре главной линии обороны дивизии находился противник. Он немедленно организовал контратаку. Артиллерия и минометы начали обстреливать высоту. Свою лепту внесла и авиация союзников, которая по ошибке нанесла по своим же войскам бомбовый удар. Молниеносно Макс Вюнше отправил в контратаку 15 имевшихся в наличии танков «Пантера» и 13 «Тигров» из 102-го тяжелого танкового батальона СС. В ходе боя эсэсовцев поддержали прибывшие две велосипедные роты 85-й пехотной дивизии.

Упорные бои за высоту шли почти весь день 9 августа. В итоге высота была отбита, 47 вражеских танков (из 55!) остались дымиться на поле боя. Офицер для поручений штаба дивизии оберштурмфюрер СС Бернгард Майтцель, ветеран боев в Демянском котле, накануне во время разведывательного рейда на высоту попавший в плен, вернулся из него с поломанной рукой и 23 пленными канадцами[1] (в итоге Майтцель все же попал в плен под Фалезом). Всего потери союзников в людях составили 112 человек, из них 40 убитыми и 34 пленными[2]. В 22:30 остатки канадских сил на высоте вышли из боя и к 03:00 достигли линий польской бронетанковой дивизии.

---

[1] Рапорт Майтцеля приводится в *Meyer H.* The 12th SS. Vol. II, p. 36—37.

[2] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. II, p. 38. По другим данным — 125 человек.

Между тем другие части 4-й канадской бронетанковой дивизии так и не поняли, что произошла накладка, и упорно двигались к высоте 195, думая, что она в руках союзников. За эту ошибку они заплатили двумя десятками танков, которые были расстреляны немецкими орудиями у леса Квесни.

Что касается группы Вальдмюллера, то в окружении она пребывала недолго, вскоре прорвавшись к своим. Мейер направил Вальдмюллера к высоте 140, куда гренадеры прибыли лишь к вечеру, утомленные маршем. Тем не менее они окопались на позициях и приготовились к бою.

Всего, по немецким данным, дивизия СС «Гитлерюгенд» за 9 августа уничтожила 103 вражеских танка[1]. Канадский Алгонкинский пехотный полк, сражавшийся на высоте 140, потерял 9—10 августа 128 человек, из которых 45 убитых и столько же пленных (главным образом за 9 августа)[2].

К ночи на 10 августа на позициях к северу от Фалеза немцы имели в своем распоряжении всего 35 танков (15 Pz-IV, 5 «Пантер» и 15 «Тигров»)[3] и десятка полтора «Ягдпанцеров», в то время как во 2-м канадском корпусе, даже после всех потерь предыдущих дней, их имелось около 700 штук. Тем не менее немцы продемонстрировали мастерство обороны ограниченными средствами, перебрасывая танки и противотанковые орудия с одного угрожаемого участка на другой, оказывая упорное противодействие каждому усилию канадцев. В сложившихся условиях нерешительные действия союзных войск могут вызывать лишь недоумение — будь у канадцев толковый и смелый командир, немецкий фронт бы на этом

[1] *Yerger M.* Waffen-SS Commanders. Vol. 2, p. 111.

[2] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. II, p. 39.

[3] *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». С. 423.

участке давно бы уже рухнул. А так опасность британского прорыва была устранена.

10 августа нешуточные бои закипели за высоту 195 (три километра к западу от Потиньи), где танки и гренадеры боевой группы Эриха Ольбетера[1] (которая недавно вышла из подчинения II танкового корпуса СС и маршем прибыла в распоряжение Мейера) отчаянно сопротивлялись атакам канадских войск. Нужно сказать, что она значительно усилилась за счет бойцов 89-й пехотной дивизии. К вечеру канадцы едва не выбили эсэсовцев с высоты; в этих условиях Эрих Ольбетер лично поднял своих людей в отчаянную контратаку и выправил положение. Противник понес тяжелые потери и к рассвету оказался на местности, открытой для фланкового огня немецких танков из леса Квесни. В целом небольшие немецкие силы снова показали свое превосходство над бронированными армадами союзников.

После неудачной атаки на высоту 195 наступление союзников возобновилось лишь через несколько часов — это польские танкисты попытались форсировать Лезон у Конда и обойти боевую группу Краузе. Здесь музыка также играла недолго — передовые танки были остановлены единственным (!) немецким противотанковым орудием. Девять танков были сожжены, пока в неравном бою остальные не «заклевали» немецкую пушку. Храбрый расчет орудия погиб. После этого поляки решили сместить направление своего удара к северу. Как оказалось, зря, поскольку на этом участке больше не было

[1] В группу входили 2-я танковая рота гауптштурмфюрера СС Гельмута Гаеде из 12-го танкового полка СС, 9-я рота из 26-го полка СС оберлейтенанта Гобеля, рота разведчиков и 1-я батарея из 12-го артиллерийского полка СС гауптштурмфюрера СС Гилле.

войск, способных им помешать, в то время как на севере эти войска были. Более того, увидев, что происходит, Мейер приказал перебросить танки с высоты 195 на правый фланг дивизии, чтобы ударить по полякам с фланга. Танков было всего с полдюжины, но это были эсэсовские танки!

Впрочем, их вмешательство в бои 10 августа так и не понадобилось. На правом фланге 1-я рота из 12-го противотанкового батальона СС оберштурмфюрера СС Георга Хурдлебринка со своими 75-мм противотанковыми самоходками отбила попытку польской 1-й бронетанковой дивизии форсировать реку Лезон. Поляки потеряли 40 танков, из них 11 «Кромвелей» подбил лично Хурдлебринк вместе со своим наводчиком роттенфюрером СС Фрицем Экштейном, а еще семь — обершарфюрер СС Рудольф Рой. За кампанию в Нормандии все трое были награждены Рыцарскими крестами. Другой участник боя на высоте 195, гауптштурмфюрер СС Гельмут Гаеде, получил 25 августа 1944 года Германский крест в золоте. Таким было начало дня 11 августа.

В течение этого дня правое крыло дивизии СС «Гитлерюгенд» было заменено прибывшими частями 85-й пехотной дивизии. Во время смены боевой группы Вальдмюллера немецкую танковую группу в лесу у Квесни атаковала 8-я канадская пехотная бригада. I батальон 26-го полка СС[1] контратаковал в 02:40. К полудню положение было полностью восстановлено. Потеряв 165 человек (из которых 44 убитыми) канадцы так ничего достичь и не сумели.

---

[1] Говоря об этом эпизоде, Хуберт Мейер использовал слово «вероятно», то есть точно не известно, какая именно эсэсовская часть участвовала в контратаке, но с большой долей вероятности можно утверждать, что это I батальон 26-го полка СС.

Также около полудня 11 августа около 30 союзных танков продвинулись от Гранвиля на юго-восток. Союзные танки, как всегда, действовали нерешительно, а появившиеся на поле боя немецкие танки подбили 11 вражеских машин. Всего, по немецким данным, за два месяца сражения 12-й танковый полк СС уничтожил не менее чем 250 союзных танков[1]. Если это число и завышено, то ненамного, учитывая ход боевых действий в Нормандии и высокую выучку танкистов СС. Заслуги полка нашли свое отражение в награждении Макса Вюнше Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту, соответствующий приказ был отдан как раз 11 августа 1944 г.

В целом по итогам операции «Тоталайз» можно сказать лишь одно: союзники, имея подавляющее превосходство в авиации, артиллерии и танках, против горстки немецких солдат и бронетехники действовали настолько нерешительно, что вызывали законное недоумение у эсэсовских командиров. Две свежие танковые дивизии и пехотная бригада не смогли сломить сопротивление нескольких слабых боевых групп немцев.

В ночь на 12 августа дивизия СС «Гитлерюгенд» была сменена на позициях 85-й пехотной дивизией. Дивизию перевели в район на северо-восток от Фалеза, в качестве корпусного резерва. Здесь к ней присоединили остатки 101-го тяжелого танкового батальона СС, 102-й тяжелый танковый батальон СС (минус одна рота) и две самоходные ракетные батареи. В дивизии было 17 боеспособных танков Pz-IV, семь «Пантер», 11 «Тигров». Также было две роты «Ягдпанцеров», но количество бронетехники в них неизвестно[2].

[1] *Bender R., Taylor H.* Uniforms, organization and history of the Waffen SS. Vol. 3, p. 119.

[2] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. II, p. 49.

В боях с 8 по 12 августа дивизия понесла тяжелые потери. Убито было 103 человека (из них 4 офицера), 247 (из них 8 офицеров) ранено, 66 (из них 2 офицера) пропало без вести. В свете тяжелых потерь штаб 26-го полка СС был выведен с фронта и развернут в районе Лизье. На оберштурмбаннфюрера СС Вильгельма Монке была возложена задача обеспечивать восстановление всех частей дивизии, отходящих для отдыха. В итоге на 12 августа 1944 г. боевой состав дивизии СС «Гитлерюгенд» состоял из следующих частей:

Взвод при дивизионном штабе

Дивизионная рота сопровождения (один взвод)

12-й танковый полк СС (штаб, I батальон (семь боеготовых «Пантер»), II батальон (17 боеготовых Pz-IV))

I батальон 25-го полка СС (две роты)

I батальон 26-го полка СС (две роты)

III батальон 26-го полка СС (две роты на бронетранспортерах; всего гренадер во всех трех батальонах — около 300 человек)

12-й артиллерийский полк СС (без двух батарей легких полевых гаубиц из 2-го дивизиона, которые погибли от союзных бомбардировок; сюда же входил 12-й минометный дивизион СС)

12-й зенитный дивизион СС (одна батарея 88-мм зениток, одна батарея 37-мм самоходных орудий и одна рота 20-мм самоходных орудий (бывшая 14-я рота 26-го полка СС))

12-й противотанковый дивизион СС из двух рот «Ягдпанцеров IV», разведывательная группа Винеке из состава 12-го разведывательного батальона СС, радиовзвод и часть телефонной роты 12-го батальона связи СС.

При этом полный боевой состав дивизии был представлен всего лишь 500 военнослужащими[1].

Тем временем немецкие танковые дивизии все еще находились под Мортеном, пытаясь пробиться к Авраншу. Благодаря этому американцы получили шанс выйти во фланг войскам фон Клюге, после чего окружить и уничтожить немецкие силы. И они сполна использовали данную возможность: 10 августа 15-й американский корпус предпринял наступление в глубь фланга 7-й армии. Вырисовывались контуры большого котла для 19 немецких дивизий. Для его окончательного закрытия требовалось только быстрое продвижение англо-канадских частей к Фалезу. Для решения этой задачи 12—13 августа была начата операция «Трэктэбэл» — очередная крупная атака на Фалез. Немцы узнали об этой операции заранее, обнаружив ее план у убитого командира канадской разведывательной бронемашины. Они перегруппировали свои силы, точно зная, где, когда и чем канадцы будут наступать. Из корпусного резерва в бой был введен 102-й тяжелый танковый батальон СС, все исправные «Тигры» которого были сведены в его 2-й роте. 12 августа 9 «Тигров» отражали атаки 210 танков союзников, рвавшихся к Варберу. Во время этих боев унтерштурмфюрер СС Ганс Лориц уничтожил пять «Шерманов» и бронетранспортер, а всего за 12—14 августа батальон уничтожил 28 танков противника, при потере машин неоднократно отличавшихся в боях унтерштурмфюрера СС Ганса Лорица и унтершарфюрера СС Мюнстера. В конечном итоге операция «Трэктэбэл» остановилась.

---

[1] См. *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 300; *Meyer H.* The 12th SS. Vol II, p. 50.

13 августа в бой был введен перегруппированный разведывательный батальон, который до этого восстанавливался в районе Руле (55 километров к северу от Аржантана). Были высланы разведывательные патрули (как правило, три бронемашины), первым контакт с противником установил патруль Августа Цинфльмайстера. Добытые разведывательные данные были доставлены в штабы дивизии и корпуса. Они были неутешительны — дивизия оказалась под угрозой окружения. Поэтому к утру 14 августа[1] основные силы дивизии перебросили на новые позиции в район к северо-западу от Фалеза. Эсэсовцы заняли господствующую над местностью высоту 159 (три километра к северо-востоку от Фалеза) и создали ряд опорных пунктов. Мейер прекрасно понимал: речь идет о выживании немецкой армии в Нормандии — если войска Монтгомери соединятся с американцами, то котел захлопнется и немцы окажутся в ловушке. Командир дивизии не скрывал от своих солдат всю серьезность ситуации; личный состав дивизии с холодной решимостью начал готовиться к битве.

На 13 августа в дивизии оставалось всего лишь 12 танков разных типов, а также несколько «Ягдпанцеров-IV»[2].

В целом успехи английской и канадской армий на фоне их тотального превосходства в силах и средствах не впечатляют. За два дня (13 и 14 августа) они продвинулись всего на 5—8 километров. Даже 14 августа, когда сотни бомбардировщиков буквально срыли оборону 85-й пехотной дивизии, 1-я польская и 4-я канадская бронетанковые дивизии и 3-я канадская пехотная

[1] Интересно, что Курт Мейер отметил, что ночь с 13 на 14 августа была последней относительно спокойной ночью для солдат дивизии СС «Гитлерюгенд» в Нормандии.

[2] *Lefevre E.* Panzers in Normandy, p. 158.

дивизия не смогли достичь решающего успеха. Планирование боевых действий канадцами всегда ограничивалось тактикой войны на истощение. Об эффектном танковом прорыве ни канадцы, ни британцы почему-то даже не могли подумать, и это при том, что им противостояли слабые пехотные части 85-й и 272-й пехотных дивизий. Как только их передовые отряды наталкивались на организованное сопротивление, темп атаки сразу падал, а войска начинали растрачивать энергию на мелкие, мало что решающие разрозненные бои.

Лишь к вечеру 14 августа колонна танков 4-й канадской дивизии и пехотинцы 3-й пехотной дивизии вышли к тонкой линии немецкой обороны к северу от Фалеза. Здесь все прошло по уже известному сценарию — вражеская атака с ходу разбилась о горстку солдат дивизии СС «Гитлерюгенд». Пробиться канадцам так и не удалось.

Дальнейшее наступление было возобновлено 15 августа. Ослабленные непрерывными боями боевые группы дивизии СС «Гитлерюгенд» оказывали противнику упорное сопротивление.

На рассвете несколько десятков солдат разбитой 85-й пехотной дивизии, просочившись через блокпосты союзников, добрались до эсэсовских позиций на высоте 159 и добровольно присоединились к гренадерам Мейера. Всего в районе высоты сосредоточилось до 500 немецких солдат[1], с холодной решимостью готовых драться до конца.

Утром после артиллерийской подготовки канадцы снова пошли в наступление на высоту 159. Эсэсовцы встретили про-

[1] *Bender R., Taylor H.* Uniforms, organization and history of the Waffen SS. Vol. 3, p. 119.

тивника слаженным огнем танковых пушек и пулеметов. Немцам повезло, что в районе Фалеза солдаты III дивизиона 12-го артиллерийского полка СС обнаружили склад боеприпасов, поэтому-то немецкая артиллерия и не испытывала в них недостатка. Уже вскоре на поле боя загорелись первые вражеские танки, а канадские пехотинцы были прижаты к земле. Канадцы были явно смущены сильным немецким сопротивлением, их танки, несмотря на свое численное преимущество, опять действовали нерешительно и держали дистанцию, остановившись перед высотой 159.

Поняв, что здесь им не пробиться, союзники силами польской бронетанковой дивизии попытались атаковать у Жорта и Перрира, пытаясь с боем форсировать Див. У Жорта оборонялась разведывательная группа унтерштурмфюрера СС Альберта Винеке. Мейер бросил в контратаку немногие оставшиеся танки; как оказалось, этого было достаточно, чтобы уничтожить на корню все потуги канадцев.

В первой половине дня 15 августа все атаки союзников к северу от Фалеза были с успехом отбиты эсэсовцами. Известность получил бой боевой группы Краузе (I батальон 26-го полка СС и дивизионная эскортная рота, плюс 2 «Тигра» из 102-го тяжелого танкового батальона СС) у Солани. Они были атакованы канадскими пехотинцами, при поддержке 15 танков (включая и огнеметные). В этом безрезультатном для канадцев бою они потеряли 37 человек убитыми и 93 ранеными. Потери немцев составили четверо убитых, 18 раненых и 12 пропавших без вести[1]. Вечером Королевские стрелки Виннипега при поддержке 2-й бронетанковой бригады снова попытались

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. II, p. 64.

Офицеры дивизии Эрик Урбаниц, Карл-Хайнц Принц и Карл Бартлинг обсуждают план боевых действий

атаковать Солани. Канадцам удалось ворваться в деревню, однако резкой контратакой Краузе выбил их оттуда. В этом бою союзники потеряли 10 танков.

Как заметил Курт Мейер, канадцам было достаточно просто бросить свою бронетехнику в бой на полной скорости, и сопротивление дивизии было бы быстро сломлено. Но опять же, к удивлению немцев, этого не произошло. Вместо этого союзники обрушили на слабые остатки дивизии массированный артиллерийский огонь, под обстрелом погиб командир II танкового батальона штурмбаннфюрер СС Карл-Хайнц Принц. Кроме этого, несколько эсэсовских танков были подбиты истребителями-бомбардировщиками «Тайфун». В ходе боя командир дивизии Курт Мейер оказался один на нейтральной полосе, прямо перед атакующими канадскими танками — его

спас лично Макс Вюнше: с несколькими танками он связал канадцев боем, после чего сам, на автомобиле, под сильным огнем противника забрал Мейера с нейтральной полосы. Мейер получил легкое ранение в голову и отделался парой швов.

Однако в условиях тотального превосходства союзников неизбежное должно было случиться — высота 159 все-таки пала во второй половине дня. После этого немецкий фронт к северу от Фалеза рухнул. К вечеру 6-я канадская бригада вышла к Фалезу. Фалез удерживала боевая группа Бернгарда Краузе — остатки I батальона 26-го полка СС и дивизионная эскортная рота, всего около 200 человек. В качестве огневой поддержки Краузе имел два[1] «Тигра» 102-го тяжелого танкового батальона СС (прибыли к утру 16 августа[2]) и два 75-мм противотанковых орудия. Задание его было простым — держаться в Фалезе максимально возможное время.

К вечеру этого же дня, оторвавшись от противника, эсэсовцы отошли к Фалезу и городку Трен, расположенному в 20 километрах к юго-востоку от Фалеза (по едкому замечанию советского историка В.М. Кулиша, союзники стали продвигаться вперед только тогда, когда немецкие войска целенаправленно начали отходить[3]). Ночью была установлена новая линия фронта, которая шла через Дамбленвиль до Фалеза.

Бернгард Краузе в Фалезе весьма ответственно подошел к своему заданию оборонять город. Свои силы он разделил

---

[1] *Schneider W.* Tigers in Combat, p. 269.

[2] По другим данным, «Тигров» было три единицы, под командованием унтер-офицеров-эсэсовцев Вальтера Шройфа, Эрнста Глагова и Эрнста Штренга, причем все танки уцелели в этих боях. См. *Szlagor T.* Panzerna piesc, s. 44.

[3] См. *Кулиш В.М.* История Второго фронта. С. 433—436.

на мелкие группы вдоль городской стены. Два прибывших «Тигра» Краузе разместил на скрытой позиции у дороги на Фалез, прикрыв их мелкими группами гренадер. То же самое касалось и обоих противотанковых орудий.

Утром канадцы пошли на штурм Фалеза — для этих целей у них имелась 6-я пехотная бригада 2-й канадской пехотной дивизии, поддержанная двумя танковыми эскадронами и артиллерией. Для первой атаки они выделили два пехотных батальона и один танковый эскадрон (10 «Шерманов»). Танки вышли прямо на позицию эсэсовской противотанковой пушки, от меткого огня эсэсовцев канадцы потеряли пять танков и отошли. Однако на левом фланге канадским пехотинцам удалось сломить слабое сопротивление групп I батальона 26-го полка СС и ворваться в город. Вскоре и на правом фланге подразделения дивизионной эскортной роты были вынуждены оставить свои позиции под сильным давлением противника. Краузе понял, что нужно что-то срочно предпринимать, иначе Фалез будет потерян. «Папа»[1] Краузе лично повел в контратаку свой последний резерв — 20 гренадер. Удивительно, но эта отчаянная контратака имела успех — в рукопашном бою эсэсовцы буквально вынесли канадцев с улиц города и полностью восстановили положение. Тем не менее все понимали, что это было только временное облегчение.

Действительно, во второй половине дня канадцы снова пошли на штурм, ударив с востока. Теперь они при поддержке танков и артиллерии методично выдавливали эсэсовцев с их позиций. Вскоре гренадеры отступили, при этом некоторое

[1] Так его прозвали солдаты.

число эсэсовцев было отрезано от основных сил, и теперь они вели изолированные бои в городских кварталах, создавая спорадические очаги сопротивления. В упорных боях канадцы наконец взяли под контроль северо-восточную часть Фалеза. Шаг за шагом они очищали от немцев квартал за кварталом и к полуночи взяли под контроль восточную часть города. Эсэсовцы Краузе были оттеснены в район городского вокзала, где и закрепились. Немецкое сопротивление в основном свелось к действиям снайперов, что в условиях городского боя доставляло канадцам значительные трудности. В западной части Фалеза подразделения I батальона 26-го полка СС успешно сдерживали атаки противника, и только продвижение канадцев на востоке вынудило их отступить. В 2 часа ночи канадские пехотинцы достигли центра города, а в 3 утра 17 августа выбили немцев с вокзала и захватили перекресток у дороги на Трен. Бои в городе стихали, сопротивление оказывали лишь снайперы и отдельные мелкие группы гренадер, отрезанные от своих.

Своих оставшихся людей и «Тигры» (которые все уцелели в боях) Краузе отвел в местечко Месне-ла-Миз для перегруппировки. Часть гренадер, в основном из I батальона 26-го полка СС, так и не получили этот приказ и закрепились в домах на окраине Фалеза и в здании школы.

Фалезский котел

Развитие канадского наступления из Фалеза на Сен-Клер началось в 11:45 17 августа. Уже в самом начале одиночный немецкий гренадер, укрывшийся в руинах домов в Фалезе, из «панцерфауста» подбил бронетранспортер, а затем и

«Шерман»[1]. Около 50 гренадер из «Гитлерюгенд», с «панцерфаустами» и пулеметами, закрепившихся в здании школы Эколь-Сюперьер, оборонялись до последнего и сорвали вражескую атаку. Для уничтожения этих сил канадцам пришлось затратить кучу времени и ресурсов. Только четверым гренадерам СС удалось спастись, причем двое юношей, отобранные в результате жеребьевки, ночью выскользнули из города, чтобы доложить Мейеру обстановку. После взятия школы в боевом дневнике 6-й канадской пехотной бригады отметили: «Только четверым защитникам удалось скрыться[2]... Пленных взято не было. Лишь мертвые и обгорелые тела были найдены»[3]. В целом уличные бои в городе продолжались ориентировочно три дня, пока канадцы не вытеснили немцев оттуда (предположительно 17—18 августа, в разных источниках — разные даты).

Тем временем основные части дивизии СС «Гитлерюгенд» также без дела не сидели. Во второй половине дня 16 августа отчаянно обороняемая высота 159 пала. В это же время оберштурмфюрер СС Вальтер Хаук[4], командир дозора на бронемашинах, доложил об атаке 1-й польской танковой дивизии у Жорта, которую удалось отбить. 17 августа начались новые

---

[1] Так и не ясно, погиб этот неизвестный солдат или нет. Канадские источники об этом умалчивают, просто констатируя факт нападения. См. *Lucas J.* Battle Group!, p. 150.

[2] Известно имя одного из них – санитар роттенфюрер СС Пауль Хиншбергер.

[3] *Lucas J.* Battle Group!, p. 152.

[4] Хаук родился 4 июня 1918 г. До перевода в войска СС служил в полиции. В Нормандии был командиром 2-й роты 12-го разведывательного батальона СС. Войну закончил в звании гауптштурмфюрера СС. Умер 11 июня 2006 г.

атаки польских танкистов на Жорт. В боях 3-я рота 12-го зенитного дивизиона СС была практически уничтожена, а ее командир унтерштурмфюрер СС Роберт Хартвиг — тяжело ранен[1].

Здесь нужно констатировать, что совершенно потрепанные остатки двух немецких дивизий — 89-й пехотной и 12-й танковой СС «Гитлерюгенд», с каким-то десятком танков, сдерживали целую канадскую армию генерала Крерара в течение 13 суток, начиная с операции «Тоталайз» и до закрытия бреши фалезского котла у Шамбуа.

Только теперь командование группы армий «Б» осознало опасность, и крупные части немецкой армии стали выходить из намечавшегося котла. Отвод войск от Мортена начался несколько ранее. 16 августа фельдмаршал фон Клюге приказал 7-й армии начать выход из намечавшегося окружения. Однако господствующая в воздухе авиация союзников не позволяла войскам отходить днем. Например, 18 августа только английская тактическая авиация произвела 1471 самолето-вылет. Более-менее организованный вывод войск из намечавшегося «мешка» начался только с наступлением темноты.

Остатки дивизии удерживали оборону на рубеже Див — Неси, что в восьми километрах по дороге из Фалеза на Аржантан. Для союзников и для немцев время становилось решающим фактором. 17 августа американцы пошли в наступление на север, к Аржантану, а англо-канадские войска, стоявшие у Фалеза, ударили в южном направлении. Казалось, еще чуть-чуть, — и ловушка окончательно захлопнется. 18 августа

[1] В мемуарах Курта Мейера указано, что Хартвиг был ранен смертельно. Однако он еще почти три недели боролся за жизнь и умер 10 сентября 1944 г.

новый немецкий главнокомандующий на Западе фельдмаршал Вальтер Модель провел в Лизье совещание с Дитрихом, Эбербахом (командующий бывшей танковой группой «Запад») и Хауссером. На нем они выработали план отвода армий на новый рубеж, который бы проходил западнее Сены или по этой реке. Группе Эбербаха, подчиненной Хауссеру, была поставлена задача удерживать горловину «мешка» до тех пор, пока 7-я армия не выйдет из него. Отход предполагалось закончить к 20 августа. О принятом решении Модель сообщил Гитлеру.

Таким образом, часть дивизии СС «Гитлерюгенд» оказалась в фалезском котле. Нужно сказать, что не все части дивизии попали в окружение, поскольку дислоцировались за его потенциальными пределами. Это штаб 26-го полка СС (с частью II батальона полка и полковых частей), практически весь 25-й полк СС, разведывательный и саперный батальоны, «безлошадные» танковые экипажи, две батареи тяжелых полевых гаубиц, одна батарея 37-мм зениток, учебно-полевой батальон и части снабжения. Так что в котле оказались части 26-го полка СС, противотанковый батальон, части артиллерийского полка и зенитного дивизиона, батальон связи, отдельные части и подразделения дивизии.

Ночью на 19 августа эсэсовцы из «Гитлерюгенд» бросили последнюю передвижную радиостанцию и все другие машины второстепенной важности — для них уже не было топлива. В строю осталось лишь несколько легковых автомобилей, бронетранспортеры и тягачи. Перед самым рассветом командный пункт дивизии в Неси был захвачен противником. Этой же ночью боевая группа Вюнше, пытавшаяся выйти из котла через знаменитый «коридор смерти» у Сен-Ламберта, нарвалась на крупный отряд противника и была рассеяна. Большая часть

личного состава группы погибла или попала в плен; впрочем, некоторым ее подразделениям все же удалось спастись, как, например, 3-й роте 1-го разведывательного батальона СС оберштурмфюрера СС Эмиля Ваврзинека[1].

Положение, в котором оказались немецкие части в фалезском котле, трудно описать и тем более представить. Сосредоточенные в тесном пространстве войска были прекрасной мишенью для союзной авиации и артиллерии. Укрыться от огня противника было негде, этот район полностью простреливался и отлично просматривался. Все лесистые участки были завалены убитыми и ранеными солдатами (последним уже никто не оказывал помощь), трупами лошадей, а дороги были обозначены скорбным ковром из брошенной и разбитой техники и гор оставленного оружия и амуниции. То там, то тут взрывались боеприпасы — как склады, так и снаряды и патроны, просто брошенные частями при отходе, — внося еще большую сумятицу в царящий повсюду хаос. Паника и неразбериха охватили некогда мощную и сильную армию, ее остатки метались в закрытом пространстве, пытаясь найти

[1] Сам Вюнше при этом прорыве оказался менее удачлив. Вместе со своим адъютантом гауптштурмфюрером СС Георгом Исеке, унтерштурмфюрером СС Фрицем Фрайтагом и раненым врачом полка гауптштурмфюрером СС доктором Рудольфом Штиавой он предпринял еще одну попытку выйти из окружения. Пытаясь просочиться сквозь вражеские позиции, группа натолкнулась на вражескую заставу: Штиава был захвачен в плен, а Вюнше – ранен в икру ноги. 24 августа развернулись основные события. Сначала в плен попал Исеке, группка сократилась до двух человек. Затем Вюнше и Фрайтаг нашли брошенный немецкий автомобиль в рабочем состоянии. На нем они направились к местечку Сен-Ламберт, которое накануне захватили канадцы. Расположившись, в ожидании ночи, в тени деревьев под городком, они были захвачены канадским патрулем. Война для обоих была закончена.

путь к спасению. Командующие не знали, где их войска, а войска оказались брошенными на произвол судьбы. Вот пример неразберихи: в середине дня 19 августа Курт Мейер и командир LXXXIV корпуса генерал-лейтенант Отто Эльфельдт (дивизия СС «Гитлерюгенд» оставалась единственной частью в его подчинении) случайно наткнулись на командный пункт 7-й армии, разместившийся в саду к юго-западу от Трена. Штаб сохранял видимость активной работы — командующий армией оберстгруппенфюрер СС Хауссер отдавал приказы, рядом работали штабисты. Учитывая все вышесказанное, эта картина должна была выглядеть более чем гротескно. В целом не будет преувеличением сказать, что для вермахта во Франции дни в фалезском котле стали днями Страшного суда.

На последовавшем совещании, где также присутствовали командиры «Лейбштандарта» Теодор Виш и дивизии СС «Фрундсберг» Хайнц Хармель, Мейер получил приказ — остатки его дивизии должны были удерживать северо-западный край котла до полуночи 20 августа, а затем присоединиться к отходящим частям 3-й парашютно-десантной дивизии. Это было легче приказать, чем выполнить. Как вспоминал Курт Мейер, «командование дивизией во время прорыва было практически невозможным делом. Дороги были совершенно забиты, а средств связи больше не было».

Курт Мейер со своим штабом и группа штурмбаннфюрера СС Бернгарда Краузе вместе с частями «Лейбштандарта» и другими соединениями должны были прорываться из котла в районе Шамбуа. Общий план выхода из окружения разработал генерал парашютных войск Мейндль, командир II парашютного корпуса.

Остатки дивизии были разбиты на две группы. В первую, под командованием штурмбаннфюрера СС Оскара Дрекслера, командира артиллерийского полка, вошли все моторизованные части дивизии, она должна была прорываться вслед за «Лейбштандартом» у Шамбуа. Штаб дивизии, к которому присоединился генерал-лейтенант Эльфельдт, и остатки боевой группы Краузе должны были следовать за парашютистами. Мейер разбил свою группу на несколько еще более мелких групп, чтобы в случае чего они могли действовать по обстоятельствам. Орудия, для которых не хватало тягачей, были взорваны, а все лишнее — уничтожено.

Говоря о выходе из фалезского котла, нужно помнить, что из-за создавшейся в окружении неразберихи многие части дивизий СС и вермахта оказались отрезанными от своих штабов и оказались в составе различных боевых групп. Группами и поодиночке, с оружием и без него, немецкие солдаты выходили из котла. Причем эсэсовцы, как самые организованные и энергичные бойцы, часто вели вперед колонны прорывающихся немцев. Уцелевшие танки эсэсовских дивизий шли на острие атакующих групп.

Курт Мейер со своим штабом и группа штурмбаннфюрера СС Бернгарда Краузе вместе с частями «Лейбштандарта» и другими соединениями должны были прорываться из котла в районе Шамбуа. Сразу вырваться удалось лишь части войск, во время переправы через Див ударные клинья группы Мейндля потеряли связь. Группе Мейера удалось форсировать Див между Шамбуа и Треном, но дальше продвинуться не получилось из-за шквального огня артиллерии противника и общей неразберихи. В ходе марша к группе прибилось множество солдат вермахта, отставших от своих частей. Чтобы избавить свои

ряды от сомнительных личностей, Мейер приказал принимать в состав группы лишь тех военнослужащих вермахта, которые сохранили свое оружие[1]. Учитывая царившую повсюду атмосферу паники, такое требование помогло дисциплинировать солдат и поднять их боевой дух. В итоге под началом Мейера оказалось около 200 человек — эсэсовцы, парашютисты, армейцы. Чтобы облегчить управление, Мейер разделил своих людей на две группы — одну он возглавил лично, а вторую поручил «Фалезскому льву» Бернгарду Краузе.

Новая попытка прорыва осуществлялась в районе между Треном и Шамбуа. Положение облегчалось тем, что Мейер прекрасно знал окружающую местность, — по иронии судьбы, именно здесь дислоцировался его полк еще до вторжения. Эсэсовцы нашли слабое место во вражеских линиях и атаковали позиции канадцев. П. Карель оставил интересное описание этой атаки: «Солдаты молча, почти бесшумно выскакивают из кустов. Канадцы в страхе разбегаются. Рядом с Мейером, с автоматом, "казак" Михаил из Днепропетровска, он сопровождал Мейера всю войну. Хуберт Мейер, начальник штаба дивизии, бежит рядом с винтовкой. За ним оберштурмфюрер Келльн[2] со старой сумкой, которую он наполнил ручными гранатами». Их группа сумела прорвается, однако с другими группами связь была утеряна, каждая из них теперь должна была выбираться самостоятельно. Группа Курта Мейера состояла из штурмбанн-

[1] Как оказалось, подобное требование выдвигали и другие командиры боевых групп СС, пробивавшиеся из фалезского котла, например, Хайнц Хармель, командир 10-й танковой дивизии СС «Фрундсберг».

[2] Оберштурмфюрер СС Хайнц Келльн был офицером для поручений штаба дивизии. Ему удалось благополучно вырваться из фалезского котла; он погиб в бою 6 сентября 1944 г.

фюреров СС Краузе и Хуберта Мейера, унтерштурмфюрера СС Кельна, ординарца Курта Мейера казака Михаила, нескольких унтер-офицеров и солдат. Далее француз-проводник вывел группу Мейера к немецким позициям. Как иронично отметил Макс Хастингс, «нетрудно представить себе картину того, как он (Мейер. — *Р.П.*) уговорил этого француза быть ему проводником»[1]. К югу от Вимутье эсэсовцы наткнулись на боевое охранение 2-го разведывательного батальона СС «Дас Райх». Группу провели в Ле-Меснил-Хуберт на командный пункт полка СС «Дойчланд», где командир полка Гюнтер Вислицени проинформировал Курта Мейера и его начальника штаба о ситуации. В целом же моторизованные части дивизии СС «Гитлерюгенд» выскользнули из котла во второй половине дня 20 августа, их вывел Оскар Дрекслер, при этом артиллеристы потеряли несколько своих тяжелых орудий; другие подразделения сделали это на следующий день.

Как бы то ни было, но благодаря отчаянному сопротивлению немецких войск, главным образом частей СС, союзникам только к 19 августа удалось частично блокировать котел. Главную роль в удержании прохода сыграли части дивизии СС «Гитлерюгенд». Им помогли ожесточенные атаки 2-й танковой дивизии СС «Дас Райх», которая пробивалась на восток, а пробившись, немедленно развернулась и перешла в контрнаступление в попытке удержать коридор. Противник понес такие большие потери, что не смог закрыть кольцо и на следующий день, 20 августа. Все это позволило некоторое время удерживать открытой дорогу для 7-й армии в районе между Сен-Ламбертом и Шамбуа. Окружение окончательно

[1] *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». С. 435.

захлопнулось только во второй половине дня 21 августа, когда танки канадской 4-й бронетанковой дивизии соединились с поляками у Кудеара, а канадские 3-я и 4-я дивизии заняли Сен-Ламберт и северный проход к Шамбуа.

Во второй половине дня 20 августа Курт Мейер с остатками своей дивизии явился на командный пункт I танкового корпуса СС, где его встретили как воскресшего из мертвых.

Тем временем 20 августа части II танкового корпуса СС сделали попытку деблокировать котел силами дивизий СС «Дас Райх» и «Гогенштауфен». Навстречу им ударили остатки 3-й парашютной дивизии и боевая группа Эриха Ольбетера. Совместными усилиями им удалось пробить и удержать коридор у дороги Шамбуа — Вимутье, по которому они смогли выскользнуть из котла.

С 15 по 22 августа дивизия СС «Гитлерюгенд» потеряла убитыми трех офицеров, девять унтер-офицеров и 33 солдата. Ранено было пять офицеров, 35 унтер-офицеров и 208 солдат. Без вести пропало 12 офицеров, 51 унтер-офицер и 592 солдата. Из этого числа непосредственно в фалезском котле с 19 по 22 августа погибли один офицер, пять унтер-офицеров, 18 солдат, ранены — три офицера, 20 унтер-офицеров, 105 солдат, пропали без вести — 11 офицеров, 43 унтер-офицера и 477 солдат[1]. При прорыве из фалезского котла погиб штурмбаннфюрер СС Эрих Пандель, заслуженный командир 12-го батальона связи СС. Его тело было подобрано англичанами 20 августа. Он был похоронен на военном кладбище в районе Аубри — Эксм.

Общие потери дивизии на 22 августа 1944 г. составили почти 8000 человек (из них 104 офицера, убывших безвозврат-

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 116.

но). Таким образом, исходя из расчета численности дивизии к началу сражения — 20 540 человек, получаем численность дивизии на 22 августа не менее 12 500 человек. Из этого числа почти 2500 человек составляли военнослужащие частей снабжения и поддержки[1].

Тем удивительней видеть, что 21 августа группа армий «Б» доложила о состоянии своих уцелевших частей. Из этого доклада следует, что дивизия СС «Гитлерюгенд» состояла из 300 человек, 10 танков, никакой артиллерии[2]. Ясно, что здесь имеются в виду лишь те части, которые Курт Мейер сразу собрал вокруг себя после прорыва из котла.

Те части дивизии, которые избежали фалезского котла, были втянуты в бои с союзниками на реке Сена, за которой немцы пытались создать новую линию фронта. Главным образом это касается боевой группы Вильгельма Монке[3], состоящей из частей 26-го полка СС, которые пополнялись в районе Дро. К северу от Дро дислоцировался 12-й саперный батальон СС, а в Эльбефе была развернута тыловая станция 12-го танкового полка СС — безлошадные экипажи и ремонт-

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 117.

[2] *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». С. 442.

[3] 20 августа 1944 г. Монке был назначен командиром дивизии СС «Лейбштандарт», на смену тяжелораненому Теодору Вишу. Однако из-за сложной ситуации на фронте он не смог вовремя приступить к обязанностям командира дивизии и некоторое время командовал своей боевой группой, формально числясь в другой дивизии. В «Лейбштандарт» он прибыл лишь 31 августа 1944 г. В период его отсутствия обязанности командира дивизии исполнял оберштурмбаннфюрер СС Франц Штайнек, командир 101-го артиллерийского дивизиона СС (корпусная часть I танкового корпуса СС) и одновременно I дивизиона 1-го артиллерийского полка СС. С 1 сентября 1944 года – командир 1-го артиллерийского полка СС.

ные и снабженческие подразделения, — которой командовал недавно вернувшийся из госпиталя Ганс Зигель.

Одной из самых укомплектованных, по крайней мере на бумаге, частей дивизии был 12-й учебно-полевой батальон СС под командованием гауптштурмфюрера СС Георга Урабла. Служивший в батальоне оберштурмфюрер СС Харро Люббе вспоминал: «Я должен был занять должность адъютанта учебно-полевого батальона. Однако гауптштурмфюрер СС Урабл нуждался в ротных командирах и поэтому решил использовать меня на этом посту. Пополнение, которое я тренировал, было частично переведено из люфтваффе, в частности мой старший унтер-офицер и инструктора. После того как часть батальона была направлена на пополнение частей дивизии, воюющих под Каном, в начале августа прибыло новое пополнение. В большинстве своем это были люди старших возрастов. Из них — почти 10 офицеров из Альгемайне СС, среди которых — штурмбаннфюреры и оберштурмбаннфюреры, добровольцами пошедшие на военную службу и переведенные в мою роту... Естественно, их звание в Альгемайне СС не играло никакой роли на военной службе. Основное внимание при подготовке я уделял борьбе с танками и использованию панцерфаустов»[1].

14 августа батальон оставил место дислокации Шатене и начал форсированный марш к фронту. Поскольку автотранспорта не хватало, то эсэсовцам пришлось реквизировать крестьянские телеги. По пути Урабл включал в состав батальона группы отставших солдат вермахта, некоторые из них дезертировали при первой возможности, но часть осталась при батальоне (после

[1] *Meyer H.* The 12th SS, p. 123.

форсирования Сены они вернулись в свои изначальные подразделения). Батальон не успел прибыть к дивизии, избежал котла под Фалезом и был включен в состав боевой группы Монке (вместе с тыловой станцией танкового полка).

Группа Монке вступила в бой с американцами уже 20 августа 1944 г. С переменным успехом эсэсовцам удавалось удерживать свои позиции, 21 августа эсэсовцы уничтожили три противотанковых орудия. Однако 22 августа американцы решительно взялись за дело — фронт боевой группы был атакован 90 танками при массированной артиллерийской и авиационной поддержке. Эсэсовцы оказали отчаянное сопротивление, было подбито 26 танков (в основном — «Шерманы») и 10 бронетранспортеров. Несмотря на это, фронт боевой группы был прорван сразу в трех местах и Монке был вынужден отойти на новые позиции.

Утром 23 августа к группе Монке присоединились ослабленные II батальон 26-го полка СС Бернгарда Зибкена и I батальон 25-го полка СС Ганса Вальдмюллера. Эти силы были кинуты на прикрытие открытого правого фланга группы у Амфревиля. Однако долго сдержать рвущихся вперед американцев не удавалось — 40—50 танков прорвались в южном направлении через Кватремей. Впоследствии Монке собрал вокруг себя множество отдельных частей и подразделений как из СС, так и из вермахта, и с боями отступал к Сене. В ночь с 24 на 25 августа группа Монке последней из всех частей дивизии СС «Гитлерюгенд» переправилась через Сену.

В целом упорные бои немецких войск на Сене предотвратили образование нового котла к западу от Сены. Одной из отличившихся частей был 12-й разведывательный батальон СС Герда Бремера с несколькими отдельными подразделе-

Командир 26-го полка СС штандартенфюрер СС Вильгельм Монке и офицеры штаба

ниями дивизии СС «Гитлерюгенд», ранее, еще до котла в Фалезе, снятыми с фронта, который действовал в этом районе совершенно самостоятельно, в отрыве от дивизии. С 21 августа Бремер вел сдерживающие бои с американцами, которые двигались к Сене в районе Манта. В немецких документах отмечалось, что именно Бремер и его люди сыграли важную роль в успешном форсировании Сены немецкими войсками. Смелые действия разведчиков Бремера помогали вовремя выявлять намерения противника. Так, еще 13 августа Бремер по собственной инициативе предпринял разведывательный рейд в направлении Дро — Хоудан — Мант, где он обнаружил большую группу бронетехники союзников, прорывающуюся на север; в итоге командование вермахта могло быстро реагировать на действия врага. Кроме этого, эсэсовцы вели успешные сдерживающие бои, постоянно поддерживая огневой контакт с врагом и не давая ему покоя[1]. За бои на Сене Герд Бремер был

[1] *Krag E.-A.* An der Spitze, p. 224—225; *Meyer H.* The 12th SS, p. 134.

награжден Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту (приказ от 26 ноября 1944 г.).

К утру 26 августа основная часть дивизии находилась за Сеной в секторе Амфревиль-су-ле-Монт-Мюд, в то время как другие части продвинулись к западу от Бомона. Штаб 5-й танковой армии приказал дивизии передислоцироваться в район Лаона. Ответственность за ее пополнение была возложена на генерала танковых войск Штумпфа, инспектора танковых войск армии резерва.

Только боевая группа Монке оставалась на фронте, под прямым руководством штаба 5-й танковой армии. С 26 по 29 августа она оборонялась в районе к западу от Горне (почти 40 километров к западу от Бове). Они сдерживали натиск противника до 29 августа, когда во второй половине дня группа Монке наконец вышла из боя и прибыла в состав дивизии. Штаб и I батальон 26-го полка СС были сразу же направлены в Кайзерслаутерн, на восстановление и переформирование. Монке отправился принимать под свое начало «Лейбштандарт», а новым командиром 26-го полка СС стал штурмбаннфюрер СС Бернгард Краузе. Учитывая вышесказанное, фактически под его началом оставался лишь III батальон полка.

Большая часть дивизии СС «Гитлерюгенд» собралась в районе Бове, где провела два дня, а отдельные отставшие солдаты прибывали каждый день в течение конца августа и начала сентября. Некоторые из них остались в Нормандии, и им самим пришлось пробираться через занятую врагом территорию. Так, между 24 и 27 августа к дивизии присоединились 17 человек из состава дивизионной роты сопровождения. 28 августа фельдмаршал Модель приказал сформировать боевые группы из частей 1-й, 2-й и 12-й дивизий СС. К бою они должны были

быть готовы уже 29 августа. Исходя из этого приказа, Курт Мейер сформировал две боевые группы, на базе I батальона 25-го полка СС и III батальона 26-го полка СС. В это время дивизию (ее штаб находился в Ирсоне) посетил генерал танковых войск Штумпф, получивший всю информацию о состоянии дивизии и сообщивший Мейеру о его награждении Мечами к Рыцарскому кресту.

Как вспоминал Курт Мейер, маршевая колонна дивизии выглядела убого, каждая машина вела на буксире несколько других. К бельгийской границе дивизия подошла, имея всего около 3500 человек личного состава. Потери составили до 80 % личного состава[1]. Здесь она сразу же начала пополнять и переоснащать свои поредевшие части. Планировалось, что военная техника поступит из Вердена и Меца. Дивизия потеряла более 80 % своих танков, 70 % бронемашин и бронетранспортеров, 60 % орудий и половину автомашин. Всем было ясно, что быстро восполнить такие гигантские потери невозможно, однако выбора у немецкого командования не было — дивизия должна была восстановить боеспособность в течение нескольких дней. Для начала Мейер затребовал у начальства 800 гренадер, 200 солдат для разведывательных подразделений, по 37 Pz-IV и «Пантер» и 22 «Ягдпанцера-IV».

В эти дни отличившиеся в боях солдаты дивизии получили заслуженные награды. 19 августа Германским крестом в золоте были отмечены гауптшарфюрер СС Зепп Маль, штандартенобербюнкер СС Мюльхаус, гауптштурмфюреры СС Людвиг Рукдешель (командир 6-й роты 12-го танкового полка СС, в бою потерял руку; в мирной жизни был депутатом рейхстага

[1] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 314.

Штурмбаннфюрер СС доктор Эрих Гаттернигг

и заместителем нацистского гауляйтера Байройта) и Карл-Хайнц Шротт, штурмбаннфюрер СС, доктор медицины Эрих Гаттернигг (штаб 25-го гренадерского полка СС). Через три дня, 25 августа, такую же награду получили штандартенобербюнкер СС Ульрих Ахренс (посмертно, командир взвода 2-й роты 12-го танкового полка СС, погиб в бою 14 августа), гауптшарфюрер СС Хайнц Леманн и Рудольф фон Риббентроп, о котором уже писалось выше.

30 августа американцы снова прорвали слабенький немецкий фронт и начали активно продвигаться на Ирзон, с целью выйти в район к востоку от реки Маас. Немецкое командование немедленно приказало бросить в бой боевые группы дивизий СС «Лейбштандарт» и «Гитлерюгенд», подчинив их II танковому корпусу СС. Наступающий на Лаон противник встретил ожесточенное сопротивление I батальона 25-го полка СС и был вынужден повернуть на восток. Одновременно III батальон 26-го полка СС подчинил себе роту из 22-го авиационного полка, охраняющую аэродром в районе Розе, на котором стояли несколько реактивных истребителей-бомбардировщиков Ме-262[1]. Вскоре самолеты перелетели на

[1] По-видимому, это были самолеты из айнзатцкоманды «Шенк».

другую базу, и командир батальона Эрих Ольбетер поставил роту прикрывать селение Брюнехамель. Ефрейтор Ярчик первым обнаружил продвижение американских танков к Брюнехамелю. Немцы имели здесь два «Тигра» и несколько 88-мм орудий — этого оказалось достаточно, чтобы остановить продвижение противника.

В дальнейшем американцам удалось продвинуться на север, и боевые группы дивизии СС «Гитлерюгенд» были переброшены из района Ирзона с приказом ликвидировать новый кризис, в район к югу от Самбре. Так что уже в ночь с 1 на 2 сентября оперативная группа дивизии (I и II батальоны 25-го полка СС и разведывательная рота[1]) была брошена против американцев у реки Тон, где действовала вместе с подразделениями 116-й танковой дивизии. Эсэсовцы удерживали оборонительную позицию у городка Бомон, откуда были позже оттеснены к Флорену.

Одновременно III батальон 26-го полка СС получил приказ направляться на переформирование в Кайзерслаутерн, вслед за штабом полка и I батальоном. Батальон, все еще действовавший вместе с ротой из 22-го авиационного полка, выдвинулся в путь. В ходе марша на мину, установленную партизанами, наехал командир батальона Эрих Ольбетер, ему оторвало обе ноги, и вскоре он умер в госпитале в Шарлевиле[2].

---

[1] Под разведывательной ротой следует понимать дивизионную роту сопровождения, которая была укомплектована «Швиммвагенами» и реорганизована в разведывательную роту, состоящую из трех разведывательных взводов и тяжелого пулеметного взвода.

[2] Это произошло 2 сентября. Место его захоронения неизвестно до сих пор, есть предположение, что он похоронен в безымянной могиле на немецком военном кладбище в Ломмеле (здесь похоронены около

Дивизия с боями отходила все дальше на восток. 2 сентября оперативный штаб дивизии пересек франко-бельгийскую границу возле Херстуда. При отходе «Гитлерюгенд» подвергалась атакам как союзных войск, так и бельгийских партизан, которые заметно активизировали свои действия. Например, 2 сентября партизанами был убит командир II батальона 25-го полка СС Карл-Хайнц Шротт. 8 сентября в засаду, устроенную бельгийскими партизанами, попал Ганс Вальдмюллер. Раненого, его утопили в заполненном водой рву (вместе с ним погиб и его водитель). Тело отважного Вальдмюллера было изуродовано и брошено, немцы похоронили его на военном кладбище в Дюрене. Кроме этого, уже упоминавшийся оберштурмфюрер СС Вальтер Хаук также наехал на фугас, установленный партизанами, и получил серьезные ожоги.

К началу осени из всех частей войск СС только дивизия СС «Гитлерюгенд» еще вела бои, пытаясь остановить продвижение американцев между Амьеном и бельгийской границей и удержать фронт на Маасе. Сведенные в боевую группу остатки дивизии были приданы I танковому корпусу СС. Теперь уже не наблюдалось стандартной организации подразделений — все, что было под рукой, объединялось на месте под началом старшего офицера, громко именовалось «боевой группой» и бросалось на угрожаемый участок. Вот типичный пример — боевая группа «Милиус», созданная 3—4 сентября. Карлу-Хайнцу Милиусу (командир 25-го танково-гренадерского полка СС) подчинили три слабых пехотных батальона (по 150—200 человек в каждом) и два саперных взвода (не имев-

38 000 немецких солдат, павших в годы Первой и Второй мировых войн).

ших взрывчатки). В качестве огневой поддержки Милиус получил одну самоходную гаубицу «Веспе», три легкие и две тяжелые полевые гаубицы и двести снарядов к ним, десять реактивных установок (имели всего 251 выстрел), одно 75-мм противотанковое орудие и 88-мм зенитку[1]. Часто в состав таких боевых групп входили и имевшиеся под рукой армейские части, отдельные военнослужащие вооруженных сил включались в состав эсэсовских подразделений[2].

Части дивизии переправились через Маас у Ивуара 4 сентября. Эсэсовцы взяли под контроль район Годин — У. Батарея 88-мм орудий была развернута на пересечении дорог северо-западнее Спонтена в качестве наземной поддержки. Боевой состав «Гитлерюгенд» был представлен примерно 600 гренадерами. Основу дивизии составляла боевая группа Милиуса. Дивизия не имела танковой поддержки — все танки находились на ремонте в Льеже. Катастрофически не хватало боеприпасов, особенно для артиллерии.

После отвода частей дивизии американцы попытались на плечах у эсэсовцев форсировать Маас у Година, У и Ивуара. В районе У американцам удалось создать плацдарм, закрепившись в лесистой местности, однако в других местах их попытки были отбиты гренадерами. Милиус сразу же предпринял ряд контратак против американского плацдарма в У. В 15:00 5 сентября он приказал атаковать дивизионной роте сопровождения, при этом эсэсовцы не имели никакого пред-

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 148.

[2] Известен случай, когда в 1-й роте 25-го гренадерского полка СС служил оберлейтенант вермахта Ганс-Йоахим Фухс, за отвагу в составе эсэсовской части награжденный 4 сентября Германским крестом в золоте.

ставления о силе противника. Удивительно, но гренадерам удалось потеснить американцев; правда, полностью очистить плацдарм не удалось.

В ночь на 6 сентября американцы форсировали Маас у Намюра, продвинувшись в глубь немецкой обороны 50—60 танками. Немецкие войска в этом районе ударились в паническое бегство, даже не предупредив соседние части. Тем большее удивление вызвало в штабе Мейера сообщение, что патруль 12-го разведывательного батальона СС около 11 утра наткнулся на авангард американцев на дороге Намюр — Сине.

После американского прорыва у Намюра удержание «Гитлерюгенд» ее позиций на Маасе потеряло всякий смысл. Тем не менее группа Милиуса была брошена в бои в районе Хоу, чтобы блокировать американский плацдарм. Еще в 04:00 Милиус бросил в бой дивизионную роту сопровождения Фрица Гунтрума. Последняя атаковала в 07:22, тремя взводами, против численно превосходящего противника (американцев было около 800 человек). Бой шел до 11:30, обе стороны понесли тяжелые потери. В 13:00 Милиус получил приказ оторваться от противника и создать новую блокирующую линию в 3,5 километрах к северо-востоку от Хоу.

После прорыва американцев дивизия должна была избежать окружения. Мейер приказал своим частям отходить за реку Урт, а сам во главе своего штаба двинулся в сторону Дюрналя. Эсэсовцы не знали, что Дюрналь уже был захвачен американцами. На въезде в город штабная колонна была рассеяна танками. Сам Курт Мейер был захвачен в плен бельгийскими партизанами. После этого боевую группу дивизии возглавил ее начальник оперативного отдела, оберштурмбаннфюрер СС Хуберт Мейер.

Еще 5 сентября командование 5-й танковой армии предложило вывести всю дивизию СС «Гитлерюгенд» с фронта, на переформирование, однако фронтовая обстановка никак не позволяла этого сделать. Впрочем, 8 сентября с фронта начали выводить небоевые части дивизии. Штаб дивизии под руководством Хуберта Мейера уже 11 сентября был выведен с фронта и переброшен в Плеттенберг, для руководства пополнением дивизии.

11—12 сентября боевая группа «Милиус» вошла в подчинение дивизии СС «Дас Райх», в составе которой провоевала до первой декады октября[1]. О точном ее составе данных очень мало, — известно, что в группу входил II батальон 26-го полка СС Бернгарда Зибкена и смешанный артиллерийский дивизион штурмбаннфюрера СС Нойманна. Эта группа оставалась на фронте, на Западном Валу, до конца октября. В это время Милиусу были подчинены два дополнительных батальона — один фольксштурма, а другой — люфтваффе. Оба они имели крайне ограниченную боеспособность, но выбирать немцам было не из чего. В середине осени группа Милиуса присоединилась к основной части дивизии.

Результаты кампании в Нормандии

Войска СС в ходе сражения в Нормандии проявили высокий боевой дух и готовность сражаться до конца в любых ситуациях. Наиболее ярким примером этого является история дивизии СС «Гитлерюгенд», которую многие историки и мемуаристы (причем с обеих сторон), и не без оснований,

[1] *Weidinger O.* Division Das Reich. Band. 5. S. 327, 342.

считают сильнейшей немецкой боевой единицей в Нормандской кампании. В начале сражения дивизия потеряла своего командира — Фрица Витта, однако получила ему достойную замену в лице Курта Мейера, способности которого признавали как немецкие генералы (например, Эбербах), так и враги (что, впрочем, не мешало им потом критиковать Мейера из-за его нацистских взглядов). Компетентное руководство, неплохая выучка и высокий боевой и моральный дух дивизии позволили ей достичь впечатляющих результатов.

Участвуя в боевых действиях от самого первого дня и до конца, не обращая внимания на усталость, тяжелые потери и отсутствие подкреплений, дивизия оставалась едва ли не самым сложным противником для союзников. Благодаря ее успешным действиям чуть ли не до последнего дня удерживался свободным коридор в фалезском котле. Лучше всех солдат дивизии СС «Гитлерюгенд» охарактеризовал Хуберт Мейер: «Эти юноши еще не научились жить, но они действительно умеют умирать!»[1] И это действительно было так.

Нужно отметить, что дивизия СС «Гитлерюгенд» (так же как и другие части войск СС) была введена в бой не единым целым, а по частям. Это объясняется нерасторопностью и неразберихой в немецких штабах, застигнутых союзниками врасплох. Такой порядок ввода дивизии в бой способствовал, в лучшем случае, только временному облегчению ситуации,

[1] Авторство этой фразы приписывают многим эсэсовским офицерам. Мы же цитируем ее по работе: *Поморин Ю., Юнге Р.* Неонацисты в ФРГ. С. 172. Интересно, что в 1974 г. Хуберт Мейер, по приглашению английских военных, читал лекции для слушателей офицерской академии на местах боев в Нормандии.

исправить положение он никак не мог и в итоге приводил к быстрому обескровливанию частей.

Дивизии СС «Гитлерюгенд» противостояли отборные войска союзников: отборные, укомплектованные добровольцами канадские дивизии, элитарная 7-я бронетанковая дивизия британцев и многие другие соединения. Причем союзники всегда превосходили эсэсовцев по численности и оснащенности войск, а к концу кампании их превосходство во всем стало еще более подавляющим, особенно на фоне отсутствия подкреплений у немцев и невозможности для последних предоставить достаточный отдых своим соединениям. Но все это так и не позволило союзникам нанести 12-й дивизии СС решительного поражения.

В чем же причина того, что дивизия так долго и так успешно противостояла союзным армадам? Историки дают разные ответы на этот вопрос. Многие склонны объяснять это лучшей индивидуальной подготовкой солдат СС. Действительно, как отмечают многие авторы, в ходе всей войны немецкий солдат постоянно превосходил солдата союзников. Частично это являлось заслугой их подготовки: немецкие солдаты должны были проявлять инициативу, и любой из них был готов исполнять обязанность командира на три звания выше, чем имел сам. Если погибал офицер — командир подразделения, его обязанности брал на себя унтер-офицер. Для сравнения, случись то же самое в британских частях, естественной реакцией было бы отступление на оборонительные позиции и ожидание приказов.

Следует подчеркнуть и особый эсэсовский стиль командования войсками на поле боя. В разгар сражения офицеры СС старались руководить солдатами собственным примером.

Многие авторы считают, что именно это товарищество было одним из основных факторов необычайной эффективности войск СС на поле боя. Солдаты уважительно и доверительно относились к офицерам и повиновались им без вопросов, уверенные, что никакой офицер не прикажет, чтобы они сделали что-нибудь, к чему они не были подготовлены, и чего бы он не сделал сам. Показательным примером этого является характеристика, данная командиром дивизии СС «Гитлерюгенд» Куртом Мейером командиру 1 батальона 26-го гренадерского полка СС Бернгарду Краузе, — он «был главным гренадером своего батальона».

Удивляет, что современный немецкий автор Г. Кнопп утверждает, что дивизия была типичным примером «плохого, кое-как, впопыхах проведенного обучения рекрутов для войск СС на четвертом году войны. 17—18-летние солдаты этой дивизии не имели никакого боевого опыта»[1]. Однако такая оценка не является типичной, наоборот — дивизию СС «Гитлерюгенд» часто ставят в пример как образец возможности за короткий срок создать боеспособное соединение. Дальше всех в этом плане пошел М. Хастингс, который впервые обратил внимание на то, что отсутствие боевого опыта у необстрелянных американских, английских и канадских дивизий следует сравнить с действиями дивизии СС «Гитлерюгенд», которая до 7 июня 1944 г. также никогда не участвовала в боях.

Важно отметить, что весьма распространенная точка зрения утверждает, что боевые качества солдат союзников не шли ни в какое сравнение с боевыми качествами немецких солдат. Бесспорно, в этом есть зерно истины, хотя автор далек от

[1] *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 221.

Группа эсэсовцев, захваченных в плен союзниками в Нормандии

недооценки солдат союзных армий. Британцы, американцы, канадцы, поляки и другие храбро сражались, чему есть много подтверждений, и было бы глупо отрицать это. Другое дело, что организация управления войсками и взаимодействие между ними были у союзников на довольно низком уровне. Так, Фриц Кремер вспоминал: «То, что противник время от времени делал передышку между своими атаками, говорило о его больших потерях. Многие их атаки удавались бы лучше, если бы лучше координировались действия пехоты, артиллерии и авиации. Например, мы наблюдали, что грандиозные артиллерийские подготовки противника начинались на рассвете и продолжались несколько часов. Естественно, мы считали это подготовкой к атаке. Иногда ее не было, или она проводилась

много позже с меньшими приготовлениями. Мы убедились также, что атаки с воздуха не совпадали с артиллерийской подготовкой или с последующими атаками». Нелестно отзывались о союзном руководстве и другие участники событий. В своих воспоминаниях Курт Мейер безжалостно критиковал канадское командование, называя его нерешительным и безынициативным, не без оснований отмечая, что решительный командир при наличии таких сил и средств добился бы победы гораздо быстрее и с меньшими потерями.

В принципе все вместе эти моменты вполне объективны и убедительны. Но сюда, по нашему мнению, следует добавить еще и высокий моральный дух солдат СС (да и вермахта тоже), благодаря которому они и смогли так долго выстоять в боях. Хорошо известно, что без идеи любой солдат, даже самый искусный, как бы хорошо он ни был вооружен, не сможет месяцами сражаться против многократно превосходящего противника. Каковы бы ни были их идеалы и общепринятое отношение к ним, но приходится признать, что немецкие солдаты в них верили и яростно за них сражались.

Сами военнослужащие дивизии на первое место ставили, прежде всего, воинский долг, а затем уже все основное. Один из офицеров вермахта вспоминал, как 7 июня бледные юнцы из «Гитлерюгенд» рвались вперед в ходе наступления и как некоторые из них, полностью измотанные, возвращались в этот вечер обратно, глотая слезы обиды, что им не удалось овладеть назначенными объектами. «Это были самые горькие моменты их жизни»[1]. Свои тяжелые потери молодые солдаты принимали как должное. Ветеран дивизии Бернгард Хайзиг вспоминал, что

[1] *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». С. 194.

«потери личного состава мы часто оправдывали своим упорством в боях и тем, что дрались на самых горячих участках»[1]. Даже в безнадежном положении солдаты дивизии не видели альтернативы сопротивлению, например, сдаться в плен или дезертировать. Вполне типичными были слова умирающего юного гренадера дивизии, которые приводит Герберт Вальтер (солдат умирал у него на руках): «Оберштурмфюрер, передайте моему командиру роты, пусть напишет моей матери, что я умер как отважный солдат с верой в фюрера и мою отчизну»[2].

Как отметил Курт Мейер: «Мы все знали, что боевые действия закончатся только смертью или пленом, но никто не собирался прекращать борьбу»[3]. Другого ответа на союзное требование «безоговорочной капитуляции» немецкие солдаты не видели. Поэтому-то они и не бросали оружие, так как понимали, что должны сражаться за свою Родину и выхода у них нет. При этом анализ показывает, что даже в период немецких неудач солдаты дивизии сохраняли высокий боевой дух. В разведывательной сводке штаба британской 21-й группы армий, составленной на основе показаний военнопленных в конце июля 1944 г., констатировалось, что только 5 % немецких солдат верили в возможность победы. 10-я и 12-я танковые дивизии СС оставались единственными соединениями, в которых моральный дух оставался еще на довольно высоком уровне[4].

---

[1] *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 221.

[2] Там же. С. 195.

[3] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. С. 300.

[4] В документе речь шла только о частях, воевавших против британской армии. Поэтому не следует удивляться отсутствию в этом списке, например, 2-й танковой дивизии СС «Дас Райх», сражавшейся с американцами. См. *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». С. 400.

Частое самопожертвование солдат 12-й танковой дивизии СС производило большое впечатление на командование союзников — в частности, перехваченный разведчиками 30-го английского корпуса приказ Курта Мейера от 1 июля 1944 г. еще раз показал британцам, против кого они сражаются: «Вчера я увидел, как один юноша, вдохновленный духом самопожертвования, запрыгнул на вражеский танк и подорвал себя вместе с ним. Сделав это, он освободил путь своим товарищам, которые оказались в окружении»[1]. Немецкие армейские пропагандисты также были под впечатлением от успехов дивизии. В журнале «Сигнал» № 19 за 1944 г. солдаты дивизии гордо были названы «первоклассными малютками»[2].

Важную роль в успехах дивизии сыграл ее командир Курт Мейер, о котором необходимо сказать особо. Курт Мейер вступил в СС еще в 1930 г. Примечательно, что он не имел никакого специального военного образования. В юнкерских школах СС не обучался, его обучение ратному делу до войны ограничилось саперными курсами в армейской инженерной школе в Клаусдорфе, 6—12 января 1938 г. (то есть одна неделя), и коротким штабным тренингом в Мюльхаузене. И всё. Так что искусство войны Мейер постигал непосредственно в войсках. И надо сказать, весьма успешно. Как командир разведывательного батальона «Лейбштандарта», Курт Мейер отличился еще во время Балканской кампании 1941 г., за которую и получил Рыцарский крест.

Но настоящая слава пришла к нему в России. Мейер отличался решительными и быстрыми действиями с широким

[1] *Baverstock K.* Breaking the Panzers, p. 30.

[2] *Bender R., Taylor H.* Uniforms, organization and history of the Waffen SS. Vol. 3, p. 105.

использованием танков, за что получил известность в войсках и прозвище «Панцермайер». Его батальон был на острие всех наступательных операций «Лейбштандарта». Показательным примером действий Мейера на 1941 г. является захват Мариуполя: город был взят дерзким штурмом горстки немецких солдат, «скорость которых возобладала над инертностью и нерешительностью оборонявшихся».

Как командир батальона Мейер показал себя настоящим сорвиголовой, не жалеющим ни свою, ни чужие жизни. Да и чего можно еще было ожидать от человека, по собственному признанию которого, «глухой рокот двигателей мотоциклов БМВ» звучал для его ушей как музыка. А знаменитый, вошедший практически во все книги о войсках СС, эпизод со стимулированием наступательного порыва своих солдат при помощи ручной гранаты на Клиссурском перевале в Греции? Заметим, что вряд ли такой стиль командования мог присутствовать в немецких армейских дивизиях, но для войск СС это не было чем-то из ряда вон выходящим (для подтверждения вспомним также действия Фрица Клингенберга по захвату Белграда). В то же время успехи Мейера омрачались высокими потерями его войск с 22 июня по 15 декабря в России разведывательный батальон потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести 465 человек, то есть был практически обескровлен.

Кульминацией деятельности Мейера на Восточном фронте стала операция по захвату Харькова в марте 1943 г. После этого его направили на формирование дивизии СС «Гитлерюгенд». Отлично проявивший себя в должности командира батальона Мейер легко мог рассчитывать на повышение. Но сначала нужно было получить необходимый минимум теоретических командирских знаний, нужных для создания новой дивизии

и для получения более высоких постов. Поэтому Мейер был направлен и окончил курсы командиров полков в армейской танковой школе в Крампнице в июне 1943 г. и танково-гренадерскую школу в Вюнсдорфе с 28 июля по 26 августа этого же года. Таким образом, все его командное образование ограничилось двумя месяцами разных курсов.

Высадку союзников в Нормандии Мейер встретил командиром 25-го гренадерского полка СС, а 16 июня 1944 г. стал на тот момент самым молодым дивизионным командиром в вермахте, возглавив «Гитлерюгенд», — ему было всего 33 года. По нашему мнению, именно этот период в его карьере наиболее интересен, поскольку именно в Нормандии Мейер занял свою наивысшую командную должность и продемонстрировал свои таланты и способности как командир полка и дивизии.

Честно говоря, довольно трудно судить о Мейере в должности командира полка — уж слишком недолго провоевал он на этом посту. Все же отметим, что его полк стал первой эсэсовской частью, столкнувшейся с союзниками, — это случилось под Каном 7 июня 1944 г. В ночь на 7 июня Мейер появился на командном пункте 716-й пехотной дивизии генерал-майора Вильгельма Рихтера, размещавшемся в штольне рудника за пределами Кана, где прояснил обстановку и пообщался с командиром соседней 21-й танковой дивизии Эдгаром Фойхтингером. Сюда же Мейеру позвонил Фриц Витт с приказом атаковать противника совместно с 21-й танковой и сбросить врага в море. Мейер тут же заявил, что не намерен задерживаться ни на одном рубеже вплоть до выхода на побережье. Правда, Фойхтингер не разделил его оптимизм. Свой командный пункт Мейер развернул на западной окраине Кана.

Упорные бои шли до 13 июня, но наиболее Мейер был близок к успеху 7 и 8 июня. Главным успехом этого дня для немцев было то, что им удалось остановить наступление канадцев и отбросить их на три километра. Повторим, что для того, чтобы снова отбить назад эти три километра, союзникам потребовался почти месяц упорных боев. Мейеру удалось установить отличное взаимодействие с Максом Вюнше, командиром 12-го такового полка СС, что, впрочем, неудивительно, учитывая, что Вюнше и Мейера связывали между собой дружеские отношения.

А вот с Фойхтингером Мейеру «сработаться» не удалось. Спор между ними, начавшийся 7—8 июня под Канном, через десятилетия после войны были вынуждены заканчивать военные историки. Примечательно, что Зепп Дитрих поддержал Мейера в этом утверждении, а генерал Фойхтингер, напротив, не согласился, а подверг действия Мейера критике. Однако современные историки поддержали правоту Мейера. Историк Ч. Мессенджер, например, считает, что Фойхтингер, подавленный событиями первого дня наступления союзников, не верил в успех немедленной танковой атаки и поэтому действовал вяло. Как бы оно ни было, но факт остается фактом — сбросить противника в море немцам так и не удалось. Сражение вступало в новую фазу.

С наибольшей широтой таланты Мейера раскрылись во время командования дивизией СС «Гитлерюгенд». Во многом благодаря его решительности, энергичности и инициативности дивизия была признана союзниками лучшей немецкой частью, с которой они столкнулись в Нормандии. Искусное маневрирование и подвижная оборона, а также тактика небольших боевых групп, с помощью которых ликвидировались

прорывы фронта, позволили «Гитлерюгенд» почти без отдыха сражаться с численно превосходящим противником весь (!) период сражения.

Свои лидерские качества Мейер еще раз продемонстрировал, когда остановил бегство солдат 89-й пехотной дивизии, с которой ему пришлось взаимодействовать. В отличие от многих бездумных исполнителей, которых хватало как в вермахте, так и в войсках СС, Мейер позволял себе критиковать вышестоящее командование и отстаивал право на собственное мнение — ярким примером стал вопрос удержания города Кана и действия Мейера в этом случае, подчас вопреки приказам руководства.

Мейер и его дивизия были на высоте и в самые критические моменты сражения. Отметим, что все объективные военные историки констатируют, что во время формирования Фалезского котла совершенно потрепанные остатки двух немецких дивизий — 89-й пехотной и 12-й танковой СС «Гитлерюгенд», с каким-то десятком танков, сдерживали целую канадскую армию генерала Крерара в течение 13 суток — удивительное достижение.

Таким образом, Курт Мейер действительно показал выдающиеся командирские способности, но, что самое главное, он продемонстрировал полное соответствие занимаемой должности. Отметим, что, по нашему мнению, высокие потери дивизии СС «Гитлерюгенд» объясняются скорее спецификой Нормандского театра военных действий, эсэсовской удалью и фанатизмом, а также нежеланием (вернее было бы сказать, отсутствием возможности) командования вывести дивизию из боя на отдых и пополнение, а не стилем командования бригадефюрера СС Курта Мейера. При этом некоторые авторы изо-

бражают его как нацистского фанатика, что в принципе было недалеко от истины. Даже в 1945 г. Мейер заявил следователю на допросе: «В этом лагере вы услышите много высказываний против Адольфа Гитлера, но ничего подобного вы никогда не услышите из моих уст. По моему убеждению, Гитлер был и остается самым величайшим явлением, какое когда-либо имело место в Германии»[1]. Не будет преувеличением сказать, что Мейер был одним из самых компетентных эсэсовских командиров, в котором военные способности сочетались с чувством долга и ответственности за своих солдат.

Отношение солдат союзников к своим эсэсовским противникам было большей частью негативным, учитывая яростное сопротивление, которое немцы им оказывали, и то, что даже в плену солдаты дивизии СС «Гитлерюгенд» сохраняли свой высокий моральный дух, часто приводя в бешенство своих победителей. Английский капрал Том Вуд рассказал в послевоенном интервью, как его сослуживец ногами избил военнопленного из дивизии СС «Гитлерюгенд» за то, что тот с гордой улыбкой рассматривал пленивших его англичан[2]. Вместе с этим на некоторых британских солдат вид павших в бою эсэсовцев оказывал гипнотическое воздействие. Так, лейтенант Уилсон из 79-й бронетанковой дивизии, глядя на группу убитых эсэсовских пехотинцев, был поражен их физическим великолепием, даже когда они лежали безжизненными трупами. Он был просто ошеломлен резким контрастом между этими молодыми солдатами СС и обычными английскими пехотинцами. «Как мы можем победить людей, подобных этим, — думал он, глядя на лежащих на земле эсэсовцев»[3].

---

[1] *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». С. 193.

[2] *Perret B.* The Taste of Battle, p. 165.

[3] *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». С. 316.

Отвага солдат СС в ходе Нормандской кампании была отмечена многочисленными наградами. Наиболее отличившиеся в битве солдаты и офицеры получили Рыцарские кресты, которыми в ходе кампании были награждены шесть военнослужащих дивизии. Кроме этого, Макс Вюнше был награжден Дубовыми листьями (11 августа), а Курт Мейер получил одну из высших степеней Рыцарского креста — Мечи (27 августа). Важным признанием заслуг дивизии в Нормандской кампании стало учреждение специальной именной нарукавной ленты дивизии СС «Гитлерюгенд». Первое вручение такой ленты произошло 19 сентября 1944 г., когда Артур Аксманн вручил ее чинам 26-го полка СС и 12-го учебно-полевого батальона СС[1].

Важную роль в сражении сыграли и вспомогательные подразделения дивизии, роль которых часто остается «за кадром». Высокую оценку командования получили действия медиков дивизии, в частности 12-го санитарного батальона СС, выразившиеся в награждении дивизионного врача оберштурмбаннфюрера СС Рольфа Шульца Германским крестом в серебре (представлен к награде Хуго Краасом в ноябре 1944 г., награду получил 26 декабря 1944 г.). Более того, Шульц неоднократно демонстрировал личную отвагу на поле боя, принимая участие в танковых атаках. Неслучайно в октябре 1944 г. он был награжден Танковым штурмовым знаком в бронзе (за 25 танковых атак), став единственным в вермахте офицером в должности дивизионного врача, награжденным такой наградой[2].

---

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 205.

[2] *Yerger M.* German Cross in Silver, p. 167.

Вождь гитлерюгенда Артур Аксманн инспектирует дивизию осень 1944 г. С поднятой рукой — командир 1-й танковой роты оберштурмфюрер СС Курт Берлин. За его рукой — гауптштурмфюрер СС Ганс Зигель

В связи с тем, что главным противником дивизии СС «Гитлерюгенд» были британские и канадские части, весьма странно выглядит утверждение Г. Кноппа, что 12-я дивизия СС сражалась с американцами под Сен-Ло, рядом с дивизией СС «Дас Райх». В качестве доказательства он приводит воспоминания ветерана дивизии СС «Дас Райх» Вольфганга Филора, описавшего, как юный гренадер ценой своей жизни уничтожил американский танк[1]. Эту версию подхватило еще несколько авторов. Однако из самих слов Филора не следует, что гренадер принадлежал к дивизии СС «Гитлерюгенд», а просто указано, что он был молод;

[1] *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 221.

учитывая, что на данном этапе войны в дивизиях СС хватало молодых солдат, а также то, что «Гитлерюгенд» под Сен-Ло с американцами не сражалась, утверждения Кноппа следует признать ошибочным.

Сражение в Нормандии стало одним из самых кровопролитных для войск СС за всю Вторую мировую войну. В ходе долгой кровопролитной битвы дивизии СС были просто обескровлены. Дивизия СС «Гитлерюгенд» потеряла: убитыми — 55 офицеров, 2229 унтер-офицеров, 1548 солдат; ранеными — 128 офицеров, 613 унтер-офицеров, 3684 солдат; пропавшими без вести — 56 офицеров, 182 унтер-офицера, 2012 солдат. Семь офицеров, 16 унтер-офицеров и 96 солдат умерли в госпиталях. При этом общие потери, учитывая тех военнослужащих, которые по каким либо причинам не попали в отчеты, оценивается в 9000 человек[1]. При этом подобный высокий уровень потерь для Нормандии не был чем-то выдающимся — например, столько же потеряла и Образцовая танковая дивизия[2].

Удар по кадровому составу дивизии также был очень чувствителен. Список известных офицеров дивизии погибших или попавших в плен в ходе сражения впечатляет: Фриц Витт, Карл-Хайнц Принц, Эрих Ольбетер, Ганс Вальдмюллер, Карл-Хайнц Шротт, Ганс Скаппини. В плен попали Курт Мейер и Макс Вюнше. За время сражения (с 6 июня по 19 сентября 1944 г.) дивизия потеряла двух дивизионных командиров, восемь командиров батальонов и дивизионов, 25 командиров рот[3].

---

[1] *Meyer H.* The 12th SS, p. 173.

[2] *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 221.

[3] Подсчитано автором по материалам Д.П. Мура.

Глава 3

ПОДГОТОВКА К СРАЖЕНИЮ В АРДЕННАХ

Еще 13 сентября 1944 г. Главное оперативное управление СС отдало приказ о выводе с Западного фронта всех дивизий СС на отдых и переформирование. Для дивизии СС «Гитлерюгенд» был предназначен район Арнберга в Зауэрланде. С 22 сентября ответственным за пополнение дивизии был назначен штаб 6-й танковой армии оберстгруппенфюрера СС Зеппа Дитриха.

12-я дивизия СС переформировывалась не как единое целое — части ее были разбросаны в районе площадью около 200 километров. Так, 26-й полк СС и 12-й учебно-полевой батальон СС находились в районе Кайзерслаутерна, а танковый полк и противотанковый дивизион — в районе города Даден на реке Зиг. Основные части дивизии находились в Зауэрланде, штаб размещался в Плеттенберге. В конце сентября дивизию начали перебрасывать в район Хайлборна, 26-й полк СС и зенитный дивизион были уже в пути, когда приказ был неожиданно отменен. Тем не менее они остались в новых местах дислокации, ожидая дальнейших указаний. В итоге расстояние между различными частями дивизии достигало 270 километров!

В начале октября дивизия наконец была собрана вместе и переброшена в Вестфалию. Штаб дивизии разместился в Зулингене. Тем временем Адольф Гитлер отдал специальную директиву, согласно которой дивизия должна была быть полностью готовой к бою к 31 октября 1944 г., о чем 14 октября Главное оперативное управление СС проинформировало дивизионный штаб.

К этому моменту танковый полк дивизии состоял из одного смешанного батальона: две роты по 14 Pz-IV (5-я и 6-я), и две роты по 14 «Пантер» (1-я и 3-я), то есть всего 56 танков. Кроме этого, штаб полка и штаб батальона имели по два командирских танка каждый. Вдобавок полк получил смешанный зенитный танковый взвод — по четыре 20-мм и 30-мм установки «Флакпанцер-IV». Нужно сказать, что, по данным американского историка А. Муньоса, в состав дивизии вошли остатки эсэсовской танковой бригады «Гросс»[1], которой командовал штурмбаннфюрер СС Мартин Гросс. Эта бригада была создана из персонала учебных танковых частей СС, летом—осенью 1944 г. воевала на Восточном фронте, в Прибалтике, после чего была расформирована, а ее личный состав направлен в Германию.

Несмотря на напряженную ситуацию с танками и бронемашинами с другими видами вооружения и экипировки ситуация была несколько лучше. Например, артиллерией дивизия была укомплектована на 100 %, ручным и автоматически оружием — на 75 %, мотоциклами и автотранспортом — на 75 %. Разведывательный батальон получил 16 бронемашин и 30 легких бронетранспортеров для каждой роты. Бронированный батальон (III батальон 26-го полка СС) получил 135 бронетранспортеров.

Очень остро стоял кадровый вопрос. Из командиров, вступивших в Нормандскую кампанию, к осени 1944 г. на своих должностях оставалось лишь трое — командир I танкового батальона Арнольд Юргенсен, разведывательного батальона Герд Бремер и дивизиона реактивных минометов Вилли Мюл-

[1] The Last Levy: Waffen-SS Officer Roster March 1st 1954, p.34.

лер. Все остальные командные посты были заполнены новыми людьми. Но обо всем по порядку.

На должность командира 12-го танкового полка СС сначала планировали назначить штурмбаннфюрера СС Вилли Хардика, однако в последний момент он был переведен в формирующуюся 150-ю танковую бригаду Отто Скорцени, а полк принял штурмбаннфюрер СС Герберт Кюльманн, бывший батальонный командир в танковых полках дивизий СС «Дас Райх» и «Лейбштандарт». II танковый батальон возглавил гауптштурмфюрер СС Ганс Зигель. Прежний командир саперного батальона штурмбаннфюрер СС Зигфрид Мюллер возглавил 25-й полк СС, а саперный батальон принял гауптштурмфюрер СС Йоханнес Тауберт. I батальоном 25-го полка СС командовал гауптштурмфюрер СС Альфонс Отт, II — оберштурмбаннфюрер СС Рихард Шульце, III — гауптштурмфюрер СС Альфред Брюкнер, вскоре смененный гауптштурмфюрером СС Арнольдом Ламмердингом.

Гренадер дивизии СС «Гитлерюгенд»

26-й полк СС возглавил оберштурмбаннфюрер СС Бернгард Краузе, I батальон — гауптштурмфюрер СС Герд Хайн,

II — гауптштурмфюрер СС Карл Хаушильд, III — гауптштурмфюрер СС Георг Урабл. Артиллерийским полком командовал оберштурмбаннфюрер СС Оскар Дрекслер, I дивизионом — штурмбаннфюрер СС Карл Мюллер, II — штурмбаннфюрер СС Гюнтер Нойманн, III — гауптштурмфюрер СС Карл Фрич.

Командир зенитного дивизиона — штурмбаннфюрер СС доктор Вольфганг Лоеникер, саперного батальона — гауптштурмфюрер СС Йоханнес Тауберт, противотанкового дивизиона — гауптштурмфюрер СС Хайнц Брокшмидт, батальона связи — гауптштурмфюрер СС Вальтер Крюгер. Таким образом, трое из полковых командиров прежде были успешными командирами батальонов или дивизионов.

В целом ситуация с личным составом была крайне тяжелой. Остро не хватало младших офицеров, положение с которыми наглядно иллюстрирует ситуация в III батальоне 25-го полка СС. Из четырех ротных командиров один был оберштурмфюрером, двое — унтерштурмфюрерами, а один — штандартенобершюнкер. Из 16 взводных лишь один был офицером (унтерштурмфюрер), трое были штандартенюнкерами, а все остальные — унтерофицерами. Еще хуже было с новоприбывшим пополнением, которое прибывало малыми группами, что усложняло подготовку новобранцев. В целом дивизия получила более чем 2000 бывших солдат люфтваффе, кригсмарине и бывших чинов полиции, то есть военнослужащих, не имеющих ни малейшего понятия о наземной войне. К тому же среди них хватало людей старших возрастов, не особо пригодных к полевой службе; по возможности таких направляли в административные службы.

Также была развернута вербовка молодежи из гитлерюгенда. В распространяемой пропагандисткой листовке писалось, что «действующая на Западе танковая дивизия

Юный доброволец танкового полка СС

СС "Гитлерюгенд" проявила себя наилучшим образом и за короткое время своего участия в боях заслужила признательность фюрера. Несмотря на многочисленные мнения, что дивизия, состоящая из самых молодых, необстрелянных бойцов, не может выполнить поставленные задачи, дивизия гитлерюгенда героически доказала свою боеспособность»[1]. Не подлежит никакому сомнению, что основная часть новобранцев была добровольцами, в то же время в дивизию попадали и по призыву. Точный процент и тех и других в современных условиях вычислить трудно.

20 октября 1944 г. Верховное командование приказало отозвать с фронта еще остающиеся боевые группы танковых дивизий и вернуть их в расположение исходных частей. В результате в состав дивизии вернулась боевая группа Милиуса.

24 октября командиром дивизии был назначен бригадефюрер СС Фриц Кремер, прежний начальник штаба I танкового корпуса СС, а Хуберт Мейер вернулся на свою должность начальника оперативного отдела дивизии.

Ценой больших усилий и напряжения ресурсов немцам удалось довести численность дивизии до штатной. На 1 ноября 1944 г. в дивизии насчитывалось 21 211 человек (и пополне-

[1] *Кнопп Г.* Дети Гитлера. С. 182—183.

Вербовочный плакат, призывающий добровольцев вступать в дивизию

ние продолжали принимать). Среди них было 309 офицеров, 2553 унтер-офицеров, 18 349 рядовых[1].

Осенью 1944 г. состоялось вручение Рыцарских крестов военнослужащим дивизии. Сначала 16 октября награду получили Георг Хурдельбринк, Арнольд Юргенсен, Рудольф Рой, а 18 ноября — Рихард Рудольф, Фриц Экштейн и Бернгард Краузе.

Нужно сказать, что в октябре, пока еще шло переформирование дивизии, отдельные ее части приняли участие в боевых действиях. Так, I батальон 25-го полка СС сформировал специальную роту под командованием унтерштурмфюрера

[1] *Bender R., Taylor H.* Uniforms, organization and history of the Waffen SS. Vol. 3, p. 125.

СС Ганса Ферманна. В эту же роту был зачислен батальонный адъютант унтерштурмфюрер СС Вилли Кляйн. Эта рота принимала участие в боях на Нижнем Рейне, в районе Рейхсвальда. В ходе этих боев Ферманн был ранен, но остался в строю.

Предпосылки Арденнского наступления

После поражения в Нормандии, то есть еще с августа 1944 г., Гитлер разрабатывал план операции, которая бы позволила Германии переломить ход сражения на Западном фронте. Фюрер полагал, что наилучшим решением в сложившейся непростой ситуации будет внезапный, решительный удар против одного из соперников. Такой удар, по его мнению, лишил бы всю антигитлеровскую коалицию воли продолжать борьбу. Повинуясь воле фюрера, оперативная группа Генерального штаба вермахта разработала целых пять планов наступления на Западном фронте. Все они были доложены Гитлеру. После тщательного анализа преимуществ и недостатков каждого из них, а также с учетом опыта удачного прорыва танковой группы фон Клейста в 1940 г., за основу был принят план операции «Центр»: удар из района южнее Аахена и северной части Люксембурга в направлении на Антверпен. На маршруте предполагаемого наступления лежали река Маас с ключевыми мостами, крупные склады и коммуникативные центры Льеж и Брюссель. Стратегической целью наступления был захват важного порта Антверпен — он был одним из главных портов — центров снабжения союзных войск в Европе, и его захват вбивал клин между американской группой армий генерала Бредли и группой армий Монтгомери. Это позволило бы отделить

Присяга противотанкового дивизиона дивизии

британо-канадские войска от американских. В общем, немцы затевали крупную игру.

Лесистая и холмистая местность, которая ограничивала мобильность, и характерная для этого района декабрьская погода — туманы, холодные дожди, снег и морозы — должны были содействовать неожиданности наступления. Сложность была в том, что в данной области сохранились только три главные боковые дорожные системы между севером и югом. Предполагалось, что их блокирование помешало бы передвижению американских войск, а ряд относительно хороших дорог с востока на запад будут способствовать молниеносному продвижению немцев. Самым важным фактором успеха наступления должна была быть неожиданность, а вторым — скорость.

Важной причиной наступления именно на Западе также стало убеждение Гитлера, что англосаксы являются самым слабым звеном антигитлеровской коалиции — и морально, и физически. Неожиданный удар, по его мнению, быстро «приведет их в чувство».

Задуманная Гитлером операция получила кодовое название «Вахт ам Райн» («Стража на Рейне»). Для ее осуществления, в условиях кровопролитных боев на Востоке и Западе, проводилось постепенное накапливание резервов войск и техники. Подготовка к наступлению началась сразу же, как только основные массы войск отошли из Франции. Правда, велось

оно с огромными трудностями. Главнокомандование «Запад» в экстренном порядке укомплектовывало свои войска, однако компенсировать потери удалось только на треть.

Несмотря на все трудности, на направлении главного удара немцам удалось сосредоточить 20 дивизий (250 000 человек) и 2600 орудий и минометов. Количество танков ударной группировки точно неизвестно, разные источники называют данные от 600 до 1000 единиц. Все же их вполне могло быть около 750, а то и больше. В любом случае это был большой организационный и мобилизационный успех — при более чем скромных возможностях Германии собрать на пятом году войны такое количество боеспособных танков и пушек.

Войскам СС, как ударной силе, отводилась большая роль в предстоящем наступлении. Высшим тактическим соединением войск СС в Арденнах была 6-я танковая армия (нужно отметить, что обычно эту армию именуют не иначе как 6-я танковая армия СС, хотя звание «СС» было присвоено ей Гитлером только после наступления в Арденнах). Формирование этой армии было поручено оберстгруппенфюреру СС Зеппу Дитриху. Сам факт того, что создание потенциально «ударной» армии сухопутных сил было поручено эсэсовскому генералу, говорит о том, что Гитлер на данном этапе войны уже не особо доверял своим армейским командующим.

Уже в октябре 6-я танковая армия начала получать людей и технику из состава жестоко потрепанных во Франции танковых дивизий. Выше уже писалось, что пополнением дивизии СС «Гитлерюгенд» занимался именно штаб армии. Вместе с «Лейбштандартом» дивизия входила в I танковый корпус СС.

9 ноября Зепп Дитрих получил приказ начать переброску своих дивизий на запад по железной дороге. Его просьба за-

держать выдвижение войск на две-три недели, мотивированная тем, что для завершения подготовки людей необходимо еще время, была отвергнута. Каждой дивизии требовалось 60 поездов, а их переброска была завершена примерно к 20 ноября. Во всех частях сразу же возобновились тренировки, на этот раз с упором на ночные действия. Все передвижения транспорта и боевая учеба производились только ночью.

Процесс обучения затруднялся нехваткой материальных ресурсов. К примеру, недостаток горючего мешал подготовке водителей танков. Топлива хватало только на пять часов тренировки водителя, включая сюда и вождение ночью. Этого было явно недостаточно, особенно учитывая традиции немецких танковых школ. Таким образом, многие водители танков из войск СС перед началом наступления имели всего несколько часов практики вождения. Все это даст знать о себе уже в декабре. Также остро проявилась нехватка обученных шоферов, часть автотранспорта по этой причине была вынуждена бездействовать.

Многие новобранцы, даже если они пришли из каких-либо армейских частей, не имели представления о действиях танков в наступлении (очевидно, что это были резервисты из тыловых гарнизонов и бывшие солдаты люфтваффе), и их обучение было направлено в основном по этому пути. Таким солдатам внушалось, что эсэсовцы — это политические солдаты, а американцы — неполноценные, поскольку аполитичны.

Большую проблему представляло и выдвижение танковых дивизий к фронту. Это необходимо было делать либо по железной дороге, либо транспортером, поскольку немецкие танки были хронически склонны к поломкам, особенно если двига-

лись на большие расстояния на своих гусеницах. А в условиях господства в воздухе авиации союзников и, как следствие, невозможности передвигаться по дорогам в светлое время суток, быстрое разрешение данного вопроса становилось еще более проблематичным (впрочем, выше уже писалось, что, несмотря на все трудности, действия немецких транспортников оказались весьма эффективными).

Очень слабым было и тыловое обеспечение операции «Вахт ам Райн». В особенности сильно не хватало топлива, а в планы атакующих особым пунктом входил захват немецкими танками союзнических складов с горючим для продолжения наступления. Вряд ли такая постановка вопроса добавляла оптимизма. На такой местности, как в Арденнах, каждой машине на то же расстояние приходилось тратить вдвое больше горючего, чем по нормальной дороге. На 12 декабря

«Пантеры» 2-й роты танкового полка дивизии СС «Гитлерюгенд»

6-я армия имела горючего только на 200 километров хода в условиях движения по заданной местности. При этом только часть топлива находилась в дивизиях, остальная только еще была на подходе или же на складах к востоку от Рейна. Забегая вперед, отметим, что большая часть этого топлива так и осталась на складах, доставить его на фронт в силу разных причин не удалось. Кроме того, у немецких штабистов так и не получилось до конца продумать организацию движения колонн бронетехники и транспорта в первые часы наступления, что впоследствии привело к возникновению пробок и массовым задержкам движения.

Недостаточная дорожная сеть в Арденнах заставила немецкое командование ограничиться только перевозкой боеприпасов и горючего. Понятное дело, что это вызывало определенные трудности в снабжении армии. Так, что касается продовольствия, то обеспечение им войск было строго ограничено, а некоторые части получили указание добывать себе пропитание сами. Забегая вперед, отметим, что редконаселенные Арденны не позволили развернуться немецким фуражирам, а на передовых полевых складах американских войск немцам удалось захватить только 40 000 рационов. В итоге в ходе развития операции немецкие солдаты должны были терпеть лишения от голода.

Таким образом, несмотря на проведенную немцами в тяжелых условиях титаническую организацию и подготовку, следует констатировать, что их танковые эсэсовские дивизии (равно как и армейские части) были не полностью укомплектованы и экипированы и, следовательно, никак не готовы для выполнения столь амбициозных задач, которые перед ними ставились.

Вполне понятно, что моральное состояние вермахта ухудшилось после тяжелых летних поражений. Однако осенью 1944 г. на Западном фронте боевой дух армии поднялся, главным образом в результате успешной обороны на Рейне против значительно превосходящих сил противника. Почти все попытки американцев прорваться на территорию рейха были блокированы, а в некоторых местах их удалось даже отбросить. Решимость солдатам вермахта придавало и осознание того, что враг приблизился именно к границам Германии, и нужно было сделать все, чтобы не допустить его туда. Многие солдаты считали, что будут участвовать в великом наступлении, которое каким-то чудесным образом сокрушит врага, стоящего на пороге фатерланда. Практически все современники подчеркивают высокий моральный дух немецких солдат в начале и в ходе Арденнского наступления. Общее настроение солдат вермахта выражено в письме одного молодого унтерштурмфюрера СС из дивизии СС «Гитлерюгенд» к своей сестре: «Некоторые верят, что выживут. Но жизнь — это не все. Достаточно знать, что мы атакуем и выбросим врага из нашей Родины. Это священная цель!»[1] Мирное население стало еще одним фактором, который способствовал поднятию боевого духа истощенной немецкой армии. По словам генерала Хассо фон Мантойфеля, мужество гражданского населения, которое независимо от пола и возраста долгие часы работало под лавиной бомб, обрушившихся на немецкие города, вызывало восхищение и уважение у солдат, и они были готовы защитить его от врага[2].

---

[1] Это письмо цитирует в своей книге Г. Уильямсон, но оно почему-то не вошло в российское издание его книги. *Williamson G.* SS – Hitler's instrument of terror, p. 178.

[2] Роковые решения вермахта. С. 335.

Состояние дивизии перед наступлением и план действий

6 ноября началась переброска дивизии СС «Гитлерюгенд» в район на западе от Кельна, которая продолжалась до конца ноября. При передислокации некоторые части подверглись атакам союзников с воздуха, например, III батальон 26-го полка СС. К счастью для эсэсовцев, взвод 20-мм зениток отогнал союзные самолеты, и потери были понесены минимальные — трое раненых и несколько машин повреждено. В целом переброска прошла успешно. Штаб дивизии развернулся в Браувайлере.

Несмотря на подготовку к наступлению, танки для полного укомплектования танкового полка так и не прибыли. Всю ударную мощь дивизии составлял смешанный I танковый батальон Юргенсена. II батальон Зигеля имел лишь несколько старых учебных танков и был небоеспособен. Поэтому батальон перебросили на полигон в Фаллингбостель, где его должны были полностью укомплектовать. Вместо него 17 ноября в танковый полк дивизии в качестве II батальона был временно включен 559-й тяжелый противотанковый дивизион. Он прибыл в дивизию в конце ноября — начале декабря, однако почти сразу же был брошен в бой в Сааре, где союзники прорвали фронт. В итоге в состав дивизии включили 560-й тяжелый противотанковый дивизион майора Штрегера, который прибыл в дивизию за несколько дней до начала наступления.

Включение тяжелого противотанкового дивизиона в танковый полк всех проблем не решило. Персонал дивизиона не имел никакого опыта в танковых операциях, не умел взаимодействовать с гренадерами. Поэтому особо на этот дивизион в дивизии не рассчитывали.

Ганс Зигель с личным составом своего II танкового батальона во время переформирования на полигоне в Фаллингбостеле

15 ноября[1] (Р. Бендер дает дату 9 ноября[2], а М. Йергер — 19 ноября[3]) дивизию возглавил штандартенфюрер СС Хуго Краас, прокомандовавший ею до самого конца войны.

С прибытием на новое место дислокации дивизия получила приказ создать боевую группу на случай прорыва американцев через реку Рур. Эта группа должна была стать ни много ни мало — резервом ОКВ. В ее состав вошли III батальон 26-го полка СС, I танковый батальон и артиллерийские части. Эта группа была развернута в районе Бедбурга. Одновременно I батальон 26-го полка СС был выдвинут в район южнее Юлиха,

[1] *Meyer H.* The 12th SS.

[2] *Bender R., Taylor H.* Uniforms, organization and history of the Waffen SS. Vol. 3, p. 126.

[3] *Yerger M.* Waffen-SS Commanders. Vol.1, p. 325.

к местечку Титц-Оберцир. Обратите внимание, что, несмотря на создание боевой группы, боевая учеба дивизии должна была продолжаться.

На 8 декабря 1944 г. дивизия насчитывала 484 офицера, 3174 унтер-офицера, 19 586 солдат, всего — 23 244 человек[1]. Нужно помнить, что в это число включены 2805 человек из учебно-полевого батальона (чье участие в сражении не предусматривалось), подразделения, находящиеся в Германии, например, личный состав II батальона танкового полка, а также раненые из госпиталей (их точное количество неизвестно). Личный состав был плохо обучен; по словам американского историка С. Митчема, «дивизия потеряла свою элитность»[2].

Дивизия имела 59 артиллерийских орудий, 22 75-мм противотанковых орудий, 25 противотанковых орудий других типов, 45 20-мм зениток, пять счетверенных 20-мм зениток, 35 37-мм зениток, 18 88-мм орудий, 13 тяжелых пехотных орудий, 1159 пулеметов. Танков было: Pz-IV — 37, «Пантер» — 41. Также в противотанковом дивизионе насчитывалось 22 «Панцерягера-IV». Бронетранспортеров в дивизии было 118 единиц (при норме в 522 единицы). В это число не включена бронетехника 560-го противотанкового дивизиона, который еще не прибыл в дивизию (данные на 8 декабря). Обратите внимание, что в дивизии полностью отсутствовали штурмовые орудия[3].

Нужно отметить, что личный состав дивизии был плохо обучен, а материальное обеспечение боеприпасами, амуни-

---

[1] *Bender R., Taylor H.* Uniforms, organization and history of the Waffen SS. Vol. 3, p. 125.

[2] *Mitcham S.* Panzers in Winter, p. 160.

[3] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 227—228.

цией, топливом и продовольствием было на недостаточном уровне. Например, перед началом операции горючего выделялось только по 100 литров на танк.

В этой связи крайне любопытен один момент. 12—13 декабря 1944 г., во время двухдневных совещаний Гитлера с командным составом, куда были приглашены все командиры до дивизионного уровня, Хуго Краас намеревался открыто высказать фюреру свои опасения по поводу боеспособности своей дивизии и претензии касательно материально-технического обеспечения. Все присутствующие, включая и Зеппа Дитриха, активно отговаривали Крааса от этого шага. Поэтому когда на совещании Краас сделал попытку высказаться, на него «зашикали» окружающие, а один из соседей даже стукнул его по колену. Возникшая возня привлекла внимание Гитлера, который спокойно разрешил Краасу высказать свои опасения вслух. Фюрер внимательно выслушал командира дивизии, заверив его (и всех), что для наступления будет сделано все возможное (оно и было сделано), и акцентировав внимание на важности момента и значении успеха в Арденнах, против чего трудно было возразить[1]. Каких-либо негативных последствий лично для Крааса (вопреки расхожим мифам о нетерпимости Гитлером возражений) этот демарш не имел, наоборот, фюрер еще более зауважал командира 12-й дивизии СС. Что интересно, после этого остальные участники совещания также «осмелели». Каждый из них имел возможность поговорить с Гитлером несколько минут, и почти все акцентировали свое внимание на неподготовленности наступления[2].

[1] *Butler R.* SS-Hitlerjugend, p.116.

[2] *Мессенджер Ч.* Танковый рыцарь рейха. С. 246—247. Интересно, что на этом совещании стульев для всех командиров не хватило,

Еще 6 декабря 1944 г. командованию 6-й танковой армии был представлен план операции «Вахт ам Райн», особое внимание было обращено на роль, которую должны были сыграть танковые дивизии СС. Перед наступлением в состав армии входили: I («Лейбштандарт», «Гитлерюгенд», 12-я и 277-я народно-гренадерские дивизии) и II (дивизии СС «Дас Райх» и «Гогенштауфен») танковые корпуса СС и LXIVII армейский корпус (272-я и 326-я народно-гренадерские дивизии). Этот армейский корпус под командованием генерала пехоты Отто Хитцфельда был придан армии Дитриха для обеспечения ее правого фланга на исходной позиции до Льежа. После перехода через Маас этот корпус должен был быть передан в состав 15-й армии. В качестве частей армейского подчинения Дитрих получил 2-ю зенитную дивизию полковника Фрица Лайхера и 150-ю танковую бригаду Отто Скорцени.

Армейскими пехотными дивизиями из I танкового корпуса СС предполагалось осуществить прорыв вражеской обороны, в который затем планировалось бросить танки. Задачи, стоявшие перед Дитрихом, были следующие: армия должна была прорвать оборону противника на участке Моншау — Кревинкель, наступать на севере, дойти и форсировать реку Маас в районе Льежа и продвигаться далее в направлении на Левен, Малин и Антверпен. Главной ударной силой армии был I танковый корпус СС, которым командовал группенфюрер СС Герман Присс (начальник штаба — штандартенфюрер СС Рудольф Леманн, бывший начальник оперативного отдела дивизии СС «Лейбштандарт»), а II танковый корпус СС Вильгельма

поэтому эсэсовские генералы любезно предоставили стулья своим старшим армейским коллегам, а сами остались стоять.

Биттриха (начальник штаба — оберштурмбаннфюрер СС Бальдур Келлер) находился в резерве. Дивизия СС «Гитлерюгенд» должна была наступать на правом фланге корпуса.

По плану танковые дивизии должны были использоваться при прорыве американского фронта и в дальнейшем развитии наступления; ни угроза фланговых ударов, ни удержание противником крупных городов не должны были задержать их продвижение к Маасу. Дитриху предоставлялся всего один день на прорыв вражеских позиций, еще один день — на выход танковых дивизий на плато От-Вань и еще два дня — на выход к Маасу и установки предмостных укреплений. Что и говорить, график был довольно оптимистичным, учитывая состояние немецких войск и общее превосходство союзников.

На исходные позиции 6-я танковая армия начала выдвигаться 8 декабря. 10 декабря Дитрих и Кремер перенесли свой штаб в Бад Мюнстеральфель. В этот же день штаб армии разослал командирам корпусов следующий приказ:

«В 6:00 "Дня "0" I танковый корпус СС силами своих пехотных дивизий прорвет оборону противника в секторе Холлерат — Кревинкель. Далее он продолжит наступление в направлении Мааса в секторе Льеж — Ги, 12-я танковая дивизия СС при этом будет двигаться на правом фланге корпуса, а 1-я танковая дивизия СС — на левом»[1].

Примечательно, что из-за соображений секретности командиры ниже дивизионного уровня свои приказы получили только 14 декабря, за два дня до наступления.

Район, в котором должна была наступать 6-я танковая армия, явно не подходил для быстрого танкового прорыва.

[1] *Паллю Ж.Л.* Арденны 1944. Пейпер и Скорцени. С. 20.

Командир I танкового корпуса СС группенфюрер СС Герман Присс после войны вспоминал, что «местность сектора, выделенная корпусу для наступления, была неблагоприятной. Она была пересеченной, сектор покрывали густые леса. ... При тех погодных условиях, которые тогда преобладали, район вообще был едва проходим. Дорог, по которым можно было двигаться, было мало, а там, где мы должны были начинать наступление, это были узкие, с одной колеей дороги, а часто и просто лесные тропы. Нужно было принять во внимание, что грязь на этих дорогах будет доходить до половины колеса и что техника, которую мы обычно использовали, сможет пройти там лишь с трудом».

После изучения местности командование корпуса потребовало перенести сектор атаки южнее, где дороги были немного лучше, однако штаб армии это требование отклонил. Таким образом, I танковому корпусу СС пришлось выполнять приказ. Для этого были проведены настоящие изыскания, как при прокладке железной дороги. После тщательной рекогносцировки, анализа дорожной сети, оценки состояния грунта и степени пересеченности местности для частей двух танковых дивизий первой волны было определено пять шоссе, так называемых «ролльбанов». На правом фланге три из них выходили к Маасу в районе Льежа и были предназначены для движения войск 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд», два — на левом выходили к Маасу между Ги и Омбре-Рауза и были предназначены для «Лейбштандарта».

Несмотря на то что по плану предписывалось обойти Льеж с юга, штабом армии было принято решение использовать некоторые дороги для обхода города с севера. Это объяснялось тем, что к северу от города имелись не только отличные условия

для организации переправы через Маас — сама узость сектора не оставляла 6-й танковой армии иного выбора. Кроме того, это должно было обезопасить танковые силы от возможного американского контрудара в районе Эльзенборна и хоть немного разгрузить дороги. В результате основные силы танковых частей армии и, следовательно, направление ее главного удара, переносились на «шоссе Ц» и «шоссе Д». Из всех пяти шоссе, по которым должны были наступать немцы, только «шоссе Ц» шло вдоль дорог с твердым покрытием, пусть даже и узких, все же остальные включали в себя значительные отрезки лесных троп и проселочных дорог, особенно на первых, решающих, двадцати километрах пути.

Для наступления предполагалось сформировать несколько передовых штурмовых групп под командованием «подходящих офицеров». Эти группы должны были идти в первом эшелоне, формировались они из состава обеих дивизий СС I танкового корпуса СС, причем ударные отряды создавались на основе танкового полка дивизии и возглавлялись командиром полка. Эти боевые группы должны были наносить основной удар и проложить остальным немецким войскам дорогу к Маасу, находясь на внутренних, закрытых для противника, флангах своих дивизий.

Кроме этого, разведывательный батальон каждой из дивизий был усилен, и образуемые ими боевые группы — боевая группа «Бремер» 12-й танковой дивизии СС под командованием штурмбаннфюрера СС Герда Бремера и боевая группа «Книттель» 1-й танковой дивизии СС (штурмбаннфюрер СС Густав Книттель) — должны были двигаться по второстепенным дорогам впереди основных сил, стараясь как можно дольше избегать столкновения с противником. Их целью было

захватить один или несколько мостов через Маас. Таким образом, вопрос захвата целых мостов через эту реку становился ключевым для дальнейшего развития наступления. По плану основные части наступающих дивизий предполагалось использовать следующим образом:

«Шоссе А» (Холерат — Рохерат — Кринкельт). По нему на правом фланге должен был двигаться I батальон 25-го гренадерского полка СС 27-летнего гауптштурмфюрера СС Альфонса Отта, его задачей было соединиться с парашютистами подполковника фон дер Хейдте, заброшенными в американский тыл и удерживающими перекрестки на лесных дорогах у Мон-Рижи.

«Шоссе Б». Оно было предназначено для боевой группы «Мюллер» под командованием командира 25-го гренадерского полка СС штурмбаннфюрера СС Зигфрида Мюллера, состоящей из 25-го гренадерского полка СС (за исключением, как уже указывалось, I батальона полка), 12-го дивизиона противотанковых самоходных орудий СС штурмбаннфюрера СС Карл-Хайнца Брокшмидта (22 «Ягдпанцер-IV»)[1], II артиллерийского дивизиона штурмбаннфюрера СС Ноймана из 12-го артиллерийского полка СС и саперной роты.

[1] Учитывая отсутствие в дивизии штурмовой артиллерии, кому-то наверху пришла в голову идея переквалифицировать для непосредственной поддержки пехоты противотанковый дивизион. Когда об этом намерении поставили в известность Хайнца Брокшмидта, то он в буквальном смысле встал на дыбы, яростно протестуя против подобного шага. Учитывая, что тактика штурмовой и противотанковой самоходной артиллерии существенно отличались, его возражения не были лишены оснований. Однако дело потихоньку спустили на тормозах, оставив все, как есть.

Командир 12-го разведывательного батальона штурмбаннфюрер СС Герд Бремер

«Шоссе Ц». Первой по данному маршруту должна была двигаться боевая группа Кюльманн (штурмбаннфюрер СС Герберт Кюльманн, командир 12-го танкового полка СС), которая состояла из 12-го танкового полка СС (без II батальона, который находился на обучении), 560-го дивизиона тяжелых противотанковых самоходных орудий майора Штрегера (14 «Ягдпан-

тер» и 28 «Ягдпанцер-IV»), III батальона 26-го гренадерского полка СС гауптштурмфюрера СС Георга Урабла[1], I дивизиона штурмбаннфюрера СС Мюллера из 12-го артиллерийского полка СС и саперной роты. В своем распоряжении Кюльманн имел 14 «Пантер» и 37 Pz-IV.

Второй по шоссе должна была начать движение боевая группа «Бремер» — 12-й разведывательный батальон СС дивизии СС «Гитлерюгенд» и части усиления.

Третьей была боевая группа «Краузе» (оберштурмбаннфюрер СС Бернгард Краузе, совсем недавно, 18 ноября, получивший Рыцарский крест) включавшая 26-й гренадерский полк СС (как уже указывалось, без его III батальона), III дивизион гауптштурмфюрера СС Фритша из 12-го артиллерийского полка СС, 12-й минометный дивизион СС штурмбаннфюрера СС Вильгельма Мюллера, 12-й зенитный дивизион СС штурмбаннфюрера СС доктора Вольфганга Лоеникера и большинство саперных частей дивизии.

По этому шоссе должен был двигаться также штаб 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд», во главе с командиром дивизии Хуго Краасом.

«Шоссе Д». Первой по нему должна была двигаться боевая группа «Пайпер» (о ней подробнее ниже). За ней шла боевая группа «Зандиг» (оберштурмбаннфюрер СС Рудольф Зандиг) состоявшая из 2-го гренадерского полка СС (без III батальона, включенного в группу «Пайпер), 1-го ракетно-артиллерийского дивизиона СС, III артиллерийского дивизиона 1-го артиллерийского полка СС, зенитного дивизиона и саперного бата-

[1] 14 ноября 1944 г. гауптштурмфюрер СС Урабл был награжден Германским крестом в золоте.

льона дивизии СС «Лейбштандарт». Также по этому маршруту должны были двигаться штабы дивизии СС «Лейбштандарт» и I танкового корпуса СС.

«Шоссе Е». По этому шоссе первой должна была идти боевая группа «Хансен» под командованием оберштурмбаннфюрера СС Макса Хансена. Группа состояла из 1-го гренадерского полка СС, 1-го дивизиона штурмовых орудий СС гауптштурмфюрера СС Карла Ретглингера (21 «Ягдпанцер» и 11 75-мм противотанковых пушек), I артиллерийского дивизиона 1-го артиллерийского полка СС и саперной роты. Второй шла боевая группа «Книттель» — 1-й разведывательный батальон СС из дивизии СС «Лейбштандарт» (без 1-й роты унтерштурмфюрера СС Рентша, которая, не получив новых транспортных средств, осталась в Германии) и части усиления из этой же дивизии: батарея 105-мм орудий оберштурмфюрера СС Бутчека и 2-я саперная рота оберштурмфюрера СС Корнера (по другим данным, командиром роты был унтерштурмфюрер СС Унглаубе). Причем 5-ю роту 1-го разведывательного батальона СС пришлось расформировать, чтобы пополнить остальные его роты.

Кроме этого, дивизия должна была выделить отряд передовых артиллерийских наблюдателей. Для этой цели был создан специальный радиовзвод во главе с оберштурмфюрером СС Харальдом Эттерихом. Их планировалось забросить во вражеский тыл на парашютах, вместе с десантниками оберста фон дер Хейдте, при этом ни один из эсэсовцев парашютной подготовки не имел.

На артиллерийский полк дивизии ложилась задача принять участие в артиллерийской подготовке накануне наступления. Уже днем 9 декабря Оскар Дрекслер получил в штабе 6-й тан-

ковой армии (от командующего артиллерией армии Вальтера Штаудингера) указания по развертыванию, целям и плану обстрела. Что интересно, к этому моменту командир полка даже понятия не имел о планируемой операции и поэтому немного удивился. Полк должен был развернуться в районе Шмидтайм-мервальд, до которого было два ночных марша. 12 декабря в 19:00 части полка начали выдвижение на позиции в полной темноте, тягачи и автомашины ехали с выключенными фарами. Это было трудным заданием, учитывая, что погода была не самая благоприятная, а узкие горные дороги, по которым проходило движение, обледенели.

В ночь на 14 декабря начала выдвижение на исходные позиции и сама дивизия. Как и в предыдущем случае, движение происходило по ночам. Скорость марша в среднем не превышала 15 километров в час, расстояние между машинами было 20—30 метров. Естественно, что ночные марши в трудных условиях не могли полностью пройти гладко. Так, в 3-й танковой роте у танка унтершарфюрера СС Лорковски возникли проблемы с радиатором. Кое-как ему удалось сойти с дороги (тем самым освободив ее для движения) и добраться до соседней фермы и вызвать ремонтников. Все бы ничего, но ночью этот район подвергся беспокоящей бомбардировке английской авиации, в результате погиб водитель танка Тео Вичорек.

Другой танк этой же роты, унтершафрюрера СС Цвангслайтнера, в темноте съехал с трассы, въехал в садовый забор, снес его, затем снес несколько телеграфных столбов, в результате чего оказался весь опутанным проводами и отстал от колонны. Впрочем, в этом случае обошлось без последствий.

14 декабря Хуго Краас собрал командиров частей и проинформировал их о грядущем наступлении, сделав упор на

его значимости для всего хода войны. Все присутствующие ясно понимали важность момента, одновременно осознавая потенциальные трудности. Краас отдал приказ по дивизии, суть которого заключалась в том, что «Гитлерюгенд» вступает в бой после прорыва американской обороны армейскими пехотными дивизиями. Все части получили конкретные приказы.

В район сосредоточения, северо-восточнее Систига, дивизия прибыла к утру 15 декабря. Дивизионный командный пункт был развернут в Бененберге. В 15:00 состоялись совещания в полках дивизии, где командиры полков раздавали указания батальонным командирам. В 25-м полку СС этот процесс затянулся на три часа. В 18:00 командиры батальонов разошлись по частям и начали инструктаж ротных. Одной из ключевых проблем, обсуждаемой на всех уровнях, была нехватка горючего, прибытие которого ожидалось из тылов. Как вспоминал обершарфюрер СС Август Цинсмайстер, личный состав дивизии был полон энтузиазма и рвался в бой[1].

А что же насчет сил противника? По меткому выражению историка Х. Болдуина, арденнский участок фронта был «лечебным санаторием американского командования». Против 250-тысячной немецкой группировки, у американцев в Арденнах было сравнительно немного войск. Всего, по британским данным, здесь было 83 000 американских солдат в четырех с половиной дивизиях и частях усиления. Две из этих дивизий недавно прибыли на фронт и еще не имели большого боевого опыта. Стоящая здесь же 28-я пехотная дивизия армии США была жестоко побита в битве в Хюртгенском лесу несколько недель назад, потеряв, по некоторым данным,

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 235.

75 % личного состава (!)[1]. Но, следует отметить, что все эти части были прекрасно вооружены и экипированы, в отличие от немецких дивизий. Также американцы имели 242 танка, 182 самоходки и 394 ствола тяжелой артиллерии. Учитывая все вышесказанное, нужно признать, что все-таки это была довольно серьезная сила, вполне способная сковать боем немецкие войска до подхода подкреплений.

Глава 4
АРДЕННСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

К 16 декабря 95 % людей, орудий, техники, отобранных немцами для Арденнского наступления, заняли исходные позиции. При этом разведка союзников так и не смогла ничего заметить, так что со стороны немцев это было одним из выдающихся достижений в организации ведения войны. Эйзенхауэр меньше всего боялся за арденнский участок фронта, считая, что наступать по труднопроходимой местности — дело чрезвычайно трудное, особенно зимой. К тому же в высших штабах союзников вообще не верили в возможность какого-либо немецкого наступления.

Перед наступлением Зепп Дитрих издал по своей армии следующий приказ: «Солдаты 6-й танковой армии! Перед нами великий час решения. Фюрер поставил нас на важнейшее место. Нам предстоит прорвать вражеский фронт и устремиться

[1] О битве в Хюртгенском лесу у нас известно очень и очень мало. А зря. См., например: *Morse B.* A Moment in History. The story of the American Army in the Rhondda in 1944, p.39; *Zaloga S.* The Siegfried Line 1944—45. Battles on the German frontier, p. 48—89.

за Маас. Неожиданность — половина победы. Несмотря на ожесточенные бомбежки, родина снабдила нас танками, орудиями, боеприпасами и оружием. Она смотрит на нас. Мы не дадим ей пасть»[1].

На сосредоточение немецкой артиллерии оказала влияние протяженность фронта, который обороняли немецкие войска на востоке и западе, и понесенные на тот момент вермахтом огромные потери. В одном из послевоенных интервью группенфюрер СС Вальтер Штаудингер[2], командовавший артиллерией 6-й танковой армии, вспоминал о наличии орудий на своем фронте: «Наряду с дивизионной артиллерией обоих корпусов у нас был батальон из трех батарей. В каждой — по девять орудий от 150 до 210-мм. В армейской артиллерии у нас было две бригады "Небельвефер" плюс три бригады тяжелой артиллерии — 200-мм, 240-мм и 350-мм. Мы имели также два или три корпуса народной артиллерии с шестью батальонами в каждом». Штаудингер не совсем точен, хотя известно, что корпусов народной артиллерии в 6-й танковой армии было все же три: 388-й, 402-й и 405-й. Бригад «Небельвеферов» тоже было три: 4-я, 9-я и 17-я. В целом даже при беглом анализе бросается в глаза большой разнобой в калибрах артиллерийских орудий, очень сложно было обеспечить их все достаточным количеством боеприпасов. В то же время наличие у 6-й танковой армии большого количества крупнокалиберной артиллерии свидетельствует о серьезности задач, поставленных

[1] *Мессенджер Ч.* Гладиатор Гитлера. С. 248.

[2] Штаудингер, кавалер Ордена крови, ветеран нацистской партии. Член СС (билет № 242652). Родился 24 января 1898 г. В 1941—1943 гг. командовал артиллерийским полком «Лейбштандарта». Умер 31 августа 1964 г. Материалы Штаудингера приводятся в работе П. Элстоба.

перед ней. Отметим, что корпуса народной артиллерии, приданные армии, получили дополнительное усиление. Обычно они имели в своем составе от 13 до 15 батарей, а здесь, если верить Штаудингеру, их было по 18.

Штаудингер подробно описал тактику, примененную 6-й танковой армией во время артподготовки. На первый день наступления было намечено три вида огневых действий: сначала с 5:30 открыть огонь по главной линии сопротивления. Во-вторых — огонь по командным пунктам и перекресткам дорог. И, наконец, в-третьих — огонь по наиболее отдаленным деревням и опорным пунктам и особенно по дорогам, по которым, как предполагал штаб Дитриха, будут подводиться американские резервы. К сожалению, из-за неплотности американских линий артиллерия была распределена на всей 30-километровой протяженности фронта 6-й танковой армии. Штаудингеру так и не удалось убедить свое начальство сконцентрировать артиллерию на гребне Элзенборн, где, как он полагал, сопротивление американцев будет наиболее упорным. Его весьма неплохой план отклонили, а артиллерию — разбросали по фронту армии. Кроме того, из-за нехватки снарядов артиллерийская подготовка вышла очень короткой, всего полчаса, и поэтому всех целей не достигла. Так что говорить о мощном артиллерийском наступлении немцев не приходится.

Артиллерийская подготовка началась в 05:30. Местами она имела позитивный результат — удалось нарушить линии проводной связи американцев. Однако в целом оказалась малорезультативной. Свою роль в этом сыграло отсутствие у немцев точных разведывательных данных о диспозиции вражеских сил.

После окончания артиллерийской подготовки в бой пошли части 277-й народно-гренадерской дивизии генерал-майора Фибига, которые должны были прорвать оборону американцев и дать дорогу 12-й танковой дивизии СС. Американцы оказали отчаянное сопротивление, доставив атакующим немцам множество трудностей. Ценой больших усилий и тяжелых потерь к полудню штурмовые группы народных гренадер все же сумели вклиниться в передовые линии американцев в районе «Шоссе А». Тем не менее решительно прорвать фронт противника дивизия не смогла. Сбылись все опасения и относительно качества дорог. После того как по «Шоссе А» прошли десяток штурмовых орудий, оно стало непроходимым и для дальнейших операций было сначала отвергнуто, а затем, из-за отсутствия альтернативных путей, снова включено в список дорог — почва вне дорог была и вовсе недоступна для машин. Причем это не было чем-то из ряда вон выходящим, такая ситуация сложилась на всем фронте I танкового корпуса СС. Ни одно из запланированных шоссе так и не было «открыто», американцы плотно удерживали их в своих руках. При этом, как показала разведка, из трех шоссе, запланированных для «Гитлерюгенд», только путь из Ротхерата через Кринкельт, Лосхаймергграбен, Бюлинген, Бютгенбах и далее на Мальмеди был в более-менее сносном состоянии, остальные для движения моторизованных войск подходили мало. Положение осложнялось тем, что большинство мостов в этом районе были взорваны отступающими немецкими войсками еще осенью и в большинстве своем так и не были восстановлены американцами.

Поняв, что нужно что-то делать, штаб I танкового корпуса СС около полудня приказал дивизии СС «Гитлерюгенд» выделить усиленный танково-гренадерский батальон и, подчинив

его 277-й народно-гренадерской дивизии, атаковать на «Шоссе А» и расширить прорыв. Этот приказ Краас переадресовал I батальону Альфонса Отта из 25-го полка СС, для которого это шоссе изначально и предполагалось. Отт получил дополнительно взвод пехотных орудий и противотанковый взвод. Не теряя времени, он атаковал почти сразу же после завершения развертывания своего батальона к западу от Холерата. В самом начале батальон попал под беспорядочный обстрел американских орудий и понес первые потери. Отт наступал в направлении на Рохерат и Кринкельт (эти две деревни находятся настолько близко друг к другу, что М. Рейнольдс даже назвал их «Двойной деревней») через брешь, пробитую 989-м народно-гренадерским полком, двигаясь по лесистой местности. Вскоре тяжелое вооружение и несколько машин с боеприпасами безнадежно увязли в грязи, наступление продолжили только гренадеры.

Первый контакт с врагом не заставил себя долго ждать — после пересечения мелкой речушки Олеф эсэсовцы наткнулись на трех американцев из боевого охранения. Последние при виде противника сразу же побросали оружие и сдались в плен. В дальнейшем батальон до конца дня почти не встречал сопротивления, изредка попадая под слабый ружейно-пулеметный огонь, который, впрочем, особых проблем не доставлял. Выйдя к развилке дороги на Кринкельт, эсэсовцы перехватили небольшую колонну грузовиков снабжения американской армии.

Казалось бы, все складывается хорошо. Однако Отт никак не мог установить связь по радио со штабом своего полка (из-за лесистой местности; справедливости ради следует сказать, что американцы столкнулись с теми же проблемами). Он также не имел контакта и с 989-м народно-гренадерским полком, с

которым должен был вместе оперировать. Так что, не имея общего представления о ситуации, Отт приказал батальону остановиться и закрепиться на достигнутой линии (в двух километрах северо-восточнее Кринкельта). После он направил своего адъютанта, унтерштурмфюрера СС Вилли Кляйна, на поиск штаба 989-го полка, для получения дальнейших приказов.

Командир дивизии СС «Гитлерюгенд» Хуго Краас (на фото в звании штандартенфюрера СС)

Тем временем союзники открыли по батальону сильный артиллерийский огонь. Ночью американцы атаковали эсэсовцев с двух сторон, пользуясь открытостью их флангов, и попытались окружить батальон. Чтобы избежать окружения, Отт решил отвести свой батальон, что и было сделано утром 17 декабря[1].

В целом передовые части I танкового корпуса СС не смогли достигнуть намеченной точки в первый день наступления. На фланге корпуса дивизия СС «Гитлерюгенд» увязла в бою с американской пехотой (которую поддерживал сильный

[1] Впоследствии, проанализировав ситуацию, начальник штаба дивизии Хуберт Мейер признал ошибочным задействование только одного батальона, хоть и усиленного, сил которого все равно не хватало для достижения успеха. По мнению Мейера, озвученному, правда, лишь после войны, в бой нужно было бросить еще дополнительные силы.

артиллерийский огонь) в лесу, пытаясь захватить деревню Кринкельт. Продвижение вперед группы Пайпера было единственным «светлым пятном», но и от него вначале ожидали гораздо большего. В результате американский фронт так и не удалось прорвать. Нужно сказать, что, вопреки распространенному мнению, именно 16 декабря американцы нисколько не паниковали по поводу немецкого наступления. Эйзенхауэру, например, доложили всего лишь «о незначительном вклинении войск противника в нашу оборону». Правда, к полуночи 16 декабря союзная разведка идентифицировала и нанесла на карты десять пехотных, пять танковых и одну парашютно-десантную немецкие дивизии (в том числе «Лейбштандарт» и «Гитлерюгенд»). Но только утром 17 декабря Эйзенхауэру стало ясно, что это крупное контрнаступление, а не ограниченная атака. Ответом стала быстрая концентрация американских сил. На поле боя прибыла 1-я пехотная дивизия армии США.

Пытаясь выправить ситуацию, штаб I танкового корпуса СС приказал своим дивизиям 17 декабря активизировать усилия по прорыву американского фронта, чтобы пробить в нем широкую брешь. С этой целью ночью усиленный[1] 25-й полк СС начал сосредоточение в районе к северу от Холерата (его I батальон еще не вернулся). По плану, первым в атаку должен был перейти II батальон Рихарда Шульце, усиленный противотанковым дивизионом. Батальон был практически полностью укомплектован личным составом, однако большинство солдат не имели никакого боевого опыта.

Батальон атаковал 7-й ротой, которую специально готовили для штурмовых ударов — гренадеры получили огнеметы и допол-

[1] Усилен полк был составом боевой группы «Мюллер».

нительный запас взрывчатки. Кроме этого, атаку поддерживали 1-я и 2-я роты противотанкового дивизиона, а также сопровождали штаб батальона и противотанкового дивизиона. Нужно сказать, что солдаты сидели в своих машинах с полудня 16 декабря (!), они не имели зимнего обмундирования и изрядно замерзли, поэтому были рады, что началось хоть какое-то действие и их томительному ожиданию пришел конец.

Оберштурмбаннфюрер СС Рихард Шульце, командир II батальона 25-го полка СС

Во время атаки рота нарвалась на минное поле и понесла первые потери. Противник, 3-й батальон 393-го пехотного полка 99-й дивизии армии США, открыл по атакующим артиллерийский и минометный огонь. Командир передового взвода унтерштурмфюрер СС Эрнст Штур был тяжело ранен в ногу шрапнелью, в последствии ногу пришлось ампутировать. Атака эсэсовцев застопорилась перед командным пунктом противника, прикрытым хорошо укрепленной позицией противотанковой артиллерии и несколькими замаскированными танками. Командир 1-й роты противотанкового дивизиона оберштурмфюрер СС Гельмут Цайнер получил приказ расчистить дорогу гренадерам. Самоходки выдвинулись вперед, во время этой атаки пулей в голову был убит неосторожно высунувшийся из люка унтерштурмфюрер СС Рудольф Рой, командир взвода и кавалер Рыцарского

креста. Его нелепая гибель вызвала у эсэсовцев ярость. Самоходки ворвались на позиции противника, Цайнер уничтожил противотанковую пушку. Пулеметные гнезда были подавлены, а замаскированные танки предпочли не испытывать судьбу и ретироваться.

Продвижению гренадер сильно мешали засевшие на деревьях снайперы. Тем не менее эсэсовцам удалось продвинуться вперед и взять командный пункт. Здесь они захватили большой запас провизии, включая горячий кофе и шоколад. В итоге возникла несанкционированная пауза в наступлении — изголодавшие солдаты набросились на съестные трофеи. Сюда же прибыли Рихард Шульце и Брокшмидт. Шульце развернул свой командный пункт в захваченном бункере. Рядом разорвался шальной снаряд, и Брокшимидт был ранен в левое колено. После этого дивизион возглавил кавалер Рыцарского креста оберштурмфюрер СС Георг Хурдельбринк.

Вскоре наступление возобновилось, однако огонь снайперов сделал свое дело, и гренадеры продвигались вперед крайне медленно. Из строя вышли почти все офицеры — унтерштурмфюреры СС Август Хирш и Эрих Люнтцель погибли, а адъютант роты унтерштурмфюрер СС Бухманн был ранен. В итоге роту возглавил обершарфюрер. Американцам тоже досталось: по словам Шульце, было взято большое число пленных[1].

В целом на линии Рохерат — Кринкельт 25-му полку СС с двумя ротами «Панцерягеров» противостояли семь американских пехотных батальонов с танками и противотанковыми установками. Тем не менее к вечеру 17 декабря 1-й и 3-й батальоны 393-го полка армии США были практически уничтоже-

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 255.

ны. Их остатки отступили к Эльзенборну, где командование надеялось их переформировать.

Вечером 1-я рота противотанкового дивизиона, с отрядом гренадер, получила приказ продолжить атаку на Рохерат, в то время как 2-я рота осталась с батальоном Шульце. Быстро смеркалось, вдобавок началась снежная буря. Самоходки оберштурмфюрера СС Цайнера двигались вперед по узкой дороге. В разыгравшейся пурге часть из них «потерялась», не туда повернув на одном из бесчисленных местных перекрестков, и к Рохерату, который был занят противником, Цайнер вышел лишь с тремя машинами и несколькими пехотинцами. Тем не менее Цайнер решил предпринять штурм, надеясь захватить врага врасплох. Это ему не удалось, американцы были начеку, и в деревне завязался бой. Эсэсовские самоходки подбили минимум три «Шермана», из них два были на счету Цайнера. К несчастью для немцев, у них заканчивались топливо и боеприпасы, поэтому Цайнер, посовещавшись с командиром пехоты и своими экипажами, решил выйти из боя, чтобы пополнить запасы. Выходить пришлось с боем, самоходки попали под обстрел из базук, однако уйти удалось без потерь. После выхода из боя Цайнер по радио запросил топливо и боеприпасы.

Тем временем основная часть батальона Рихарда Шульце в упорном бою сумела очистить от противника лес у Кринкельта и также вышла к Рохерату с востока и северо-востока. Американцы подтянули сюда подкрепления, в том числе и танки, обе стороны обменялись чувствительными ударами. Эсэсовцы потеряли минимум четыре «Панцерягера» от мин и огня базук. Тем не менее где-то в 21:00 Шульце снова возобновил атаку в общем направлении на Кринкельт. С востока к атаке подклю-

чился I батальон Отта, практически целый день проведший в бездействии, а севернее — группа Цайнера (три «Панцерягера» и взвод пехоты). Линия американской обороны проходила чуть восточнее линии Рохерат — Кринкельт, и вскоре эсэсовцы ее прорвали и ворвались в Рохерат. Этот успех был оплачен дорогой ценой — в ударной 7-й роте полка в строю осталось лишь 27 человек, причем из строя вышли все офицеры. 10 человек погибли (из них 2 офицера), 45 были ранены, а 43 пропали без вести. Однако полностью прорвать оборону врага 17 декабря эсэсовцам не удалось, американцы все еще удерживали половину деревни. Атака эсэсовцев окончательно прекратилась около 23:15. За день дивизия СС «Гитлерюгенд» отвоевала у противника пять километров территории[1].

В этот же день в бой вступила группа артиллерийских наблюдателей дивизии, сброшенных с парашютами вместе с десантниками оберста фон дер Хейдте. Для оберштурмфюрера СС Эттериха и радистов штурмманов СС Леонхардта и Розенауэра это был первый парашютный прыжок. Для всех троих он закончился благополучно, более того, все трое не только не потерялись в лесу, а успешно вышли на место сбора (в отличие от многих парашютистов, из 400 десантников за день фон дер Хейдте сумел собрать вокруг себя лишь около 275 человек). Однако установить связь с немецкими войсками им не удалось. Положение усугублялось тем, что большинство контейнеров с боеприпасами и оружием так и не были найдены. Парашютисты провоевали в американском тылу до 20 декабря, так и не добившись серьезных результатов, после чего основная их часть попала в американский плен. Вместе с ними до конца находились и три эсэсовских связиста.

[1] *Reynolds M.* Sons of the Reich, p. 192.

На 18 декабря I танковый корпус отдал категорический приказ захватить Рохерат и Кринкельт, взять под контроль «Шоссе Ц» (этот приказ относился к 12-й народно-гренадерской дивизии) и продолжить наступление к Маасу силами дивизии СС «Гитлерюгенд».

Для активизации штурма Рохерата и Кринкельта в условиях превосходства американских сил немецкое командование решило задействовать ударные части 12-й дивизии СС. В бой было решено ввести 1 танковый батальон дивизии. Уже ночью он выступил в район сосредоточения в лес у Рохерата с приказом вместе с 25-м полком СС и 12-м противотанковым дивизионом СС захватить Рохерат и Кринкельт, после чего наступать на Эльзенборн.

Южнее шло сосредоточение еще одной ударной группировки. Части 12-й народно-гренадерской дивизии готовились к штурму Мюрингена, для чего им были приданы 560-й тяжелый противотанковый дивизион и основные силы 26-го полка СС, включая III (бронированный) батальон полка. Эти силы должны были «открыть» «Шоссе Ц». Как только это намерение было бы выполнено, планировалось подключение для атаки на Рохерат и Кринкельт 12-го разведывательного батальона СС Бремера. Обе атаки поддерживали 12-й артиллерийский полк СС и 12-й минометный дивизион СС.

Американцы также готовились к бою. По немецким данным, в районе Рохерата и Кринкельта они сосредоточили четыре пехотных батальона, противотанковые орудия, танки и самоходные противотанковые установки. Они тщательно укрепляли свои позиции. Положение у Кринкельта затруднялось трудностями со связью. Действующая самостоятельно небольшая группа Цайнера (три «Панцерягера» и 40 пехо-

тинцев) уже второй день пыталась установить радиоконтакт со своими силами — каждый раз тщетно. У Цайнера почти не было топлива и боеприпасов. Не зная общей обстановки, Цайнер выслал разведку, которая вернулась с несколькими пленными. Восторгов это у Цайнера не вызвало, он опасался, что теперь американцы «заинтересуются» его группой, а, учитывая ее слабость, перспективы были более чем туманны. Все же он приказал своим людям занять круговую оборону в лесу (так называемый «Еж») и стал ждать развития событий. Утром напряженное ожидание закончилось — к его позиции вышли танки из танкового полка дивизии.

На рассвете 18 декабря первыми активизировались I и II батальоны 25-го полка СС. Несмотря на сильный огонь противника, гренадеры ворвались на позиции американской пехоты и в рукопашном бою выбили оттуда противника, однако дальше продвинуться не смогли. Около 08:30 туман рассеялся и в действие вступил I танковый батальон. После этого гренадеры пошли вперед. Американцы бросили в контратаку «Шерманы» 741-го танкового батальона, которым удалось подбить два немецких танка, но остановить атаку эсэсовцев им не удалось. Танки и гренадеры ворвались в северную часть Рохерата и завязали упорные бои с 1-м и 2-м батальонами 38-го пехотного полка армии США. К полудню немцы достигли командного пункта противника, однако быстро взять его не удалось — американцы сражались насмерть, эсэсовцам пришлось штурмовать дом за домом. Тем временем «Пантеры» 1-й и 3-й рот вместе с гренадерами достигли Кринкельта, расположенного на юге, рядом с Рохератом. Тяжелый бой в обеих деревнях шел до вечера. Эсэсовцы нанесли американцам тяжелые потери — очень примечательное достижение, учи-

тывая материальное и численное превосходство противника (им противостояли четыре пехотных батальона, усиленных бронетехникой[1]), и крепко закрепились в обеих деревнях, однако полностью взять их под контроль не смогли. Атакующие понесли тяжелые потери и в людях, и в технике. Командир 3-й танковой роты оберштурмфюрер СС Курт Бродель погиб в этом бою. III батальон 25-го полка СС в бой так и не вступил, он попал под огонь американской артиллерии и был рассеян в лесу восточнее Кринкельта.

Южнее дела у немцев шли куда лучше, 12-я народно-гренадерская дивизия исключительно своими силами заняла Мюринген. Выделенные ей части дивизии СС «Гитлерюгенд» оставались в районе своей дислокации около Западного вала. На общую обстановку на фронте оказал влияние успех боевой группы Пайпера, который в этот день занял Ставелот, а к вечеру достиг Стумона. В этих условиях первоочередным заданием для 6-й танковой армии стало обеспечение правого фланга Пайпера и открытие дороги через Мальмеди на Спа, чтобы доставить последнему амуницию и топливо. Поэтому Хуго Краас получил приказ свернуть все операции в Кринкельте и Рохерате и передислоцировать свою дивизию в район Бюлингена так быстро, как только возможно. Дивизия переходила в подчинение II танкового корпуса СС.

Части, не участвующие в бою за Кринкельт, выступили прямо вечером. 19 декабря 3-я танково-гренадерская дивизия должна были сменить увязшие в Кринкельте части «Гитлерюгенд». Смена продолжалась до ночи на 20 декабря.

---

[1] 741-й танковый батальон, 644-й противотанковый батальон, 801-я рота истребителей танков.

Американцы понесли заметные потери. 393-й полк 99-й пехотной дивизии армии США, вынесший на себе основную тяжесть боев за Кринкельт, потерял с 16 по 20 декабря 173 человека убитыми, 606 ранеными и 141 пропавшими без вести. 394-й полк потерял 1198 человек, а 395-й — 422. Сражавшийся здесь же 38-й полк 2-й пехотной дивизии армии США потерял за эти дни 625 человек. Учитывая, что по штату пехотный полк американской армии насчитывал 3163 человека, можно сделать вывод о масштабе потерь американцев. Кроме этого, 741-й танковый батальон потерял 11 «Шерманов» (отчитавшись в подбитии 27 немецких танков, из которых пять «Тигров» (их в этом районе не было ни одного)). Всего американцы заявили об уничтожении 44 немецких танков в боях за Рохерат и Кринкельт. Немцы таких своих потерь не подтвердили, при этом какие либо точные данные об их реальных потерях в этих боях отсутствуют до сих пор[1].

На этом бои «Гитлерюгенд» за Рохерат и Кринкельт окончились. Удачными их назвать нельзя, поскольку за три дня боев цели их достигнуты так и не были, а «Шоссе А» так и не было «открыто». В принципе все это можно объяснить объективными причинами. Действительно, плохое состояние дорог, болотистая местность затруднили развертывание, поэтому в бою смог принять участие лишь один гренадерский полк, плохо была налажена связь, не хватало горючего и боепри-

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 282. Хотя, например, историк С. Митчем утверждает, что за три дня боев в этом районе дивизия СС «Гитлерюгенд» потеряла 67 танков из имевшихся у нее 136 (p. 73). Правда, он же утверждает и о наличии в дивизии танков «Тигр». Отметим, что 136 — это не количество танков, а общее количество бронетехники.

пасов, а танковый полк состоял из одного батальона. Личный состав в основном не имел боевого опыта и был недостаточно обучен.

Бои за Бютгенбах

К этому моменту время становилось решающим фактором для немецкого командования. Когда наступление боевой группы Пайпера забуксовало, немцам, как никогда, потребовалось открыть наступление на других направлениях, чтобы поддержать темп своего натиска. Поэтому дивизию СС «Гитлерюгенд» перебросили на южный фланг «Лейбштандарта» для усиления атаки на позиции 7-й американской бронетанковой дивизии.

Первым делом было необходимо обеспечить все условия для продолжения наступления к Маасу. В этих условиях 19 декабря Хуго Краас получил приказ сконцентрировать усилия своей дивизии на открытии дороги в секторе Бюлинген — Бютгенбах — Мальмеди. Для этой цели он мог выделить еще не вступившие в бой 26-й полк СС и 560-й тяжелый противотанковый дивизион (33 самоходки «Ягдпантера»), которые все еще находились в местах дислокации на Западном валу, а также саперный батальон. На левом фланге стояла 3-я парашютная дивизия (далее шел сектор «Лейбштандарта»), а справа — 12-я народно-гренадерская. Снабжение всех трех дивизий проходило по одной-единственной узкой дороге, излишне и говорить, что оно было недостаточным. Ситуация складывалась так, что медлить и ожидать сосредоточения всех сил дивизии было некогда. Штаб II танкового корпуса СС получил категорические указания максимально быстро и

любой ценой взять под контроль дорогу к Мальмеди. Поэтому имевшиеся под рукой части дивизии начали сосредоточение для атаки на Бютгенбах в ночь на 19 декабря. Части дивизии двигались несколькими маршевыми колоннами. Состояние дорог препятствовало сосредоточению людей и техники. 26-й полк СС и тяжелые противотанковые самоходки постоянно попадали в пробки на узких дорогах и поэтому двигались крайне медленно и с большим перерасходом топлива. Также начали смену позиций разведывательный и саперный батальоны, части артиллерийского полка и зенитного дивизиона — излишне и говорить, что она также проходила крайне медленно. 25-й полк СС, противотанковый дивизион и I танковый батальон все еще оставались в районе Кринкельта[1].

Первым выступил 3-й (бронированный) батальон Урабла из 26-го полка СС, за которым двигался штаб 12-го танкового полка и 560-й противотанковый дивизион. За ними двигались остальные части 26-го полка СС и саперный батальон. Ночью батальон Георга Урабла достиг Бюллингена, занятого частями 12-й народно-гренадерской дивизии, после чего сосредоточился восточнее города для атаки на Витцфельд. Вперед сразу же были отправлены разведывательные патрули на юг и юго-восток. Некоторые из них нарвались на противника, были подбиты две вражеские бронемашины, однако в схватках погибли четверо эсэсовцев.

[1] До сих пор (!) не ясна дислокация разведывательного батальона Бремера 18—19 декабря 1944 г. По некоторым данным, накануне он выдвигался к Рохерату, однако в боях там не участвовал, за исключением отдельных разведывательных патрулей. Среди документов дивизии нет ни одного, который бы показывал местонахождение батальона в указанные даты.

В этот же район подходили другие части дивизии, причем основные силы артиллерии безнадежно застряли в дороге, прибыл лишь II дивизион Гюнтера Нойманна. Времени ожидать прибытия всех артиллерийских частей не было, и поэтому было решено атаковать тем, что имелось под рукой. Прямо на месте была сформирована боевая группа «Кюльманн», которую возглавил командир 12-го танкового полка СС. В нее вошли штаб танкового полка, I батальон 26-го полка СС Г. Хайна, 560-й тяжелый противотанковый дивизион и II дивизион артиллерийского полка. Группа Кюльманна начала готовиться к атаке по обеим сторонам дороги Бюллинген — Бютгенбах. В это же время III батальон 26-го полка СС вместе с боевой группой Хольца из 12-й народно-гренадерской дивизии взял на себя прикрытие района сосредоточения группы Кюльманна для атаки (взятие Вицфельда было возложено на 12-ю народно-гренадерскую дивизию). По-видимому, использование бронированного батальона для этих целей было обусловлено нехваткой у эсэсовцев горючего. II батальон 26-го полка СС оставался в резерве. Учитывая, что на поле боя господствовала американская артиллерия, атаку решено было проводить ночью.

Тем временем часть гренадер разошлись на постой в Бюллингене. Один из жителей Бюллингена, Альберт Коненмергер, вспоминал, как у него в подвале разместилось около 20 гренадер из дивизии СС «Гитлерюгенд», в большинстве своем им было по 15—17 лет. Коненмергер был с ними, когда пришел приказ на выступление. По его словам, «они плакали, когда собирали свои вещи, чтобы выйти в холодную ночь и отправиться на свидание со смертью»[1].

[1] *Butler R.* SS-Hitlerjugend, p. 122.

Гауптштурмфюрер СС Герд Хайн, командир I батальона 26-го полка СС

Кюльманн атаковал около 22:00. Противостоящий эсэсовцам 26-й полк 1-й пехотной дивизии армии США оказал решительное сопротивление. Американцы хорошо закрепились на местности, а их многочисленные пулеметные гнезда простреливали все пространство немецкого наступления. Тем не менее гренадеры Хайна и «Ягдпантеры» майора Штегера пробили их оборону. Было уничтожено несколько противотанковых орудий и взяты пленные. Гренадеры добились неплохого прогресса в наступлении, и в бой бросили II батальон 26-го полка СС, который наиболее углубился в оборону противника и даже вышел к большому поместью Бютгенбаха, превращенному американцами в сильный опорный пункт. На этом прогресс в атаке закончился; хотя самоходка гауптманна Хайнца Веверса ворвалась в поместье, но была почти тут же подбита (Веверс погиб). Так что американцы удержали поместье.

Наутро все окутал туман, и «Ягдпантеры» майора Штегера самовольно отошли, оставив пехотинцев без поддержки. Этим сразу воспользовались американцы и контратаковали. Оба эсэсовских батальона начали отступать. В тумане организованно сделать это не удалось, и часть 1-й роты оберштурмфюрера СС Людвига была окружена врагом и заняла круговую обо-

рону; целых два дня им потребовалось, чтобы пробиться к своим. В той непростой ситуации штаб дивизии быстро разобрался в обстановке и приказал отвести батальоны на более подготовленные к обороне позиции, чтобы затем, после перегруппировки, возобновить атаку. Таким образом, первое наступление 12-й дивизии СС с целью открыть дорогу на Мальмеди успеха не имело. Единственным успехом для немцев стал захват Витцфельда 12-й народно-гренадерской дивизией и взятие эсэсовцами под контроль района тактической высоты Шварценбюхель.

Споры, правильно ли сделали армейские самоходчики, что оставили гренадер без поддержки и отошли, разгорелись сразу же после окончания боя. Справедливости ради следует сказать, что возражения Брокшмидта против использования его «Яг-панцеров» для поддержки пехоты оказались так же актуальны и для «Ягдпантер». Как противотанковые самоходки, они не предназначены для наступательного боя, и использование их в этом качестве очень дорогостояще удовольствие с небольшой окупаемостью. То, что их использовали таким образом, объясняется исключительно нехваткой у немцев других типов бронетехники. Учитывая тотальное превосходство американской артиллерии на поле боя (1:10), буквально закидавшей немцев снарядами, начальник штаба дивизии Хуберт Мейер весьма корректно отнесся к вопросу об отходе самоходок. Потери дивизиона в этом бою составили два человека убитыми, ранеными — три офицера, 13 унтер-офицеров и шесть солдат, двое рядовых пропали без вести.

19 декабря Присс получил приказ вывести «Гитлерюгенд» из Бютгенбаха и направить дивизию сначала на юг, а затем на запад, для атаки на Мальмеди с целью расширить выступ

в линии фронта, достигнутый Пайпером. Этот приказ вряд ли был выполним: Присс доложил, что дорога Бюллинген—Медершайт—Шоппен непроходима из-за грязи, и попросил разрешения на повторный захват оставленного немцами Бютгенбаха (и получил его).

Поэтому задача для дивизии открыть дорогу на Мальмеди сохранялась. Теперь к ней готовились более основательно. Было решено ударить на широком фронте и задействовать дополнительные силы, в частности стянуть к дивизии все имеющиеся под рукой танки. Последнее задание облегчалось прибытием танковых и некоторых гренадерских частей дивизии из-под Кринкельта.

Краас разделил свои войска на несколько групп. 26-й полк СС с приданным ему III батальоном 25-го полка СС, но без своего III (бронированного) батальона, должен был атаковать

Подбитые «Пантеры» дивизии СС «Гитлерюгенд» в районе Кринкельта

Бютгенбах с запада. Справа его атаку поддерживал 12-й противотанковый дивизион СС, а слева — танковый полк дивизии. III (бронированный) батальон 26-го полка СС должен был быть задействован после прорыва гренадерами и бронетехникой американской обороны и развить успех. I батальон 26-го полка СС и рота 560-го тяжелого противотанкового дивизиона оставались в резерве.

Атака должна была начаться в 03:40 21 декабря. Отметим, что противник также сполна использовал это время, подтянув дополнительные силы и укрепив оборону.

Сосредоточение войск проходило под атаками вражеских штурмовиков и обстрелами американской артиллерии. 20 декабря 12-й зенитный дивизион СС за 10 минут сбил четыре вражеских самолета. Из-за нехватки горючего гренадерские части должны были передвигаться в районы сбора пешком по пересеченной местности. Неслучайно II батальон Карла Хаушильда из 26-го полка СС заблудился и вовремя не вышел в район сосредоточения. В штабе не было никаких известий о его местонахождении, а радиоконтакт с батальоном установить не удалось. Отправленные Краасом специальные офицеры связи также не смогли найти батальон. Тем временем приближался час начала атаки. В 03:30 12-й артиллерийский полк СС начал артиллерийскую подготовку. Однако из-за отсутствия батальона Краас перенес атаку на час, на 04:30. Далее ситуация развилась до анекдотизма — батальон так и не был найден! Становилось ясно, что атака сможет начаться в лучшем случае на рассвете.

Так что следующие пару часов Краас и его штаб провели в аварийном изменении плана атаки, чтобы лучше использовать складки местности и прикрыть фланги. По новому плану,

эсэсовцы должны были атаковать большое поместье перед Бютгенбахом с юга и востока, имевшее важное тактическое значение, — из него отлично простреливались все подступы к Бютгенбаху, поэтому атака города при дневном свете и при занятом противником поместье автоматически должна была обернуться тяжелыми потерями. Следовательно, на штурм Бютгенбаха эсэсовцы должны были идти лишь после взятия поместья и обеспечения, таким образом, своих флангов и тылов. Одновременно I батальон 26-го полка СС должен был атаковать вдоль дороги Бюллинген — Бютгенбах.

В 05:30 роты II батальона неожиданно нашлись — на них случайно наткнулся один из связных офицеров. Как оказалось, они заблудились на незнакомой местности и находились в одном километре к западу от места сосредоточения. Теперь их немедленно направили в точку сбора, которой они достигли к 06:00. В 06:45 артиллерия и минометы снова начали артиллерийскую подготовку. Американцы в ответ также открыли огонь, пытаясь накрыть немецкие артиллерийские позиции, но подавить противника им не удалось.

С началом артподготовки гренадеры и бронетехника пошли на штурм поместья у Бютгенбаха. Из-за сложных условий местности о быстром танковом броске речь не шла. Американцы сосредоточили на бронетехнике огонь противотанковых пушек и полевой артиллерии. У них было время пристрелять местность, поэтому огонь был точен — несколько танков и самоходных противотанковых установок были подбиты. Наиболее тяжело пришлось 3-й танковой роте, потерявшей несколько машин, погиб командир роты армейский гауптманн Вальтер Хилс (в его экипаже также погибли заряжающий и водитель). Дивизионные ремонтники предприняли героическое усилие,

чтобы под огнем противника эвакуировать один из подбитых танков. В условиях огневого противодействия противника эта идея закончилась провалом, был потерян эвакуационный тягач. Высокие потери были также среди гренадер. Вскоре всем стало ясно, что атака провалилась (I батальон 26-го полка СС также ничего не добился). Скрепя сердце Краас приказал свернуть наступление и возвратится на позиции. Все усилия и потери были понесены зря. Неслучайно в послевоенном интервью он назвал этот момент «самым черным днем в его военной карьере»[1].

Общие потери дивизии в этом бою неизвестны до сих пор, но они были очень значительными. Известно, что только офицеров в этот день безвозвратно было потеряно восемь человек (четверо убитых и четверо пропавших без вести; кроме погибшего гауптманна Хилса, все остальные потерянные офицеры были в звании унтерштурмфюрера СС). Главной причиной провала атаки стало то, что немцы были вынуждены атаковать днем — это давало американцам, учитывая их превосходство в артиллерии, дополнительное преимущество.

Немецкое командование оказалось в тупике — уже три дня как дивизия СС «Гитлерюгенд» пыталась пробить путь на Мальмеди, и все безрезультатно. На 22 декабря II танковый корпус СС приказал Краасу провести новое наступление на Бютгенбах. Особенностью этой атаки было то, что осуществлять ее должны были лишь бронетанковые и моторизованные части — I батальон танкового полка, 560-й противотанковый и 12-й противотанковый СС дивизионы, III (бронированный) батальон 26-го полка СС и 1-я (бронированная) рота 12-го

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 303.

саперного батальона СС. Основной удар планировалось нанести по поместью, а затем наступать далее на Бютгенбах. Обращает на себя внимание отсутствие в этой группировке разведывательного батальона дивизии. Дело в том, что в этот момент, по приказу вышестоящего командования, он как раз выдвигался в район южнее Файмонвилля, то есть далеко в сторону от поля действий дивизии.

В 06:30 22 декабря, в сильный снегопад, эсэсовская бронегруппа атаковала. Этот отчаянный удар позволил немцам добиться некоторых успехов. В 08:35 гренадеры из III батальона 26-го полка СС взяли под контроль дорогу на Бютгенбах и окружили американский минометный дивизион. Танковым ударом были прорваны обе американские оборонительные линии перед Бютгенбахом, после чего танки и гренадеры на бронетранспортерах ворвались в Бютгенбах с юга. В город вошли по меньшей мере четыре немецких танка, еще три увязли в грязи на подступах (!), но продолжали поддерживать огнем наступающих. Но на этом успехи эсэсовцев закончились. «Пантера» штурмбаннфюрера СС Арнольда Юргенсена была подбита и загорелась. Причем в момент попадания на броне этого танка находился командир III батальона 26-го полка СС Георг Урабл. Оба командира были серьезно ранены и эвакуи-

Штурмман СС из противотанкового дивизиона дивизии СС «Гитлерюгенд»

рованы с поля боя. Арнольд Юргенсен на следующий день скончался в полевом госпитале. После его гибели командиром батальона был назначен гауптштурмфюрер СС Рудольф фон Риббентроп. Американцы — части 18-го и 26-го пехотных полков 1-й пехотной дивизии армии США, при поддержке бронетехники, стояли на смерть в Бютгенбахе, понимая все значение этого городка. Вдобавок немцы сильно уступали им численно, а американцы имели возможность вводить в бой резервы. Тяжелый бой шел до вечера. Американцы отчитались в подбитии пяти немецких танков. В 17:42 немцы начали отходить, хотя локальные участки сопротивления в Бютгенбахе продержались до ночи. К утру 23 декабря эсэсовцы окончательно отошли на исходные позиции. Бютгенбах захватить так и не удалось. Как и в предыдущих случаях, потери дивизии достоверно неизвестны. Погибли три офицера, еще один (Юргенсен) был смертельно ранен.

После всех этих неудач 12-ю дивизию СС «Гитлерюгенд» сняли с этого участка фронта и начали перебрасывать в сектор Орти (38 километров на юго-восток). Это объяснялось планами командующего 6-й танковой армии Зеппа Дитриха придать наступлению новый импульс путем активизации действий II танкового корпуса СС.

Командир I танкового батальона штурмбаннфюрер СС Арнольд Юргенсен

В это время немцы предпринимали отчаянные попытки улучшить состояние дорог и положение со снабжением. Но последнее лучше не стало, поскольку с прояснением погоды возросла интенсивность воздушных атак союзников. Кремер позже писал: «Воздушные атаки определенно задерживали подвоз снабжения, так что часто приходилось заниматься этим ночью. Склады снабжения группы армий "Б" перемещались редко, и колонны автоцистерн с бензином приходили поздно, или совсем не приходили. Часто случалось, что тактический успех не мог быть развит по той причине, что горючее и боеприпасы вовремя не поступали, или поступали в слишком малых количествах по причине плохих дорог. Расход горючего был много больше предварительных расчетов. Если снабжение доходило до передовых линий, то только благодаря героизму водителей грузовиков и энергии штаба службы снабжения».

На новом участке

Выдвижение дивизии на новый участок началось 24 декабря 1944 г. и проходило не так быстро, как рассчитывали. К нехватке топлива и плохим дорогам добавились и дорожные пробки — немцы сейчас отчаянно маневрировали частями. Кроме этого, активизировалась союзная авиация, поэтому все передвижение было вынуждено проходить в темное время суток.

Тем не менее нужно было спешить — на 19:00 27 декабря штаб II танкового корпуса СС запланировал атаку дивизий СС «Дас Райх», «Гогенштауфен» и «Гитлерюгенд» на Садзот и Эрези. Планировалось, что «Гитлерюгенд» возьмет под контроль участок дороги от Эрези до Грандмениля между

Садзотом и Брисколом. После этого планировалось развитие наступления трех танковых дивизий СС («Дас Райх», «Гогенштауфен» и «Гитлерюгенд») до самого Мааса.

25 декабря передовые части «Гитлерюгенд» установили контакт с подразделениями дивизии СС «Дас Райх». Комадир последней, Хайнц Ламмердинг, пребывал в крайне воинственном настроении и рвался в бой — накануне его части в танковом бою сумели нанести поражение американцам[1].

К полудню 26 декабря, практически на марше, 25-й полк СС, III батальон 26-го полка СС, разведывательный батальон, зенитный дивизион и части артиллерии взяли деревни Фреуней и Ламормениль (пять километров к северу от Замри). После этого они продолжили атаку на Остер и Ла-Фоссе (семь километров к северо-востоку от Замри) и также их захватили, сломив упорное сопротивление врага. На этом атака дивизии остановилась. После этого 12-й разведывательный батальон СС подчинили дивизии СС «Дас Райх».

Однако только днем 27 декабря основная часть дивизии прибыла в район Замри — Дочамп. После тяжелых боев за Кринкельт и Бютгенбах дивизия была не в лучшем состоянии, особенно ее бронетанковые подразделения. Что касается обоих танково-гренадерских полков дивизии, то они после марша были крайне измотаны, к тому же основная часть 26-го полка СС еще не прибыла. Тем не менее Биттрих отмел все возражения и настоял на наступлении вечером 27 декабря, как предусматривалось его первоначальным планом. Справедливости ради следует сказать, что и «Дас Райх» с «Гонештауфен»

[1] Участие дивизии СС «Дас Райх» в Арденнском наступлении будет рассмотрено нами в отдельной работе.

также не завершили развертывание и подготовку к наступлению. Немцам противостояла 3-я бронетанковая дивизия армии США, усиленная дополнительными подразделениями.

Местность, предназначенная для наступления дивизии, была не самой подходящей — холмы, покрытые лесом. Это обусловило ограниченное использование бронетехники и транспорта: в частности, гренадеры должны были атаковать в пешем строю. Об артиллерийской поддержке в этих условиях нельзя было и мечтать. В качестве огневой поддержки эсэсовцы могли использовать в лучшем случае лишь минометы и «панцерфаусты». В планировании атаки немцы исходили из того, что их разведка обнаружила неприкрытую брешь в американской обороне между 1-м и 2-м батальонами 289-го пехотного полка армии США.

В 19:30 дивизия перешла в наступление, главный удар наносил 25-й полк СС. На острие атаки шли I батальон гауптштурмфюрера СС Вернера Дамша и II Рихарда Шульце, за ними двигался III батальон гауптштурмфюрера СС Вильгельма Дене[1]. В конце атакующей колонны двигались три 75-мм противотанковые пушки с расчетами.

В темноте гренадеры молча шли через лес возле села Садзот. Вскоре передовой отряд II батальона столкнулся с американским разведывательным патрулем. Большого сопротивления американцы не оказали, предпочтя сдачу в плен. Их отправили на командный пункт полка, где выяснили, что они из состава 75-й пехотной дивизии армии США. Это было дурным знаком — этой дивизии ранее здесь не отмечалась. Было ясно, что части этой дивизии должны были прикрыть имевшуюся дыру во фронте.

[1] Возглавил батальон несколько дней назад.

Около полуночи II батальон достиг края леса, где остановился на привал, пока подтягивались остальные силы полка. Было очень холодно, и только тусклый лунный свет освещал усталые лица гренадер.

Вскоре после полуночи I и II батальоны атаковали, пока III батальон оставался в резерве. Это наступление застигло американцев врасплох. I батальон, практически не встречая сопротивления, прошел сквозь восточную окраину Садзота и двинулся дальше на север, на Брискол, попутно перерезав дорогу Грандмениль — Эрези. Однако в этот момент был утерян контакт со II батальоном и темп наступления начал падать, учитывая нехватку у Дамша противотанкового вооружения и боеприпасов.

II батальон наступал на левом фланге. По воспоминаниям Рихарда Шульце, батальон тихо просочился сквозь блокпосты американцев и вошел в Садзот без лишнего шума, не привлекая внимания американцев. Обнаружив, что немцы в деревне, часть американцев запаниковала, тем более что многие из них спали. Шульце вспоминал, как полураздетые американские солдаты в панике бежали[1]. Взятые пленные показали, что они принадлежат к 75-й пехотной дивизии армии США.

Чтобы закрепиться на позициях, Шульце приказал выдвинуть вперед два из трех имевшихся противотанковых орудий. Уже одно то, что их ночью протащили через лес, было выдающимся достижением. Их установили на окраине леса южнее Садзота, откуда они могли контролировать дорожный перекресток.

Тем временем американское командование организовывало контрмеры. Прежде всего, на Садзот был брошен 509-й

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 320.

парашютный батальон, усиленный танками 3-й бронетанковой дивизии. Эти силы ворвались в Садзот с северо-запада, в деревне завязался жестокий рукопашный бой, продолжавшийся до утра. Также американцы получили мощную артиллерийскую поддержку, в отличие от немцев, которые не могли рассчитывать на что-то подобное. К 11 утра 28 декабря Садзот был окружен американскими парашютистами, однако Шульце сумел прорваться к лесу, где уже занимал оборонительные позиции III батальон 25-го полка СС. К лесу, севернее Садзота, также отступил и I батальон, совершенно не имевший противотанкового вооружения.

Пока 25-й полк СС сражался за Садзот, 26-й полк СС, вернее, лишь его III батальон (два других батальона полка должны были вступить в бой для развития успеха), вечером 28 декабря атаковал на север и занял деревни Эрпиньи и Хазайли. Однако все вооружение гренадер состояло лишь из винтовок и ручных пулеметов, они не имели даже панцерфаустов. К тому же американцы обрушили на них сильный огонь артиллерии и минометов. В итоге утром 29 декабря III батальон отступил на исходные позиции, оставив впереди лишь небольшие отряды прикрытия.

Тем временем, намереваясь добить эсэсовцев, командующий американскими силами в этом районе генерал Хикли приказал 509-му парашютному полку, при поддержке шести легких танков, утром 29 декабря выбить с позиций 25-й полк СС. Немцы оказали решительное сопротивление: из противотанковых орудий были подбиты три танка и атака захлебнулась. За 28—29 декабря 12-я танковая дивизия СС отчиталась в уничтожении 25 бронемашин, 24 грузовиков, семи танков (четыре из них были подбиты в ближнем бою) и восьми тяже-

лых минометов[1]. В отличие от противника, эти бои не стоили дивизии тяжелых потерь, а локальные успехи в обороне подняли боевой дух солдат.

На 31 декабря 1944 г. в дивизии «Гитлерюгенд» насчитывалось 439 офицеров, 2647 унтер-офицеров, 16 571 солдат (учитывая и тыловые части). Не случайно командование 6-й танковой армией признало дивизию годной для дальнейшего использования[2].

Между тем в этот же день немецкое командование вернуло дивизию под командование I танкового корпуса СС и распорядилось перебросить ее под Бастонь, которую немцы намеревались взять любой ценой. На позициях у Садзота «Гитлерюгенд» сменила 560-я народно-гренадерская дивизия.

Бои под Бастонью

Бастонь стала настоящей костью в горле у немецкого командования, во многом предрешив исход Арденнского наступления. Блокированная в городе американская 101-я воздушно-десантная дивизия упорно оборонялась. Поначалу, окружив город, немцы добились некоторых успехов, а деморализованный гарнизон Бастони находился на грани капитуляции. Но 26 декабря к нему прорвалась 4-я бронетанковая дивизия и деблокировала город, хотя бои за него на этом не прекратились. По словам командующего 5-й танковой армией фон Мантойфеля, «обороняя Бастонь, противник, казалось, не имел шансов на успех, и все же именно сражение за этот город

[1] *Meyer H.* The 12th SS/ Vol. 2, p. 323.

[2] *Bender R., Taylor H.* Uniforms, organization and history of the Waffen-SS. Vol. 3, p. 122, 125.

определило провал нашей наступательной операции»[1]. Даже сейчас наступление на Бастонь могло бы иметь успех, если бы только удалось за несколько дней собрать все находящиеся на этом участке силы и сразу бросить их в бой. Однако такой возможности не было. Части и соединения застревали на дорогах и прибывали в район боевых действий в неполном составе. Что касается американцев, то они проявили верх оперативности и уже к 30 декабря довели число своих дивизий под Бастонью до шести, включая сюда три бронетанковые.

Основные силы дивизии СС «Гитлерюгенд» прибыли в этот сектор вечером 30 декабря. Ее развернули в районе юго-восточнее Бастони. В этот день против Бастони была предпринята немецкая атака, закончившаяся провалом. Немецкое командование намеревалось взять у противника реванш и начало перегруппировку сил. «Гитлерюгенд» должна сменить на позициях Бригаду сопровождения фюрера и прикрыть юго-западный фланг немецкого наступления.

В 23:30 31 декабря Хуго Краас прибыл на командный пункт Бригады сопровождения фюрера, где провел совещание с командиром бригады оберстом Отто-Эрнстом Ремером.

В первый день нового 1945 г., не дожидаясь немецкой атаки, американцы крупными силами трех бронетанковых дивизий (4-я, 6-я и 11-я), усиленных пехотой и артиллерией, атаковали немцев из Бастони. Ситуация быстро ухудшилась в полдень 1 января, когда командование 5-й танковой армии приказало «Гитлерюгенд» немедленно выступать в сектор 26-й народно-гренадреской дивизии, контратаковать и отбросить противника обратно в Бастонь. В поддержку ей придавались

[1] Роковые решения вермахта. С. 366.

дивизия СС «Гогенштауфен» и 340-я народно-гренадерская дивизия.

Весь остаток дня дивизия выдвигалась на новые позиции, в район Боурси. Из-за плохих дорог и царившей повсюду неразберихи быстро сделать это не удалось. Эсэсовские танки прибыли сюда ближе к сумеркам. Сосредоточение дивизии продолжалось всю ночь и первую половину дня 2 января. Рядом сосредотачивалась 340-я народно-гренадерская дивизия.

Наутро американцы снова взяли инициативу в свои руки, ударив пехотой и танками (6-я бронетанковая дивизия) по позициям 340-й народно-гренадерской дивизии. К 15:00 они сильно потеснили немцев. Чтобы стабилизировать ситуацию, в бой были брошены I танковый батальон и дивизионная рота сопровождения, под общим командованием Рудольфа фон Риббентропа. Эсэсовцы удачно вступили в бой и к 19:30 отбили у американцев Мичам и Оубоурси. Отметим, что дивизионной ротой сопровождения в этом бою командовал унтерштурмфюрер СС Эрвин Штир, только утром 2 января возвратившийся в дивизию из госпиталя.

3 января в наступление пошли уже немцы. Дивизия СС «Гитлерюгенд» должна была атаковать от Боурси с целью выйти на северо-восточные подступы к Бастони. 26-й полк СС с приданным ему 12-м противотанковым дивизионом СС наступал на правом фланге, а слева атаковал 25-й полк СС с 12-м танковым полком СС. Командный пункт дивизии был развернут в Боурси. Атака дивизии, после долгих проволочек, вызванных задержкой различных частей и подразделений, началась в 14:00.

Первым в бой «рванул» III батальон 26-го полка СС. Гренадеры на бронетранспортерах достигли железнодорожной

линии Боурси — Бастонь, практически не встречая сопротивления. Слева, пешим порядком, наступал II батальон. Поначалу американцы оказывали лишь спорадическое сопротивление, которое немцы легко подавляли. В 16:00 к северу от Азетти II батальон был атакован тремя «Шерманами». Два из них были подбиты из «панцерфаустов» гренадерами 7-й роты, а третий — самоходкой из противотанкового дивизиона. Тем не менее на этой точке атака застопорилась — оба батальона попали под сильный фланговый артиллерийский и минометный огонь противника на открытой местности, понесли большие потери и остановились. Затем американцы, 501-й парашютный полк при поддержке легкой бронетехники, контратаковали III батальон, который потерял несколько бронетранспортеров от огня противотанковых орудий и базук, из них шесть только в 9-й роте. К счастью, потери среди личного состава оказались совсем невелики. Эсэсовцы ответили огнем 20-мм орудий и отбросили американцев. С наступлением темноты эсэсовцы на специальных тягачах смогли утянуть с поля боя четыре подбитых бронетранспортера 9-й роты и направить их в ремонт, и все это под огнем артиллерии противника.

Не добился больших успехов и 25-й полк СС, даже несмотря на поддержку танков. Их атака была остановлена к северо-востоку от Азетти сильным артиллерийским и минометным огнем противника. Небольших успехов достиг лишь I танковый батальон, который вместе с самоходками 560-го противотанкового дивизиона, потеснил американцев вдоль дороги Мичам — Арлонкорт, отвоевав около километра территории и остановившись в километре к северо-востоку от Арлонкорта. На этом наступательные действия дивизии 3 января окончились. Противники ограничились обоюдными

артиллерийскими обстрелами и действиями разведывательных патрулей.

На 4 января штаб дивизии получил приказ продолжить атаку. Боевые части дивизии к этому моменту были сильно ослаблены предыдущими боями. Например, II батальон 26-го полка СС, без штаба и 8-й роты, на 16:00 4 января насчитывал лишь 29 человек, из которых один унтер-офицер, а все остальные — рядовые[1]. Тем не менее приказ нужно было выполнять.

В 04:00 после артиллерийской подготовки дивизия перешла в наступление. Основной целью было занять местечки Бизори и Магерет. Как и накануне, части 26-го полка СС встречали лишь слабое сопротивление. Около 7 утра III батальон достиг железнодорожного моста, где развернул командный пункт и пост первой помощи во главе с армейским врачом оберлейтенантом доктором Ратманном.

25-му полку СС, наступавшему слева от 26-го полка СС, было куда труднее — он был остановлен огнем американской артиллерии. Против эсэсовцев противник применил фосфорные снаряды. Учитывая потери предыдущих дней и нынешние, боеспособность батальонов сильно упала. В итоге I и II батальоны полка слили в один, его возглавил Вернер Дамш, в то время как Рихард Шульце был переведен в офицерский резерв дивизии[2]. Из-за остановки 25-го полка СС штурмбаннфюрер

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 343.

[2] Интересно, что когда он явился с докладом на командный пункт дивизии, то внимание всех присутствующих привлек его плащ, весь в дырах от фосфора. А 19 января в штаб дивизии пришел приказ откомандировать Рихарда Шульце в юнкерскую школу СС в Бад-Тельце, где он занял должность командира школы.

СС Краузе приказал и своему полку закрепиться на достигнутой линии. Одновременно справа от 26-го полка СС подтянулся батальон из 340-й народно-гренадерской дивизии. В целом за день дивизия прошла лишь два километра территории, под сильным артиллерийским и противотанковым огнем американских войск. До Бастони оставалось всего три километра[1]. Однако пройти их немцы так и не смогли. В этот день дивизия потеряла погибшими трех офицеров — два унтерштурмфюрера из 25-го полка СС и один из 26-го.

Чтобы поднять боеспособность обоих танково-гренадерских полков, им придали 1-ю и 3-ю роты саперного батальона. При этом 4-я саперная рота была размещена за линиями 25-го полка СС, чтобы прикрывать его фланги. В итоге саперный батальон Ганса Тауберта состоял теперь лишь из одной 2-й роты Ганса Рихтера.

На 5 января I танковый корпус СС приказал продолжить атаку в том же направлении. 340-я народно-гренадерская дивизия вместе с 26-м полком СС и 12-м противотанковым дивизионом СС должны были атаковать на юго-запад, вдоль железнодорожной линии Боурси — Бастонь. В свою очередь, 25-й полк СС и 12-й танковый полк СС получили задание прорваться между Азетти и лесистым районом к северу от Магерета на Бизори.

Разведка II батальона 26-го полка СС показала, что противник в ночь на 5 января оставил свои позиции у леса Азетти, вдоль железнодорожной линии и у станции. Утром III батальон 26-го полка СС начал наступать к западу от железной дороги. Почти не встречая сопротивления, батальон достиг всех

[1] *Reynolds M.* Sons of the Reich, p. 236.

Истребитель танков из дивизии СС «Гитлерюгенд»

назначенных объектов атаки и занял Магерет, после чего приготовился к обороне. Пока солдаты окапывались в лесу, американцы со скрытых позиций открыли убийственный огонь из минометов, стоивший немцам тяжелых потерь. 9-я рота потеряла 80 % личного состава, из которых половина — убитыми. После эвакуации раненых на позициях роты осталось два унтер-офицера и шесть солдат. Для ликвидации минометчиков противника были направлены специальные патрули, один из которых вычислил их позицию и уничтожил. По злой иронии судьбы, вооружены американские минометчики были трофейными немецкими 81-мм минометами.

Не встретили сильного сопротивления поначалу и другие батальоны 26-го полка СС, атаковавшие к северу от Бизори. Но гренадеры 25-го полка СС, действовавшего вместе с танковым полком, на подступах к Бизори попали под обстрел американской артиллерии и танков и остановились. Вечером, во время рекогносцировки, на которую он отправился в одиночку (!), Вернер Дамш был ранен осколками снаряда в обе ноги. Несколько часов он пролежал на открытой местности, пока его не подобрал мотоцикл из I батальона танкового полка дивизии и под артиллерийским обстрелом противника не доставил на перевязочный пункт.

Таким образом, за четыре дня боев части «Гитлерюгенд» лишь неглубоко вгрызлись во вражескую оборону. Дивизия была предельно измотана, батальоны понесли тяжелейшие потери и стремительно теряли боеспособность. Боевой состав II батальона 26-го полка СС сократился до 16 унтер-офицеров и солдат. 7-я рота в боях 3—7 января потеряла 23 человек убитыми, почти 50 ранеными и 21 пропавшим без вести. Справедливости ради следует сказать, что противник также был в серьезном положении, в частности, противостоящая «Гитлерюгенд» американская 6-я бронетанковая дивизия. Американские войска на фронте у Бастони были сильно измотаны, и, если бы немцы предприняли еще одно решительное усилие, то не исключено, что Бастонь бы наконец пала. Однако именно на последнее усилие у немцев не хватало ни сил, ни средств. Танковые дивизии были измотаны и нуждались в переформировании. Исходя из этого, штаб 5-й танковой армии отдал приказ о смене 12-й танковой дивизии СС 340-й народно-гренадерской дивизией и о выводе ее в корпусной резерв. Смена началась в ночь на 6 января.

Однако уже 7 января фельдмаршал Модель приказал Краасу захватить высоту 501, западнее Магерета. Понятное дело, что энтузиазма этот приказ не вызвал: дивизия была предельно истощена и уже уходила с линии фронта. Все попытки Крааса добиться отмены приказа не удались. Для штурма был выделен последний резерв дивизии, саперный батальон, состоявший, как мы помним, лишь из одной 2-й роты. Тауберт и командир роты Рихтер были вызваны на командный пункт дивизии для инструктажа, где им обрисовали задачу, после чего командир дивизии лично отправился с офицерами на рекогносцировку.

Сосредоточение 2-й саперной роты проходило в Магерете, туда же прибыла и рота народных гренадер под командованием некоего гауптманна, которая должна была сменить эсэсовских саперов сразу же после захвата хорошо укрепленной высоты. Краас, понимая, что сил одной слабой саперной роты (в ней насчитывалось всего 80 человек) будет недостаточно для штурма высоты, дополнительно подчинил Тауберту еще и дивизионную роту сопровождения Эрвина Штира, которая прибыла в Магерет в ночь на 8 января.

Атака началась в 07:30 8 января. Эсэсовские саперы атаковали яростно, по-другому и не скажешь. Несколько вкопанных в землю американских танков были уничтожены взрывчаткой и огнеметами. Пехотинцы противника оказали серьезное сопротивление, основные потери саперы понесли от ружейно-пулеметного огня противника. Все же около 09:39 высота была захвачена, о чем Рихтер доложил в штаб дивизии. Оттуда его заверили, что скоро придет смена из состава армейской дивизии. Однако вовремя армейцы не пришли, а американцы, быстро оправившись от потрясения, контратаковали высоту пехотой с десятью танками. После этого эсэсовцы были выбиты с высоты, подбив при этом два танка, оба на счету гауптшарфюрера СС Хофманна, командира 2-го взвода. Рихтер отвел своих людей в Магерет, откуда утром они пошли в атаку. Потери роты составили 35 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Тем временем дивизионная рота сопровождения, которая должна была прикрывать левый фланг Рихтера, увязла под огнем противника и даже не смогла выйти к высоте. Они нарвались на позицию американских танков и понесли потери, в итоге к 11 часам утра Штир откатился к исходным позициям у

Магерета. На помощь ему пришли танки из I батальона, которые в завязавшемся бою подбили семь вражеских машин.

Штурм высоты 501 стал последней боевой акцией дивизии СС «Гитлерюгенд» в Арденнской операции. Дивизию перебросили в район Дейфельдта (15,5 километров на юго-запад от Сент-Витта). При этом танки и «Панцерягеры» дивизии оставались на передовой до 10 января, входя в резерв корпуса. 9—10 января они принимали участие в боевых действиях, поддерживая 26-ю народно-гренадерскую дивизию. Правда, из-за лесистой местности и нехватки топлива особых лавров танкистам дивизии снискать не удалось. Кроме этого, различные разведывательные задания выполнял 12-й разведывательный батальон СС, подчиненный напрямую штабу корпуса.

В это же время командир II танкового батальона (переформировывался в Германии) Ганс Зигель прибыл в дивизию. Ему поручили организовать эвакуацию всех подбитых танков

Командир II танкового батальона Ганс Зигель в Фаллингбостеле

I батальона на всех участках действий дивизии, для их дальнейшего ремонта. Танки, которые невозможно было эвакуировать, предписывалось взорвать.

Вскоре дивизия была выведена в район Кельна на отдых и пополнение. 12 января II батальон Альфонса Отта из 26-го полка СС получил одного офицера (унтерштурмфюрер СС Шпроте), четырех унтер-офицеров и 24 солдата. По штату в батальоне должно было быть 27 офицеров, однако в данный момент их было всего 10, причем два из четырех командиров рот были резервистами 28—30 лет и, хотя и имели высокий боевой дух, но не имели никакого боевого опыта. В других подразделениях дивизии ситуация была не лучше.

12 января на советско-германском фронте началось очередное крупное наступление Красной армии[1]. Резервы для его отражения у Третьего рейха отсутствовали, в результате 6-я танковая армия была снята с Западного фронта для переброски на Восток. 18 января в штабе дивизии был получен приказ об отбытии с Западного фронта для подготовки к контрнаступлению на Востоке. По немецким архивным данным, которые приводит историк В.М. Кулиш, эта армия после отвода с Запада имела в своем составе пять танковых дивизий и

[1] В советской, а часто и в современной российской историографии большое распространение имеет утверждение о том, что главным фактором, повлиявшим на итоговую неудачу для немцев битвы в Арденнах, стало зимнее наступление Красной армии, которое заставило Гитлера перебросить на восток наиболее боеспособные дивизии с запада. Мы не будем анализировать здесь это утверждение, а только констатируем, что наступление советских войск началось 12 января, — к этому времени бои в Арденнах шли уже четыре недели, а решительного успеха немцы там так и не достигли, да и особых перспектив на громкую победу у них к 12 января уже не было.

два отдельных танковых батальона, в которых насчитывалось 404 танка, 40 штурмовых орудий и 634 бронетранспортера[1]. Таким образом, потери немцев в танках не были такими огромными, как пишут западные историки, а 6-я танковая армия была вполне боеспособна.

Итоги и выводы операции «Вахт ам Райн»

Войска СС, по плану операции «Вахт ам Райн», должны были сыграть главную роль в успехе немецких армий. Важно помнить, что, несмотря на свое практически полное штатное укомплектование, ни одну из дивизий СС нельзя сравнить с дивизиями, принимавшими участие, например, в захвате Харькова в марте 1943 г., Курской битве или же в сражении за Нормандию. Если в этих сражениях это было полностью отлаженные механизмы, то в Арденнах — лишь бледные тени знаменитых дивизий. Положение в дивизии СС «Гитлерюгенд» лишь отражает общую тенденцию, характерную для всех дивизий СС на этом этапе войны. Личный состав дивизии был недостаточно, чтобы не сказать — плохо, обучен, а большое число офицеров не имело боевого опыта. Снабжение вооружением, боеприпасами и топливом, не говоря уже о продовольствии и амуниции, также не выдерживало никакой критики.

Исходя из этих факторов, достигнутые эсэсовцами результаты никак нельзя назвать выдающимися. Даже окутанное легендами продвижение боевой группы Пайпера, как оказалось, не имело никакого значения для развития боевых действий на других участках фронта 6-й танковой армии и других не-

[1] *Кулиш В.М.* История Второго фронта. С. 546.

мецких армий. Но в этом нет вины солдат и офицеров этих формирований. В трудных условиях они шли и шли вперед, преодолевая все увеличивающееся сопротивление американцев. Это тем более примечательно, что, как уже отмечалось, уровень качества рекрутов в этих соединениях был понижен до предела, но сама атмосфера элитных частей способствовала высокому боевому духу эсэсовцев. Однако не нужно забывать, что плечом к плечу с ними сражались парашютисты, зенитчики, военнослужащие других армейских частей.

В то же время на южном фланге наступления, где наступала 5-я танковая армия фон Мантойфеля, немцам также не удалось добиться больших успехов. Бастонь так и не была взята, застряв как кость в горле у наступающих немецких армий. Хотя армейские танковые дивизии Мантойфеля продвинулись на несколько десятков километров дальше, чем эсэсовцы (что отчасти объясняется лучшим состоянием дорог, по которым шло их наступление), результатов это в конечном счете не дало. Для решительного штурма Бастони были привлечены танковые дивизии СС, в том числе и «Гитлерюгенд», но результата это не дало — Бастонь, повторимся, так и не была взята.

Арденнское наступление с полным правом можно назвать «буксовавшим наступлением». Ресурсов немецкой армии на декабрь 1944 г. оказалось явно недостаточно для наступления с такими амбициозными целями. О нехватке горючего уже говорилось выше. Злую шутку с надеждами немцев на успех сыграла погода (обусловленная временем года) и местный рельеф. Отсутствие подходящих для прохода тяжелой техники мостов и хороших дорог вызвало ужасные пробки и столпотворения в первые часы и даже дни наступления, что проявилось в потере драгоценного времени. Тяжелые немецкие танки с

трудом продвигались вперед по узким, раскисшим дорогам, темпы наступления хваленых подвижных войск вермахта никак нельзя назвать высокими[1]. В итоге все боевые действия в заросшей лесом танконедоступной местности Арденн свелись к сражениям за дороги. А опыт дивизии СС «Гитлерюгенд» показал, что использование бронетехники вне дорог было удовольствием дорогим и абсолютно бесперспективным.

Мало оправдало себя и использование противотанковых самоходок в качестве штурмовых орудий поддержки пехоты. Все опасения, высказанные Брокшмидтом перед началом операции, полностью оправдались.

Еще одним важным фактором провала немецкого наступления стало, как ни странно, отсутствие у командования гибкости в управлении войсками. Лобовые атаки Зеппа Дитриха не приносили желаемого успеха, а только перемалывали немецкие силы. Даже среди эсэсовцев росло раздражение таким стилем командования. Американский генерал Омар Бредли упоминает в своих мемуарах о том, как один раздраженный немецкий военнопленный из 6-й танковой армии сердито зарычал, услышав на допросе имя своего командующего армией. «Зепп Дитрих, — резко сказал он, — из него не выйдет даже мясник»[2]. Некоторые авторы считают, что даже через неделю после начала операции немцы все еще сохраняли

[1] Лучше всех о качестве дорог высказался тот, кто все ощутил на себе, — Пайпер: «Дорога “Лейбштандарта” не годится для танков, разве что для велосипеда».

[2] По распространенному заблуждению считается, что до Первой мировой войны Дитрих был учеником мясника. На самом же деле, если верить английскому историку Ч. Мессенджеру, он работал посыльным у булочника.

возможность прорыва к Льежу и Намюру — для этого нужно было совершить обходной маневр вокруг левого крыла 1-й американской армии. Однако ОКВ упорно придерживалось первоначального плана, а именно: нанесение главного удара на севере, даже когда стало ясно, что он захлебнулся, а превосходство союзников в людях и бронетехнике, не говоря уже про артиллерию и авиацию, стало подавляющим. Вся порочность немецкой стратегии наглядно отразилась на действиях 12-й дивизии СС, которую постоянно перебрасывали с места на место, на новом месте кидали в атаку, как правило, после долгого марша. Причем все атаки были слабо подготовлены и без достаточной артиллерийской поддержки — артиллерия дивизии либо все еще была на марше, либо не имела целеуказаний, а когда все же открывала огонь, то была вынуждена экономно расходовать боеприпасы.

Анализ показывает, что практически все начинания дивизии СС «Гитлерюгенд» в Арденнах закончились либо явной неудачей, либо, в лучшем случае, безрезультатно. Правда, были достигнуты локальные успехи и «маленькие победы», однако значимой роли они не имели. Общие потери дивизии в Арденнской операции неизвестны до сих пор. Есть данные, что с 17 декабря 1944 г. по 8 января 1945 г. дивизией безвозвратно было потеряно 27 офицеров, в основном командиры рот и взводов. Интересно, что, согласно данным американского историка С. Митчема, потери дивизии составляют 9870 человек только пленными, из них 328 офицеров и 1698 унтер-офицеров[1]. Понятно, что эти потери не подтверждаются немецкими документами и являются сильно завышенными.

[1] *Mitchem S.* Panzers in Winter, p. 160.

Глава 5
В БОЯХ С КРАСНОЙ АРМИЕЙ

Тем временем тяжелые поражения вермахта в Венгрии поставили под угрозу контроль Германии над венгерскими нефтяными промыслами. Исходя из этого, Адольф Гитлер задумал нанести в Венгрии решительный контрудар по советским войскам. Все протесты начальника Генерального штаба Гудериана, требовавшего направить все резервы на Одерский фронт, Гитлер отмел: «Я собираюсь атаковать русских там, где они меньше всего этого ожидают! 6-я танковая армия идет на Будапешт! Если мы начнем наступление в Венгрии, русским придется отступить». Затем фюрер сделал упор на значении венгерского нефтеперерабатывающего комплекса для немецкой военной машины: «Если у вас кончится горючее, ваши танки остановятся, а самолеты не взлетят. Вы должны это понимать. Но мои генералы ничего не смыслят в военной экономике»[1].

Задуманная в Венгрии крупная наступательная операция получила наименование «Пробуждение весны». Для ее осуществления немцы сосредоточили 2-ю танковую и 6-ю танковую СС армии, 6-ю общевойсковую армию и оперативную группу «Бальк». Суть операции заключалась в том, чтобы сильным ударом на Балатонско-Будапештском направлении разрезать 3-й Украинский фронт, после чего повернуть на север и юг, уничтожить основные части и соединения фронта и, пройдя по тылам 2-го Украинского фронта, уйти на территорию Чехословакии, перебросив, таким образом, танковые части на центральное направление. Успех такого амбициоз-

[1] *Кросс Р.* Последние дни рейха. С. 76.

ного плана сулил немало тактических перспектив, и поэтому решение Гитлера об ударе в Венгрии следует признать вполне обоснованным.

Переброска дивизии из района Кельна на Восточный фронт началась 20 января 1945 г. Офицерам дивизии, возвращающимся из отпусков, было приказано явиться в район Шнайдемюль.

Уже в начале февраля 1945 г. «Гитлерюгенд» оказалась в Западной Венгрии. Весь процесс передислокации 6-й танковой армии СС был окутан большой секретностью: например, в документах дивизию обозначили как «Запасное подразделение «Викинг»[1], а ее танково-гренадерские полки получили обозначение «Строительные штабы». Подобная маскировка коснулась всех частей 6-й танковой армии СС, а сам штаб армии именовался «Штабом старшего начальника инженерных войск в Венгрии»[2]. Впрочем, для советской разведки переброска 6-й танковой армии СС на Восточный фронт секретом не являлась, правда, участок фронта, для которого она предназначалась, оставался под вопросом. По данным советских разведчиков, проанализировавших состав 6-й танковой армии СС, дивизия СС «Гитлерюгенд» на 31 января 1945 г. насчитывала 9000 человек и 40 танков[3], что, как мы увидим далее, в принципе было недалеко от истины.

Дивизия оказалась одной из первых частей 6-й танковой армии СС, прибывших в Венгрию. Параллельно происходило пополнение частей и подразделений: например, III батальон 26-го полка СС пополнился как личным составом, так и новыми бронетран-

[1] По немецки — «Ersatz-Staffel Wiking». См.: *Bender R., Taylor H.* Uniforms, organization and history of the Waffen SS. Vol. 3, p. 122.

[2] По немецки — «Baustabe». *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 379.

[3] *Соколов Б.* Красная армия против войск СС. С. 386.

Гренадеры СС проходят через венгерскую деревню

спортерами. В частности, 9-я рота получила 22 бронетранспортера. Основу пополнения составляли бывший технический персонал из люфтваффе и кригсмарине, главным образом унтер-офицеры. Поскольку часть из них была оружейниками и специалистами по обслуживанию 20-мм орудий, то они пришлись очень кстати.

Также в дивизию направлялись чины Альгемайне СС и полиции. Среди пополнения прибывшего в дивизию выделялся оберфюрер СС Бернгард Фишер-Шведер, ветеран нацистской партии (партийный билет № 17 141), бывший начальник СС и полиции округа Харьков. В январе 1945 г. он вступил в дивизию, в войсках СС получил звание унтерштурмфюрера СС резерва[1].

[1] *McLean F.* The Field men. The SS officers who led the Einsatzkommandos — the Nazi mobile killing units, p. 56.

Впрочем, большие проблемы оставались в вопросе укомплектования дивизии танками. Смешанный I батальон фон Риббентропа был сильно потрепан в Арденнах и нуждался в переоснащении. В свою очередь, II танковый батальон (также смешанный) Ганса Зигеля наконец-то закончил свое переформирование. В итоге I батальон (1-я, 3-я, 5-я и 6-я роты) был выведен в Фаллингбостель на пополнение (передав уцелевшие танки во II батальон), а ему на смену пришел II батальон (2-я, 4-я, 7-я и 8-я роты). Так что фактически организация танкового полка осталась, как и была перед Арденнами. На 10 февраля батальон имел 44 «Пантеры» (из них шесть было получено от I батальона) и 38 Pz-IV (14 получено из I батальона; интересно, что еще четыре танка прибыли из арсенала Вены).

Противотанковый дивизион на 1 февраля насчитывал всего 13 «Ягдпанцеров» (в 1-й роте — семь и шесть во 2-й), а также восемь 75-мм противотанковых орудий PAK-40 — в 3-й роте.

Артиллерийский полк на 10 февраля располагал 34 легкими полевыми гаубицами калибра 105 мм, двумя самоходками «Веспе», девятью тяжелыми полевыми гаубицами калибра 150-мм, тремя 100-мм орудиями. Минометный дивизион был вооружен 24 минометами «Небельвефер».

Зенитный дивизион имел восемнадцать 88-мм зениток в трех батареях и двадцать две 37-мм зенитки. Также в дивизионе было две самоходки «Вирбельвинд» со счетверенными 20-мм орудиями.

Очень серьезное положение было с автотранспортом. В дивизии сильно не хватало командирских машин. Укомплектование частей дивизии автомобилями было лишь на 63,8 %, грузовиками — на 78,2 %, тягачами — 44,5 %, мотоцикла-

ми — 34,4 %. При этом необходимое количество запчастей также отсутствовало, что превращало любой ремонт в крайне сложное занятие.

Но вот с чем все в дивизии было в порядке, так это с боевым духом. Удивительно, но даже сейчас, зимой 1945 г., после череды тяжелых поражений и откровенных неудач, солдаты дивизии были полны надежды переломить ход событий в пользу Третьего рейха. Причем даже пополнение из бывших авиаторов и моряков быстро проникалось идеями эсэсовского товарищества, избранности, корпоративности и моральными идеалами. Еще один характерный штрих — все выздоравливающие раненые стремились попасть прежде всего в свою прежнюю часть. Чувство долга ставилось на первое место. В документах штаба дивизии зафиксирован показательный эпизод, произошедший 17 февраля. В этот день командир 7-й роты 26-го полка СС оберштурмфюрер СС Вернер Лебзин передал в штаб батальона 4005 рейхсмарок — деньги, собранные личным составом роты для помощи Немецкому Красному Кресту.

30 января 1945 г. командир дивизии Хуго Краас был произведен в оберфюреры СС.

В район сосредоточения в Венгрии все части «Гитлерюгенд» прибыли к 10 февраля. Уже скоро дивизию ожидали новые бои с новым противником — Красной армией.

Одной из предпосылок осуществления операции «Пробуждение весны» была ликвидация советского плацдарма на реке Грон севернее Эстергома[1], удерживаемого 7-й гвардейской

[1] По-немецки Эстергом называется Гран, и именно так он именуется в западных источниках. Этот плацдарм был образован 26 декабря 1944 г., когда 7-я гвардейская армия подошла к Дунаю севернее Эстер-

армией генерала Шумилова. Для этой цели на 17 февраля была назначена ограниченная наступательная операция «Южный ветер», для реализации которой привлекались крупные силы 8-й армии вермахта, в частности, танковый корпус «Фельдхернхалле», и в том числе дивизии СС «Лейбштандарт» и «Гитлерюгенд».

В ночь на 14 февраля дивизия начала выдвижение на исходные позиции. Марши осуществлялись только по ночам, сосредоточение дивизии проходило вплоть до раннего утра 17 февраля. Командный пункт был развернут в местечке Колта.

Рано утром 17 февраля немецкие войска перешли в наступление. 1-я танковая дивизия СС вместе с 46-й пехотной дивизией с утра атаковала советские позиции в направлении Арад — Пушта и канала Паризш. Эсэсовцы и армейские пехотинцы сумели сломить противотанковую оборону противника и достигли канала, однако отступающие советские войска взорвали мост прямо под носом у немцев.

Между тем из-за задержки в сосредоточении дивизия СС «Гитлерюгенд» находилась во втором эшелоне и поэтому вступила в бой только в полдень 17 января, на правом фланге «Лейбштандарта». Справа атаковал 25-й полк СС, а 26-й — слева. Около 21:00 I батальон штурмбаннфюрера СС Костенбандера из 26-го полка СС создал небольшой плацдарм через канал. В 00:45 18 февраля II батальон гауптштурмфюрера СС Отта достиг перекрестка в 800 метрах юго-восточнее линии Паризш — Пушта. Оба батальона сразу же окопались на достигнутых позициях и стали ожидать подкреплений. Совет-

гома и соединилась с войсками 3-го Украинского фронта, вышедшими в этот район с юга. В результате была окружена будапештская группировка вермахта.

ские войска даром времени не теряли — они контратаковали батальон Отта силами до батальона пехоты при поддержке двух танков Т-34 и противотанковой артиллерии. В последовавшем жестоком бою эсэсовцы удержали свои позиции. Отбив атаку, Отт продвинулся вперед на юг, заняв еще 350 метров холмистой территории.

Между тем немцы нашли брод через канал, по которому можно было бы переправить бронетехнику. Вперед тут же были отправлены разведывательные патрули на бронетранспортерах из состава III батальона штурмбаннфюрера СС Германа Бранда из 26-го полка СС. При этом в трех километрах восточнее, у Гюивы, «Лейбштандарт» также сумел создать небольшой плацдарм через канал, однако в том месте было невозможно переправить технику.

Захват этих плацдармов стал едва ли не основным успехом наступающей немецкой группировки. Теперь, имея плацдармы, командование 8-й армии приказало усилить атаку на Эстергом. Командующий 8-й армией генерал горнострелковых войск Крейзинг опасался, что если упустить время, то советские войска смогут организовать новую линию обороны южнее.

С рассветом 18 февраля имперская гренадерская дивизия «Хох унд Дойчмейстер» форсировала канал возле местечка Кис-Уйфалу. К 12:50 эсэсовские танки также сумели переправиться здесь. Сопротивление советских войск было быстро сломлено, уже после полудня части «Хох унд Дойчмейстер» и 26-го полка СС на левом фланге захватили город Кюбюлкут и высоты с индустриальным районом к северу от него. При этом I батальон вошел в город с востока. III батальон оперировал вместе с частями «Хох унд Дойчмейстер». В районе высот немцами был найден один из двух бронетранспортеров, не

вернувшихся из ночного разведывательного рейда. Он застрял в придорожной канаве. Рядом были обнаружены тела зверски убитых красноармейцами членов экипажа.

Пока шли бои за Кюбюлкут, II батальон 26-го полка СС атаковал на юг. Эсэсовцы заняли высоту 186 и продвинулись в направлении на Парканы. Там они создали блокирующую позицию, прикрыв направления с юга и юго-востока. Одновременно на юг в нескольких направлениях продвинулись части «Лейбштандарта», «Хох унд Дойчмейстер» и танковый батальон «Фельдхернхалле».

В ночь на 19 февраля бронированная группа дивизии СС «Гитлерюгенд» сосредоточилась юго-западнее Кюбюлкута. В 05:30 она атаковала, с III батальоном 26-го полка СС на острие. Атака проходила вдоль дороги Кюбюлкут — Музшла. За гренадерами двигался II танковый батальон. Вскоре бронетранспортеры III батальона попали под огонь советской артиллерии из района Музшла и приостановили продвижение. После этого вперед выдвинулись танки, со 2-й ротой оберштурмфюрера СС Гельмута Гаеде во главе. Советские войска не обладали здесь достаточными силами, но все же попытались дать отпор. Тем не менее танкисты быстро сломили сопротивление, и еще до рассвета бронегруппа заняла Музшлу. «Спешенные» гренадеры из I и II батальонов 26-го полка СС провели зачистку территории.

25-й полк СС атаковал к северу от дороги Кюбюлкут — Музшла, при поддержке нескольких «Пантер». Советские войска отходили и не оказывали упорного сопротивления, куда больше эсэсовцев тормозило состояние дорог.

Тем временем бронегруппа перегруппировалась для атаки на Парканы — городка на восточном берегу Дуная прямо на-

Гельмут Гаеде (на фото в звании унтерштурмфюрера СС), командир 2-й роты 12-го танкового полка СС

против Эстергома. В этот момент ее расположение неожиданно накрыл залп советских «Катюш». В результате этого огневого налета смертельное ранение получил оберштурмбаннфюрер СС Бернгард Краузе, командир 26-го полка СС. Нелепая гибель популярного командира шокировала личный состав полка. Его место занял штурмбаннфюрер СС Эрих Костенбандер, сдавший свой I батальон гауптштурмфюреру СС Шмидту.

Несмотря на все трудности, атака бронегруппы на Парканы началась около полудня. С северо-запада к атаке подключился танковый полк «Лейбштандарта», а с юго-запада — полковая группа Хупе из 96-й пехотной дивизии, поддержанная 12 штурмовыми орудиями. Также в штурме принял участие штурмовой взвод 711-й пехотной дивизии. Советское командование пыталось организовать оборону: в частности, дивизия СС «Гитлерюгенд» была атакована танками Т-34. II танковый батальон уверенно встретил их контратаку, подбил несколько Т-34 и отбросил остальные танки в Парканы. Затем эсэсовцы ворвались в городок, где закипел жестокий уличный бой, в котором 9-я рота 26-го полка СС потеряла два бронетранспортера. Танкисты СС ответили на это несколькими уничтоженными советскими

танками. Участие в захвате Паркан стал главным успехом для дивизии 18 февраля.

19 февраля активных боевых действий не велось — немецкое командование, не имея существенных данных о противнике и о ситуации на фронте, думало, что делать дальше. Парканы были взяты, однако плацдарм противника был еще не ликвидирован — на севере от Паркан советские войска удерживали городки Барт, Бени, Кеменд, а также отдельные деревни. Немецкая разведка зафиксировала на плацдарме четыре советские дивизии (72-я, 81-я и 93-я гвардейские стрелковые дивизии, 6-я гвардейская десантная дивизия), не считая частей усиления.

Результатом всего этого стало решение перенацелить дивизию СС «Гитлерюгенд» на новый участок — дивизии Крааса предписывалось атаковать Барт. 20—21 февраля шла переброска дивизии в район южнее Фарнада, то есть практически на исходные позиции, в 55 километрах (!) к северо-западу от Паркан.

Пока дивизия еще только сосредотачивалась, в направлении на Барт был отправлен разведывательный патруль с целью прояснения обстановки. Из добытых разведывательных данных следовало, что противник настроен решительно, а Барт хорошо укреплен. Кроме того, местность перед городком была полностью открытой, без естественных укрытий, поэтому при дневной атаке ожидались большие потери. Исходя из этого, атаку Барта было решено провести ночью на 22 февраля. 25-й полк СС должен был атаковать справа, а 26-й — слева; бронегруппа дивизии должна была следовать за 26-м полком СС. С наступлением темноты батальоны выступили на исходные позиции для атаки. Погодные условия развертыванию диви-

зии не благоприятствовали — было холодно, но недостаточно морозно, чтобы сковать размокшую землю. Вдобавок повсюду царила неразбериха: в целях маскировки люди и техника двигались в полной темноте, что неизбежно должно было вызвать затруднения или того хуже — инциденты. Последние не заставили долго себя ждать. Кульминация наступила, когда танки обстреляли из пулеметов 2-ю роту 26-го полка СС, приняв их за противника. Командир роты унтерштурмфюрер СС Альфред Шульте и еще четыре человека погибли на месте, еще восемь военнослужащих получили ранения. Хуже того, неожиданная стрельба встревожила советские войска в Барте и те открыли превентивный огонь из минометов и пулеметов.

Тем не менее в 04:45 II танковый батальон пошел в атаку на Барт с севера. Одновременно германская артиллерия и минометы открыли огонь по выявленным позициям противника. На подступах к Барту танки попали на нераскрытое советское минное поле, и несколько машин, включая танк командира батальона Зигеля, остановились с поврежденными траками. Здесь танкистам СС в очередной раз пришлось демонстрировать свое мужество — под огнем противника они сумели отремонтировать гусеницы, после чего все танки отошли без потерь.

Атака 25-го полка СС была плохо организована, началась с опозданием и была встречена сильным огнем артиллерии и минометов, включая «Катюши», гренадеры понесли тяжелые потери, а их атака была на грани срыва. Однако в критический момент бронетранспортеры 9-й роты 26-го полка СС на левом фланге сумели найти проход в советских минных полях. Атаку возглавил оберштурмфюрер СС Дитер Шмидт. Развивалась она также «со скрипом», некоторые машины были подбиты советскими артиллеристами, а часть бронетранспортеров

застряла в грязи. Тем не менее три бронетранспортера таки прорвались в Барт с севера. Эффективную поддержку огнем им оказали танки II батальона. Советская оборона дала первую трещину, в которую вошли остальные части III батальона. После этого активизировался 25-й полк СС, ворвавшийся в Барт и завязавший бои за западную часть городка.

В Барте завязались упорные уличные бои, красноармейцы были не намерены уступать противнику ни клочка земли. Бой шел всю ночь. Наутро советские войска попытались поддержать гарнизон Барта и атаковали вдоль дороги из Бени, однако II батальон 26-го полка СС сумел отразить эту атаку. Одновременно части 211-й народно-гренадерской дивизии вышли к Барту с юга, однако участия в бою так и не приняли — дело было уже сделано эсэсовцами. Бои в городе медленно, но верно стихали — эсэсовцы сумели сломить сопротивление советских войск. 25-й полк СС провел зачистку города, а 26-й полк СС был выведен из Барта. В качестве трофеев эсэсовцам достались два неповрежденных Т-34, шесть 172-мм гаубиц, в плен было взято 80 красноармейцев, среди них — один полковник[1].

После взятия Барта дивизия начала подготовку к дальнейшим действиям. Теперь перед ней стояла задача захватить городок Бени на реке Гран. Ситуация здесь была во многом схожа с тем, что наблюдалось в Барте. Местность также была полностью открытой, а разведка показала, что деревня хорошо укреплена. Исходя из этого, атаку снова назначили на ночь. Дивизия должна была действовать вместе с 211-й народно-гренадерской дивизией. Атака была назначена на 2 часа ночи 24 февраля.

---

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 399.

От «Гитлерюгенд» в штурме Бени приняли участие бронегруппа и 26-й полк СС, в то время как 25-й полк СС оставался на позициях у Барта. Бои за Бени были похожи на то, что происходило в Барте. Советские войска оказались готовы к отпору и встретили эсэсовцев плотным огнем. При штурме советских позиций у железнодорожной насыпи I батальон 26-го полка СС понес большие потери, а его атака захлебнулась. С первыми лучами света Краас бросил им в поддержку танки, в количестве двух штук. Им удалось заставить замолчать несколько огневых точек противника, огонь стих, после чего 2-я рота 26-го полка СС, до этого беспомощно скучившаяся в придорожном кювете, начала продвигаться вперед. Гренадеры ворвались на советские позиции, в ход пошли саперные лопатки, штыки и пистолеты, в рукопашном бою сопротивление красноармейцев было сломлено. Танки уничтожили отдельные противотанковые позиции и подбили несколько Т-34. Так была пробита первая брешь в советской обороне. После этого «плотина рухнула», гренадеры 26-го полка СС ворвались в Бени и к 08:30 взяли его под контроль. Правда, мост через Гран был взорван красноармейцами, как только к нему приблизились эсэсовцы. Тем временем 211-я народно-гренадерская дивизия закрепила успех, захватив деревню Ленд-Пушта. В этот же день немцами был захвачен Кеменд и ликвидированы последние очаги сопротивления противника. Советский плацдарм у Эстергома перестал существовать. Как отметил С.М. Штеменко: «Гвардейцы упорно сопротивлялись несколько дней, но враг все же вынудил их отойти на восточный берег Грона»[1].

[1] *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. Т. 2. С. 251.

В боях за ликвидацию плацдарма 17—22 февраля немцы нанесли 7-й гвардейской армии тяжелое поражение. На поле боя осталось 2069 погибших красноармейцев, 537 было захвачено в плен; кроме этого, по немецким расчетам, погибло еще не менее 850 советских солдат. Был уничтожен 71 танк, уничтожено или захвачено 75 противотанковых орудий и 45 пехотных орудий и гаубиц, сбито три самолета[1].

Согласно этому же источнику, потери немцев точно неизвестны, однако указанно, что они были тяжелыми. По данным российского историка Б. Соколова, всего потери немцев составили 3000 убитыми и ранеными[2]. Все же известно, что 12-я дивизия СС безвозвратно потеряла шесть офицеров, среди погибших был врач II танкового батальона гауптштурмфюрер СС доктор Оскар Йордан. Но самой большой потерей была гибель Бернгарда Краузе.

Дивизия СС «Гитлерюгенд» хорошо показала себя в этих боях. Достигнутые успехи, особенно после неудач боев в Арденнах, подняли боевой дух личного состава.

Также следует отметить, что ликвидация плацдарма у Эстергома раньше времени рассекретила далеко идущие планы немецкого командования на балатонском участке фронта. В плен попало несколько военнослужащих-эсэсовцев из I танкового корпуса СС, поэтому его наличие на этом участке фронта уже не было секретом для советского командования. Как отметил С.М. Штеменко, «враг поступил опрометчиво. Правда, он лишил нас выгодного исходного рубежа для наступления на Вену, каким был плацдарм за Гроном, но зато потерял наиболее важный фактор успеха — внезапность»[3].

---

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 402.

[2] *Соколов Б.* Красная армия против войск СС. С. 389.

[3] *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. Т. 2. С. 251.

Дивизия перед Балатонской операцией

После успехов конца февраля немецкие войска активно готовились к операции «Пробуждение весны». Дивизии пополнялись личным составом. Так, дивизия СС «Гитлерюгенд» получила в качестве пополнения 23 офицера, 60 унтер-офицеров и 1040 солдат. Большинство последних были бывшими моряками кригсмарине. После этого боевая мощь дивизии составила: один усиленный, один «полуусиленный» и пять «средних» гренадерских батальонов. Очень не хватало боевой техники. Дивизия имела лишь девять «Пантер», 12 Pz-IV, 13 «Ягдпанцеров», 12 тяжелых противотанковых орудий и два зенитных «Вирбельвинда». Приданный дивизии 560-й тяжелый противотанковый дивизион располагал шестью «Ягдпантерами» и восемью «Панцерягерами». Артиллерийский полк имел шесть легких и одну тяжелую батареи и четыре батареи «Небельвеферов» в минометном дивизионе. Уровень моторизации дивизии едва достигал 50 %. Неудивительно, что командование оценивало боеготовность дивизии, как «наполовину боеспособная». Отметим, что в «Лейбштандарте» ситуация была не лучше. Так, из бронетехники в дивизии было 26 «Пантер», 14 Pz-IV, 15 штурмовых орудий, 6 зенитных танков. Так что всего в дивизиях I танкового корпуса СС насчитывался 61 танк, 15 штурмовых орудий, 27 противотанковых самоходок, 8 зенитных танков[1].

Отметим, что в современной отечественной историографии часто отмечается тенденция всяческого преувеличения

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 404.; *Исаев А. Коломиец М.* Разгром 6-й танковой армии СС. С. 98.

мощи дивизий немецкой группировки, по-видимому, в целях оправдания тяжелых потерь Красной армии в боях с этой группировкой. Так, о числе бронетехники в немецких частях сообщается вскользь, а большое внимание уделяется штатным расписаниям, где показывается, сколько и чего должна была иметь танковая дивизия СС, забывая упомянуть, что всего этого она не имела. Иногда также приводится заведомо неправдивая информация. Так, в некоторых изданиях указано, что дивизия СС «Гитлерюгенд» имела на 5 марта 13 самоходок Stug-42[1], что не соответствует действительности — ни одной такой машины в дивизии не было.

Пытаясь поднять боеспособность частей, командование предпринимало отчаянные меры. Особенно это коснулось 25-го полка СС. Для начала он получил армейскую роту обер-лейтенанта Каминского. Затем в нем расформировали саперную и разведывательные роты, а личный состав направили на усиление батальонов. Все противотанковые взводы полка объединили в 15-й роте.

При этом формально, на бумаге, дивизия была вполне конкурентоспособна. На 1 марта 1945 г., с учетом тыловых частей и выздоравливающих раненых, в ней насчитывалось 457 офицеров, 2538 унтер-офицеров и 14 428 рядовых — всего 17 423 человека[2].

Прошли некоторые изменения и в командном составе. Так, 12-й танковый полк СС возглавил оберштурмбаннфюрер СС Мартин Гросс. Ганс Зигель остался командиром II танково-

[1] *Исаев А., Коломиец М.* Разгром 6-й танковой армии СС. С. 98.

[2] *Bender R., Taylor H.* Uniforms, organization and history of the Waffen SS. Vol. 3, p. 125.

го батальона, а 560-м тяжелым противотанковым дивизионом командовал майор Гольдаммер.

Выдвижение дивизии на исходные позиции началось уже 26 февраля и проходило до 4 марта. Дивизия сосредотачивалась в районе городка Мезесзентгьорги.

Операция «Пробуждение весны»

Немецкое наступление началось в 4 часа утра 6 марта 1945 г. Удар наносился одновременно в трех местах. Основной удар наносила 6-я танковая армия СС, действовавшая в районе между озерами Балатон и Веленце. Дивизия СС «Гитлерюгенд» атаковала в направлении на город Кишланг. На левом фланге корпуса действовал «Лейбштандарт».

Чтобы сохранить секретность, эсэсовцы не высылали разведывательные патрули перед началом наступления, а использовали данные разведки соседней 23-й танковой дивизии. Тем не менее советское командование имело представление о немецких планах и заранее подготовилось к обороне. На предполагаемых участках немецкой активности была организована многополосная глубоко эшелонированная оборона, при этом особое внимание обращалось на организацию противотанковой борьбы. В целом глубина обороны советских войск составляла 30—50 километров от переднего края[1].

I танковый корпус СС вместе с I кавалерийским корпусом (3-я и 4-я кавалерийские дивизии) должен был атаковать советские позиции между озером Балатон и каналом Шарвиз. План первой

[1] Подробнее о советской обороне смотрите в книге *Исаев А. Коломиец М.* Разгром 6-й танковой армии СС.

атаки дивизии СС «Гитлерюгенд» был следующим: 25-й полк СС, усиленный 1-й (бронированной) саперной ротой, должен был захватить селение Фекете-Пушта. 26-й полк СС (без III батальона), усиленный 2-й саперной ротой, должен был занять селение Одон-Пушта на подступах к Кишлангу. Своими действиями оба полка должны были пробить брешь в советской обороне, в которую планировалось ввести дивизионную бронегруппу, развернутую к северу от Эси-Пушта. Последняя имела приказ продвигаться до канала Шио, обеспечить форсирование которого должна была 3-я рота саперного батальона (4-я саперная рота оставалась в резерве). Атаку гренадер поддерживала дивизионная артиллерия и «Небельверферы». Противотанковый дивизион должен был вступить в бой с рассветом, чтобы поддержать гренадер в борьбе с танками и противотанковыми точками врага. 12-й разведывательный батальон СС оставался в резерве.

Дивизии противостояла 74-я стрелковая дивизия Красной армии и части 233-й стрелковой дивизии 135-го стрелкового корпуса 26-й армии. В среднем в составе этих дивизий было по 4700 человек. При этом средняя численность рот (на 1 марта 1945 г.) в 74-й стрелковой дивизии — 55—60 человек, в 233-й — 30-—35[1]. В дивизиях 26-й армии имелось по 4—5 полковых, 12 дивизионных пушек и семь 122-мм гаубиц[2]. Глубина боевых порядков корпуса была 5—7 километров. В полосе армии имелось 34 противотанковых района.

Температура воздуха 6 марта была около нуля градусов. Однако падающий снег сильно затруднял видимость. Тем не менее, атака дивизии СС «Гитлерюгенд» началась вовремя.

---

[1] *Исаев А. Коломиец М.* Разгром 6-й танковой армии СС. С. 110, 116.

[2] Там же. С. 117.

Советские войска оказали ожесточенное сопротивление. Передовые позиции противника эсэсовцы захватили, но затем атака остановилась. II батальон 26-го полка СС уже в 04:45 увяз в 500 метрах перед своей целью — селением Одон-Пушта. I батальон также успеха не имел. Проведенная разведка боем показала, что красноармейцы имеют здесь хорошо оборудованные позиции, всего советская оборона состояла из двух эшелонов. Советские войска хорошо подготовились к отпору, а с рассветом на головы немцев обрушился огонь артиллерии. Гренадеры понесли тяжелые потери. Ночью земля замерзла, так что окопаться было невозможно, и укрыться от огня эсэсовцам было негде.

Затем над полем боя появилась советская авиация. Зенитчики из 12-го зенитного дивизиона СС сбили один Ил-2, но это было слабым утешением. В конце концов успех был достигнут на фронте I батальона — при поддержке двух «Панцеръягеров» под личным командованием оберштурмфюрера СС Георга Хурдельбринка в 13:30 2-я рота унтерштурмфюрера СС Ганса-Юргена Росса пробила первую брешь в советской обороне. Красноармейцы бежали, бросив тяжелое вооружение.

Однако на фронте II батальона до вечера положение существенно не менялось. Только в 16:00, когда немцы подтянули «Небельверферы», II батальон 26-го полка СС снова пошел в атаку. Однако даже обработка советских позиций из шестиствольных минометов не смогла сломить сопротивление советских войск — атака захлебнулась под огнем «Катюш», минометов и пулеметов противника. Эсэсовцы понесли тяжелые потери, был убит командир 5-й роты унтерштурмфюрер СС Эрнст Дойч. Пытаясь хоть как-то сдвинуть дело с мертвой точки, эсэсовцы запросили поддержку авиации. Налет немец-

ких штурмовиков принес неожиданный успех, и в 17:45, воспользовавшись его результатами, унтерштурмфюрер СС Людвиг Рекерс с несколькими солдатами сумел-таки ворваться на советские позиции. Неожиданно для немцев, в этом случае красноармейцы не стали сопротивляться и быстро оставили позиции. Однако из-за высоких потерь штурмбаннфюрер СС Эрих Костенбандер остановил атаку полка. Предполагалось продолжить ее с утра, с танковой поддержкой.

Что касается 25-го полка СС, то он поначалу в жестоком бою прорвался через передовые советские позиции. Однако с наступлением дня полк также был прижат к земле артиллерийским и минометным огнем противника. В этих условиях в бой был брошен III батальон 26-го полка СС на бронетранспортерах, который стремительным броском под мощным огнем достиг второй линии советских позиций. Последовавший налет советской авиации был отражен, штурмман СС Нольте из 9-й роты 26-го полка СС сбил штурмовик Ил-2 из 20-мм орудия своего бронетранспортера. В общем, эсэсовцы заняли деревню Петершзалас, но затем атака снова была остановлена огнем к северу от Фекете-Пушты. Тяжелые условия местности не позволили бросить в бой танки для поддержки атаки III батальона 26-го полка СС.

«Лейбштандарт» 6 марта столкнулся с теми же трудностями, что и «Гитлерюгенд». В этой связи отметим, что, по советским отчетам, дивизии СС «Лейбштандарт» и «Гитлерюгенд» сконцентрировали на своем сравнительно узком участке до 600 танков. Сообщая об этом, современные российские историки указывают, что это количество явно завышено[1], скромно

[1] *Баронов О.* Балатонская оборонительная операция. С. 59.

умалчивая, что оно завышено в шесть раз (и то, если к танкам обеих дивизий приплюсовать штурмовые орудия и противотанковые самоходки обеих дивизий). А если участь, что танки дивизии СС «Гитлерюгенд» 6 марта в бой не вводились, а на передовой действовали несколько противотанковых самоходок и бронетранспортеров, то такое утверждение советских командиров вообще выглядит странно, если не смешно. Также, по советским данным, средняя плотность немецких танков на один километр фронта составляла 26 единиц[1].

В общем и целом результаты первого дня наступления для немцев были неудовлетворительны.

7 марта была переменная облачность, температура была всего четыре градуса по Цельсию. Падал небольшой снег. Земную поверхность развезло, и танки можно было использовать только ограниченно. Как отметил П. Хауссер: «Особенности местности позволяли использовать только пехоту. Танки и артиллерию можно было задействовать лишь на дорогах и в населенных пунктах»[2].

Рано утром 25-й полк СС снова пошел в атаку на Фекете-Пушта. Красноармейцы оказали яростное сопротивление, и эсэсовская атака увязла к северу от Пушты. 26-й полк СС был более удачлив. В 04:40 II батальон, часть III батальона и танковая рота атаковали Одон-Пушту. Перед атакой саперы из 2-й саперной роты сделали проходы в минных полях для танков и бронетранспортеров. Атака развивалась стремительно, и к пяти утра Одон-Пушта была захвачена. На этом атака полка не остановилась — I батальон 26-го полка СС вскоре занял

[1] *Баронов О.* Балатонская оборонительная операция. С. 59.
[2] *Хауссер П.* Войска СС в бою. С. 570.

Пал-Майор (два километра южнее Одон-Пушты). Усиленный II батальон был остановлен только в трех километрах к югу от Одон-Пушты, недалеко от деревни Араньош-Пушта. Здесь он был контратакован противником. Приданные танки и три самоходки «Гриле» помогли отразить атаку. Впрочем, трофеи эсэсовцев были невелики — батальон захватил три 76-мм противотанковых орудия и два тяжелых пулемета.

Таким образом, успехи дивизии 7 марта также были не слишком впечатляющими. В целом 6-я танковая армия за этот день продвинулась лишь на 2—5 километров.

8 марта также не принесло немцам решительного успеха. Новой целью дивизии СС «Гитлерюгенд» был выбран Дег. 25-й полк СС, III батальон 26-го полка СС и танки шли на острие наступления. К вечеру они достигли точки в трех километрах к западу от Дега, перерезав дорогу Дег — Эниинг. 26-й полк СС начал свою атаку в 05:15, действуя против 233-й стрелковой дивизии в районе Араньош. Полк также продвигался к Дегу. В бою с советской противотанковой артиллерией был потерян один «Панцерягер». К вечеру II батальон достиг группы ферм в четырех километрах от Дега, где был безуспешно контратакован советскими частями. В этот день полк понес серьезную потерю — во время налета советских штурмовиков смертельное ранение получил командир полка штурмбаннфюрер СС Эрих Костенбандер. Новым командиром полка был назначен оберштурмбаннфюрер СС Эрих Браун, один из прежних начальников штаба IX горного корпуса СС[1].

[1] Интересно, что основную карьеру Браун сделал в качестве начальника оперативного отдела дивизии СС «Хандшар» (с 9 марта 1943 г. по 6 июня 1944 г.), откуда и перешел на должность начальника штаба IX горного корпуса СС.

Между обеими танково-гренадерскими полками дивизии находился крупный советский опорный пункт, на дорожной развязке в двух километрах к востоку от Пинкош-Пушты. Он стоял костью в горле для командования дивизии, мешая развертыванию частей для атаки на Дег. Поэтому бронегруппа под командованием Ганса Зигеля получила приказ уничтожить советский оборонительный район в ночной атаке. Группа состояла из двух рот 560-го тяжелого противотанкового дивизиона, нескольких Pz-IV, двух зениток «Вирбельвинд» и части 12-го разведывательного батальона СС — всего до 40 единиц бронетехники разных типов. Атака началась сразу после полуночи. Когда советская артиллерия открыла огонь, Зигель бросил свою группу прямо вперед. Ведя огонь на ходу, танки и бронемашины ворвались на советские позиции. Как вспоминал Зигель: «Этой атакой мы были ошеломлены, наверное, даже больше, чем красноармейцы»[1]. Сопротивление противника было быстро сломлено. Успех был тем ценней, что советский опорный пункт был захвачен без потерь.

Впрочем, советская артиллерия начала обстреливать этот район, и немцы были вынуждены укрыться за броней танков и бронетранспортеров от свистящих осколков. Так, под огнем советских пушек, бронегруппа начала выдвигаться на новые позиции для атаки на Дег. Ближе к утру стремительным броском группа Зигеля заняла деревушку Анталь-Майор со старинным замком, хозяйка которого предложила накормить эсэсовцев завтраком.

Также в ночь на 9 марта 26-й полк СС в районе Араньош атаковал 233-ю стрелковую дивизию и прорвал ее оборону.

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 412.

Однако решительного успеха достичь не удалось ввиду малочисленности немецких сил и недостаточной артиллерийской поддержки. Советские войска организованно отходили.

На 9 марта I танковый корпус СС получил приказ от штаба армии продолжать атаку, сконцентрировать все силы на форсировании канала Шио в районе между Озорой и Шимонторниа. За двумя эсэсовскими дивизиями корпуса следовала 23-я танковая дивизия. Однако первым делом дивизия СС «Гитлерюгенд» должна была захватить Дег.

Атака началась с утра, причем личный состав группы Зигеля, стоявший в замке у села Анталь-Майор, так и не успел позавтракать. Получив приказ на выступление, солдаты бросились в свои машины, и бронегруппа пришла в движение.

Тем временем оба танково-гренадерских полка атаковали на Дег. Решительным ударом Дег был взят, а подоспевшая группа Зигеля вступила в бой с отрядом советских самоходных орудий Су-100 на южной окраине деревни. По-видимому, это были машины из 208-й самоходно-артиллерийской бригады, приданной 26-й армии из резерва фронта. Зигель оценил численность бронетехники противника в дюжину единиц. По его данным, он застал советских самоходчиков

Гауптштурмфюрер СС Ганс Зигель, командир II танкового батальона 12-го танкового полка СС

врасплох, хотя, учитывая активность гренадерских полков СС в Деге, это представляется нам маловероятным. Впрочем, решительного сопротивления самоходки не оказали — потеряв несколько машин, остальные самоходки отступили[1].

После захвата Дега саперы приступили к расчистке густых минных полей вокруг города, в основном обеспечивая проходы для бронетехники. Уже вскоре основная бронегруппа дивизии (III батальон 26-го полка СС и танки) продолжили наступление на юг. 2-я танковая рота оберштурмфюрера СС Гаеде обнаружила отходящую колонну советского автотранспорта. Гаеде бросился в преследование, однако его танки увязли в грязи. На то, чтобы вернуть роте мобильность, ушел весь день — только к вечеру танки были вытащены из грязи. В общем и целом, к вечеру 25-й и 26-й полки СС достигли района севернее и северо-западнее Жилас-Балхаса. Интересно, что гренадеры 26-го полка СС ехали на противотанковых самоходках 12-го противотанкового дивизиона СС. К 21:00 Жилас-Балхас пал перед гренадерами 26-го полка СС. Не останавливаясь, эсэсовцы продолжили продвижение, несмотря на ночь, двигаясь в направлении на Игар. Советские войска оказывали сопротивление, тяжелое ранение получил командир 14-й роты 26-го полка СС гауптштурмфюрер СС Мартин Штольце[2].

Захват дивизией СС «Гитлерюгенд» Дега и ее дальнейшее продвижение открыл в советском фронте брешь, чем немецкое командование было намерено воспользоваться. Теперь планировалось в дополнение к 1-му танковому корпусу СС на левом фланге бросить в прорыв и 1-й кавалерийский корпус

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 414.

[2] Штольце умер на перевязочном пункте в Деге 14 марта 1945 г.

генерала кавалерии Густава Хартенека. В целом, как отмечают современные историки, немцам удалось полностью прорвать главную полосу обороны 3-го Украинского фронта, а части 35-го стрелкового корпуса 26-й армии с большим трудом сдерживали немцев на промежуточной позиции[1]. Однако положение немцев осложнялось тем, что местность оставалась непроходимой для бронетехники, что крайне сдерживало немецкую атаку. Как вспоминал Зепп Дитрих о местности перед фронтом наступления армии: «Повсюду были сырость и болота... 132 танка увязли в грязи»[2].

К 10 марта 1945 г. боевая мощь дивизии СС «Гитлерюгенд» сильно сократилась, особенно в сравнении с тем, что было на 3 марта. Судите сами, гренадерские полки состояли из пяти слабых и одного среднего гренадерских батальонов. В результате 10 марта учебно-запасной батальон дивизии был расформирован, а его личный состав направлен на усиление гренадерских частей. Далее, ударную мощь дивизии составляли лишь шесть танков Pz-IV, девять «Пантер», шесть «Ягдпанцер-IV». Из строя вышли шесть Pz-IV и семь «Ягдпанцеров». Также в дивизии еще оставалось 12 тяжелых противотанковых орудий. 560-й тяжелый противотанковый дивизион на 10 марта имел четыре «Ягдпантеры» и один «Ягдпанцер-IV». Артиллерийский полк располагал 16 легкими полевыми гаубицами и шестью тяжелыми полевыми гаубицами. Часть «Небельвеферов» вышла из строя, в результате одна из батарей в минометном дивизионе была расформирована, а высвободившиеся установки направлены на пополнение оставшихся трех

[1] *Исаев А,. Коломиец М.* Разгром 6-й танковой армии СС. С. 137.
[2] Мессенджер Ч. Танковый рыцарь рейха. С. 270.

батарей. Уровень моторизации дивизии оценивался как 50 %[1]. В «Лейбштандарте» ситуация была не лучше.

Учитывая слабость ударных частей I танкового корпуса СС, в зону действия корпуса была выдвинута 23-я танковая дивизия из состава I кавалерийского корпуса.

10 марта 1945 г. части обоих корпусов начали действовать. Основной целью было форсировать канал Шио. Погодные условия, как и в предыдущие дни, не особо благоприятствовали действиям бронетехники. Более того, наступающие полки дивизии СС «Гитлерюгенд» не имели тесного контакта друг с другом, связь поддерживалась только через разведывательные патрули. Командир одного такого патруля, унтерштурмфюрер СС Элмар Лохбилер (командир саперного взвода 12-го разведывательного батальона СС), в ходе рейда стал свидетелем того, как семь советских самолетов по ошибке разбомбили позиции своей же пехоты, несмотря на посылаемые ей сигнальные ракеты[2].

12-я танковая дивизия СС упорно наступала весь день 10 марта. В ночь на 11 марта II батальон 26-го полка СС захватил деревню Игар, сломив сопротивление 41-го гвардейского кавалерийского полка 11-й гвардейской кавалерийской дивизии, откуда могли угрожать советскому плацдарму на канале Шио у Шимонторниа. Понимая это, южнее Игара советские войска оказали упорное сопротивление и контратаковали немцев, правда, безуспешно, — все контратаки были отбиты эсэсовцами.

Пока II батальон защищал Игар, I батальон 26-го полка СС обошел противника справа и обратил красноармейцев в

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 415—416.

[2] Ibid., p. 415.

бегство. Затем, совместно с частями «Лейбштандарта», 26-й полк СС и 12-й противотанковый дивизион СС захватили дорожную развязку в полутора километрах южнее Игара и высоту в двух километрах севернее Шимонторниа. Здесь 26-й полк СС (без III батальона) был подчинен «Лейбштандарту» для атаки на Шимонторниа, запланированной на следующий день 12 марта, с целью уничтожить вражеский и создать свой плацдарм на канале Шио.

В свою очередь, 25-й полк СС получил приказ создать плацдарм на канале Шио у Озоры. Полку придали две роты III батальона 26-го полка СС, оставшиеся танки и 560-й тяжелый противотанковый дивизион. В момент сосредоточения для атаки противотанковые самоходки были атакованы советскими штурмовиками и понесли потери.

Атака началась утром 11 марта, после артиллерийской подготовки. В первой волне шли танки, за ними бронетранспортеры с гренадерами. Эсэсовцы двигались максимально быстро. Целью атаки было захватить мост через канал. Однако советское командование, предвидя дальнейшие намерения немцев, подготовилось к отпору. Красноармейцы имели на обеих сторонах канала хорошо оборудованные позиции, насыщенные противотанковой артиллерией. Это самым непосредственным образом сказалось на результатах немецкой атаки. Три танка Pz-IV были подбиты на подступах к мосту. Затем один танк сумел вырваться на мост и был подбит уже на нем, тем самым заблокировав сам мост. Попытка оттащить его с моста провалилась из-за мощного огня противника. Огрызаясь огнем, эсэсовцы отошли. Так что попытка быстро установить плацдарм у Озоры с треском провалилась из-за сопротивления советских войск.

Что касается «Лейбштандарта» и приданных ему частей «Гитлерюгенд», то они атаковали Шимонторниа в ночь на 11 марта, как раз во время смены частей 11-й гвардейской кавалерийской дивизии частями 202-й стрелковой дивизии. Им удалось ворваться на северную окраину Шимонторниа.

На 12 марта 1945 г. I танковый СС и I кавалерийский корпуса получили недвусмысленные приказы из штаба 6-й танковой армии СС установить плацдарм на канале Шио. С этой целью в 04:30 12 марта 25-й полк СС снова предпринял атаку на Озору. Как и накануне, красноармейцы отразили ее, нанеся немцам большие потери. В течение дня было предпринято еще несколько попыток, но все они закончились с теми же результатами. Поняв, что создание плацдарма у Озоры становится все более и более бесперспективным занятием, основные усилия были перенесены в зону действия «Лейбштандарта», которому был подчинен 26-й полк СС и который должен был атаковать Шимонторниа.

На 26-й полк СС была возложена трудная задача — он должен был атаковать обоими батальонами (I и II) советские позиции на подступах к каналу, форсировать канал к западу от Шимонторниа и создать плацдарм. При огневой поддержке «Панцерягеров» гренадерские роты пошли в атаку. Противник оказал ожесточенное противодействие. I батальон был прижат к земле, но затем отчаянным усилием 2-я рота ворвалась на вражеские позиции, при этом погиб командир роты оберштурмфюрер СС Гельмут Брокманн, а его преемник унтерштурмфюрер СС Ганс-Юрген Росс был тяжело ранен. Эсэсовцы быстро организовали круговую оборону, однако основная масса I батальона все еще была прижата к земле огнем. Только с наступлением темноты они смогли достигнуть узла обороны 2-й роты.

II батальон на левом фланге был немного более успешен, достигнув-таки к 14:30 канала Шио. Советские позиции на противоположном берегу были накрыты огнем артиллерии и минометов, затем к делу подключились и люфтваффе. Советская артиллерия в долгу не осталась, накрыв огнем немецкий берег. К тому же сам канал полностью простреливался красноармейцами, и гауптштурмфюрер СС Отт доложил, что в этих условиях не может форсировать канал. Единственная предпринятая попытка быстро провалилась, так и не начавшись, после того как несколько резиновых лодок были повреждены советским огнем и теперь требовали спешного ремонта[1]. Однако для этого не хватало ни инструментов, ни материала. Кое-как заплаты удалось поставить к вечеру, и то не на все лодки. В бою в этот день был убит уже упоминавшийся унтерштурмфюрер СС Людвиг Рекерс из 5-й роты.

В итоге полк начал форсировать канал с наступлением темноты, около 18:30, когда стал невозможен прицельный огонь противника. Первым переправился I батальон, ему удалось захватить небольшой плацдарм, за ним последовал II батальон. Весь немецкий плацдарм был размером 300 на 100 метров. Красноармейцы из 202-й стрелковой дивизии закрепились за железнодорожной насыпью и в нескольких сельских домах, превращенных в опорные пункты. После этого они предприняли целую серию ночных контратак, пытаясь сбросить эсэсовцев обратно в канал. С большими трудностями все эти атаки были отбиты. Ночью же был установлен контакт с разведывательным батальоном «Лейбштандарта», который вел

[1] Под ремонтом понимается необходимость установить на лодки заплаты.

бои в Шимонторниа и теперь получил приказ использовать плацдарм, созданный 26-м полком СС.

Тем временем еще утром 12 марта I кавалерийский корпус неожиданной атакой создал плацдарм через канал к западу от Мезо-Комаром. Вопреки советским контратакам, к концу дня плацдарм удалось расширить до трех километров в ширину и до двух в глубину. В итоге 26-й полк СС вывели из подчинения «Лейбштандарта».

13 марта было более-менее ясно, температура достигла шести градусов. 26-й полк СС получил приказ захватить высоту 220 в двух километрах южнее Широмонти. Атака с плацдарма началась в 06:25. К 12-ти дня 2-й батальон вышел к высоте 220. На правом фланге действовал I батальон, а «Лейбштандарт» атаковал высоту с востока. Не успел 26-й полк СС занять высоту, как подвергся атаке советской пехоты поддержанной танками. В течение дня эти атаки упорно продолжались, с переменным успехом. Недостаток сил не позволял полностью занять высоту, эсэсовцы лишь создали несколько опорных пунктов. К вечеру советские войска ворвались на позиции II батальона 26-го полка СС. В рукопашном бою гренадеры отбросили противника. Чтобы поддержать полк, Краас придал ему дивизионную роту сопровождения. Между двумя-тремя часами ночи 14 марта она пересекла канал (при этом один солдат утонул). Рота заняла позиции южнее полка, в одном километре от Шимонторниа, по обеим сторонам у железнодорожной насыпи, и приготовилась к обороне. Тем временем 25-й полк СС и бронегруппа дивизии были заняты местными боями в районе Озоры.

14 марта дивизия СС «Гитлерюгенд» активных действий практически не вела. Корпус был обеспокоен, прежде всего,

созданием моста через канал, по которому можно было бы переправить танки. Советские войска, в свою очередь, собирали силы для массированного удара, чтобы уничтожить эсэсовский плацдарм.

Утром 15 марта советские войска перешли к активным действиям, атаковав 26-й полк СС на плацдарме у Шимонторниа. Между восемью—девятью утра они прорвались между двумя высотами в 300 метрах южнее канала, эсэсовцы контратакой, при поддержке артиллерии, выправили положение. В секторе дивизионной роты сопровождения все атаки противника также были отбиты, при этом особенно отличились минометчики роты. Пока 26-й полк СС отражал атаки, «Лейбштандарт» сумел немного расширить плацдарм в южном и восточном направлениях.

На 15 марта дивизия СС «Гитлерюгенд» имела: 16 боеготовых танков, 25 танков в краткосрочном ремонте, 13 в долгосрочном, пять были потеряны безвозвратно. «Ягдпанцеров» в боеспособном состоянии было 28 штук, 21 находился в краткосрочном ремонте, 20 — в долгосрочном, два были потеряны безвозвратно. В дивизии было 96 боеготовых бронетранспортеров и бронемашин, 54 в краткосрочном ремонте, 44 в долгосрочном, и ни одного не было потеряно безвозвратно[1].

К этому моменту всем уже было ясно, что операция «Пробуждение весны» провалилась. В высших немецких штабах это прекрасно осознавали. Чтобы как-то оживить операцию, в штабе групп армий «Юг» разрабатывают планы перегруппировки войск, в частности I танкового корпуса СС. Одной из составляющих этого процесса стало

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 423.

высвобождение дивизии СС «Гитлерюгенд». Уже вечером 15 марта офицеры «Лейбштандарта» прибыли в штаб 26-го полка СС для обсуждения замены последнего. Сама замена началась наутро 16 марта. II батальон был высвобожден уже в 09:10 и переброшен в Игар, куда также прибывало маршевое пополнение. Дивизионная рота сопровождения оставалась на позициях целый день, попутно отразив несколько светских атак.

25-й полк СС все еще оставался перед советским плацдармом возле Озоры, готовясь к очередной атаке против него.

Тем временем советское командование сосредотачивало мощные резервы для проведения наступления на Вену. Днем 16 марта 9-я гвардейская армия при поддержке двух механизированных корпусов 2-го Украинского фронта начала наступление против армейской группы Балька, на левом фланге 6-й танковой армии СС, севернее города Секешфехервар, охватывая немецкие войска, участвующие в боях между озерами Балатон и Веленце. В этих условиях командующий группой армий «Юг» генерал пехоты Отто Вёлер немедленно приказал дивизии СС «Гитлерюгенд» (которая как раз высвобождалась) двигаться на Секешфехервар (немецкое название — Штульвайсенбург) и к северу от него, чтобы там контратакой закрыть прорыв. Тем временем советские войска достигли линии Замой, Ошаквар и Баконського леса. Дорога между Секешфехерваром, Варполотой и Веспремом должна была удерживаться дивизией СС «Гитлерюгенд», для того чтобы выполнить предыдущий приказ. Однако попытка Вёлера использовать части I танкового корпуса СС для контратаки во фланг советских войск не была санкционирована Гитлером. Тем не менее всем было ясно, что после начала

советского наступления продолжение немецкого наступления потеряло смысл. 6-я танковая армия СС начала отводить свои силы на линию Веспрем — Папа — Таркань.

Что касается дивизии СС «Гитлерюгенд», то 17 марта вывод ее с фронта продолжился. В 02:00 дивизионная рота сопровождения наконец была сменена частями 23-й танковой дивизии. Уже к полседьмого утра она прибыла в Жилас-Балхас. В этот же день 25-й полк СС зачистил советский плацдарм у Озоры, после чего также был снят с фронта. Новым местом сосредоточения для дивизии был район Фалубаттян (девять километров юго-восточнее Секешфехервара).

Операция «Пробуждение весны» стала последней наступательной акцией дивизии СС «Гитлерюгенд». Дивизия не была полностью ни отмобилизованной, ни вооруженной. Гордое наименование «танковая дивизия СС», исходя из наличия материальной части, оправдывалось ею лишь частично. Кроме того, наступление должно было происходить в труднопроходимой для бронетехники местности, что всячески сдерживало мобильность частей. Но после больших трудностей в первые дни операции дивизия сломила хорошо подготовленную оборону советских войск у Дега и прорвалась далее на юг. Вопреки тяжелым потерям и всевозрастающему сопротивлению Красной армии части дивизии сумели образовать плацдарм на канале Шио и приняли важное участие в его удержании. Всего в ходе наступления дивизия продвинулась на 27 километров. Однако неблагоприятное развитие ситуации в тылу 6-й танковой армии СС свело на нет все успехи дивизии и привело к свертыванию наступления.

С 6 по 16 марта 1945 г. дивизия безвозвратно потеряла девять офицеров.

Отступление от озера Балатон до рейхсграницы

17 и 18 марта советское наступление продолжало успешно развиваться. Вечером 18 марта дивизия СС «Гитлерюгенд» начала выдвижение из района сосредоточения около Фалубаттяна, в район южнее Мора, чтобы принять участие в запланированной контратаке. В том же районе базировались подразделения дивизии СС «Тотенкопф». Однако из-за размытых дорог части 12-й дивизии СС двигались крайне медленно. Вдобавок утром 19 марта походные колонны были атакованы советскими самолетами. Затем пришло известие, что советские войска прорвали позиции «Тотенкопф» южнее Мора. В спешке II батальон 26-го полка СС пешим маршем был направлен в угрожаемый район. В конце дня первые подразделения батальона прибыли в городок Балинка и заняли оборону на его восточной окраине. К ним присоединились солдаты из потрепанных частей дивизии СС «Тотенкопф», действовавших в этом районе. Одновременно 12-й разведывательный батальон СС перекрыл переправу через канал Сарвиц-Морер.

Днем 19 марта командный пункт дивизии был передислоцирован в Шцапар, в 11 километрах западнее Балинки. Здесь же развернулся зенитный дивизион. Танковый полк находился в четырех километрах к востоку от Шцапара. 25-й полк СС и 12-й противотанковый дивизион СС были подчинены «Лейбштандарту».

Боевые действия проходили в холмистой и лесистой местности, поэтому советские войска, чтобы не терять темпа наступления, сосредоточили свои усилия на дорогах и поэтому продвигались сравнительно быстро. Уже вечером войска 9-й гвардейской армии атаковали Балинку, но их атака была от-

бита эсэсовцами; по немецким данным, было подбито шесть советских танков. Однако Красная армия заняла город Ишзтимер, тем самым выйдя в зону сосредоточения I танкового корпуса СС. Получив это известие, начальник штаб корпуса приказал дивизии СС «Гитлерюгенд» атаковать 20 марта в 05:00 из района юго-восточнее Баконсерние и отбросить советские войска от Ишзтимера.

26-й полк СС атаковал точно в предписанное время и поначалу имел некоторый успех. Однако времена, когда немцы могли диктовать свои условия на поле боя, уже безвозвратно прошли. Не особо беспокоясь продвижением одного ослабленного эсэсовского полка, советские войска продолжили развивать свое наступление вдоль дороги Бодияк — Балинка — Баконсерние. В итоге фланг 26-го полка СС оказался под угрозой. Следовательно, атака полка была остановлена, как не имеющая дальнейшего смысла. Пытаясь выправить положение, Краас бросил в бой танковый полк дивизии с приказом контратаковать в районе Балинки, чтобы прикрыть отступление 26-го полка СС к исходным позициям.

Для этой атаки Ганс Зигель располагал лишь 4—5 танками. Не встречая противодействия, эсэсовцы спокойно добрались до какой-то фабрики в окрестностях Балинки. Не зная обстановки, Зигель «спешился» и лично отправился на разведку. Во дворе фабрики он увидел 8—10 советских танков Т-34 — по-видимому, передовой отряд, экипажи оставили свои машины и отдыхали, даже не подозревая о присутствии немцев. Решение у Зигеля созрело мгновенно. Незамеченными его танки вышли на огневые позиции и расстреляли из орудий два первых и два последних танка. Отдыхавшие экипажи были скошены огнем немецких гренадер (рассказывая после войны об этом эпизоде,

Зигель отметил: «Кто знает, откуда они (гренадеры. — *Р.П.*) взялись?»[1]). Все советские танки были уничтожены, немцы потерь не понесли. После этого танки и гренадеры заняли позиции на окрестных холмах, где и стали ожидать советскую атаку.

Тем временем 26-й полк СС отходил с боями. Разрывом советского танкового снаряда был убит неоднократно отличавшийся в боях гауптштурмфюрер СС Фриц Гунтрум, ныне командир 10-й роты полка. В целом отход прошел успешно, и полк закрепился на холмах к северу и югу от Балинки.

Однако эти локальные успехи как-то повлиять на обстановку на фронте не могли. Преодолевая упорное сопротивление немцев, войска 3-го Украинского фронта уже к вечеру третьего дня наступления расширили прорыв до 36 километров и продвинулись в глубину до 20 километров. Для увеличения темпов наступления утром 19 марта в полосе 9-й гвардейской армии была введена в бой 6-я гвардейская танковая армия; уже 19—20 марта «Лейбштандарт» сражался с ее частями в районе Иноты. 20 марта 25-й полк СС оперировал в районе Баконикути (шесть километров к северо-востоку от Варполоты) и Ойшлу-Пушты. 12-й противотанковый дивизион СС был введен в бой у Иноты. Всего за 20 марта I танковый корпус СС отчитался в уничтожении 66 советских танков[2]. Как отмечают современные российские историки: «Упорная оборона вражеских частей, переброшенных из района Виленце, и сильно пересеченная местность не позволили армии (6-й гвардейской танковой. —

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 429. Как нам кажется, это могли быть гренадеры дивизии СС «Тотенкопф», чьи подразделения также действовали в этом районе.

[2] Ibid., p. 430.

Р.П.) развить необходимые темпы»[1]. Однако даже невысокие темпы наступления советских войск поставили 6-ю танковую армию СС на грань окружения. Немцы оказывали упорное сопротивление, стремясь вывести армию из района между озерами Балатон и Веленце и предотвратить окружение. Кроме того, они понимали, что советская операция имеет далеко идущие цели и направлена на Вену.

Однако первым делом немцам было необходимо не допустить окружения 6-й танковой армии СС. 21 марта войска 3-го Украинского фронта продолжали атаковать вдоль дороги Бодияк — Балинка — Мексер — Баконисцерние — Шапар — Цшетени — Дудар — Цирк. В 01:15 дивизионная рота сопровождения двинулась из Шапара через Цшетени и Дудар к Баконисцерние, с приказом взять под охрану дорогу Цирк — Баконисцерние против наступающих с востока частей Красной армии. Рота прибыла на место в 04:15 и установила контакт с армейской ротой, занимавшей позиции справа. О тяжелом положении у немцев с резервами свидетельствует факт, что в этот же район была переброшена и корпусная охранная рота.

26-й полк СС и танковый полк занимали позиции на холмах к югу и северу от Балинки и отражали атаки превосходящих пехотных и танковых соединений противника. В боевом журнале группы армий «Юг» об этих боях было сказано: «В секторе 12-й дивизии СС жестокие бои в районе Мексер — Пушта. В ходе боев было подбито 19 русских танков, еще два — захвачены»[2]. Но эти успехи не могли изменить ход сражения. Позиции III батальона 26-го полка СС у Мексера пали под

[1] Освобождение Австрии. С. 13.

[2] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 432.

напором советских войск, а сам батальон был отброшен на 10 километров на юго-запад к местечку Тес (здесь находился штаб I танкового корпуса СС). II батальон полка с боями отходил к Баконисцерние, где и занял оборонительные позиции на окраине города и на высотах южнее. I батальон окопался на высотах к северу от Баконисцерние.

Костяк обороны составили немногочисленные танки Ганса Зигеля. Они же и прикрывали отход гренадерских батальонов. Танки последними пересекли мост через речушку Гайа возле Нагигиона, после чего саперы взорвали мост, а немцы двинулись на Баконинану.

В результате успешных действий советских войск между «Лейбштандартом» и «Гитлерюгенд» возникла брешь. Нехватка сил у немцев не позволяла быстро латать все новые и новые дыры в их фронте. Советские войска безостановочно наступали на Тес, их наступление развивалось так стремительно, что Тес пал этим же днем; правда, III батальон 26-го полка СС сумел закрепиться на высотах к западу от города. Немецкий фронт трещал по швам, а советские войска продолжали рваться вперед. Под угрозой оказалась важная дорожная развязка Веспрем — Цирк — Кисбер, потеря которой поставила бы крест на попытках вывести 6-ю танковую армию СС из окружения. Пытаясь выправить положение, командование I танкового корпуса СС спешно разработало план контратаки, целью которой было вернуть Тес и задержать наступление противника.

Выполнение этой ответственной задачи было поручено дивизии СС «Гитлерюгенд». Вряд ли Хуго Краас обрадовался этому известию. Силы, которые он смог собрать для контратаки, составили боевую группу, куда вошли: четыре «Ягдпантеры», 10 бронетранспортеров из III батальона 26-го полка

СС, дивизионная рота сопровождения, охранная рота корпуса, плюс еще одна гренадерская рота (откуда она взялась, точно не известно, возможно, рота была создана из отпускников и чинов вспомогательных служб дивизии). Несмотря на явную слабость выделенных для атаки сил, эсэсовцы контратаковали около 17:00, после обстрела советских позиций из всего имевшегося тяжелого оружия. Первая атака захлебнулась под огнем советских войск. В 19:00 эсэсовцы предприняли вторую попытку, в ходе которой 3-й взвод дивизионной роты сопровождения каким-то чудом сумел ворваться на советские позиции. Музыка играла недолго, контратакой советские войска выбили эсэсовцев с позиций и восстановили положение. Третья атака немцев, последовавшая в 20:30, также была отражена, причем три «Ягдпантеры» были потеряны от огня ручных противотанковых средств советских солдат. После этого боевая группа получила приказ отойти на 600 метров к западу от Тес и закрепиться на новой линии.

Тем временем советские войска продолжали наступление. К вечеру они глубоко обошли левый фланг дивизии СС «Гитлерюгенд». Противостоящие им подразделения 2-й венгерской танковой дивизии были рассеяны. Уже к вечеру Красная армия с севера вышла к Баконисцерние, где оборонялись I и II батальоны 26-го полка СС. Над эсэсовскими батальонами нависла угроза окружения, поэтому, даже не став испытывать судьбу, они отступили, тем самым сдав Баконисцерние. Не останавливаясь, советские войска продолжили наступление, но были остановлены возле Шцапара — отличился 12-й зенитный дивизион СС штурмбаннфюрера СС доктора Вольфганга Лоениккера. Орудия 1-й и 4-й зенитных батарей стреляли по наступающему противнику прямой наводкой, тем самым они

остановили атаку. Затем оберштурмфюрер СС Фриц Ритчер, командир 4-й батареи, со своими людьми предпринял контратаку и захватил господствующую над местностью высоту. Отбив атаку, зенитчики спокойно отошли к Дубару, где 1-я батарея подверглась атаке советской кавалерии. Эта атака была отбита огнем прямой наводкой.

К вечеру 21 марта дивизия СС «Гитлерюгенд» (без 25-го полка СС и противотанкового дивизиона, которые сражались в составе «Лейбштандарта» у Варпалоты) обороняла линию к западу от Тес, Шцапар, Коромля. Командный пункт дивизии был развернут в Дударе.

В ночь на 22 марта 26-й полк СС и отдельные подразделения дивизии СС «Тотенкопф» заняли оборону между Баконисцерние и Шцапаром. 12-й саперный батальон СС, вернувшийся в подчинение дивизии после боев в районе Кишланга, развернулся около Яасда (три километра к северо-востоку от Тес).

Уже утром 22 марта советские войска атаковали оборону «Гитлерюгенд». Ценой неимоверных усилий и вопреки тяжелым потерям 26-й полк СС каким-то чудом удержался на позициях. 12-му саперному батальону СС пришлось еще хуже. Его 2-я рота была застигнута советскими войсками врасплох и практически уничтожена — погибли и пропали без вести 120 человек. Личный состав 1-й (бронированной) роты был поднят по тревоге (солдаты спали прямо в своих машинах) и брошен в контратаку. Им удалось немного потеснить противника, однако решающего успеха достигнуть не удалось.

Ночью советские стрелковые части слабыми силами атаковали участок обороны III батальона 26-го полка СС и дивизионной роты сопровождения к западу от Тес. Эта атака была с успехом немцами отбита. Однако наутро стало ясно,

что красноармейцы обошли эсэсовцев с фланга. В 8 утра позиции III батальона были атакованы в лоб крупными силами, а дивизионная рота сопровождения была обойдена с правого фланга. Не став искушать судьбу, она быстро отступила к лесу в трех километрах южнее Баконинаны. Имея в своих оборонительных порядках «Ягдпантеру» III, батальон 26-го полка СС, напротив, принял бой. После жестокой рукопашной схватки за командный пункт батальона эсэсовцы были отброшены к Баконинане. В 10:00 пришел приказ из штаба дивизии, согласно которому батальон (и «Ягдпантера») должен был оставить Баконинану, оборона которой была возложена на дивизионную роту сопровождения. Эта рота до 13:30, должна была прикрывать отход частей дивизии.

Уже скоро она была атакована превосходящими силами противника. До 13:30 позиции роты кое-как удерживались, а затем эсэсовцы начали отход в направлении Цирка, которого и достигли к вечеру.

Остальные батальоны 26-го полка СС и саперный батальон с боями отступали к Дудару. В бою погиб командир 5-й роты 26-го полка СС штандартенобернюнкер СС Хайнц Кунце. К тому моменту, как части полка достигли Дудара, его 5-я и 7-я роты состояли лишь из пяти человек каждая, более боеспособной была 6-я рота — 40 бойцов. Несмотря на тяжелые потери и усталость личного состава, полк занял оборону у Дудара. Его поддерживал 12-й зенитный дивизион СС и части артиллерийского полка дивизии.

Уже днем советские войска атаковали Дудар с севера, танками и пехотой, при поддержке авиации. Один Ил-2 был сбит дивизионными зенитчиками. Зенитчики отличились и в боях с танками — 2-я батарея уничтожила шесть советских танков.

При этом советские танкисты в долгу не остались и подбили два 88-мм орудия и одно 37-мм. Вечером дивизион был снят с позиций и направлен в местечко Путри-Майор (четыре километра юго-западнее Цирка). Также к западу были передислоцированы и батареи артиллерийского полка дивизии. 26-й полк СС оборонял Дудар до вечера, а затем получил приказ отступать к Найоримонту, где уже готовились к обороне части дивизии СС «Тотенкопф». Учитывая, что к этому моменту полк остался в одиночестве, а противник атаковал значительными танковыми силами, то приказ на отход лишь предупредил отступление полка.

Вскоре свои планы немцам пришлось изменить. На левом фланге дивизии части «Тотенкопф» потеряли Коромлю, однако 12-й разведывательный батальон СС вернул ее контратакой. На правом — «Лейбштандарт» (с 25-м полком СС и 12-м противотанковым дивизионом СС) все еще продолжал отчаянно сопротивляться у Варполоты, однако между ним и «Гитлерюгенд» возникла широкая брешь. В итоге командование I танкового корпуса СС бросило на ее прикрытие потрепанные дивизионную роту сопровождения (выступила сразу же) и 26-й полк СС (без III батальона). I и II батальоны полка получили приказ двигаться в район Локута, чтобы прикрыть правый фланг дивизии. Понимая, что толку от истощенных батальонов будет мало, им в усиление придали II танковый батальон, вернее, то, что еще оставалось от батальона. Гренадеры уселись на бронетехнику и двинулись выполнять приказ. Танки с гренадерами достигли Локута к 07:15 23 марта, рота сопровождения прибыла раньше и уже успела окопаться на холмах юго-восточнее Локута. Ее подчинили II батальону 26-го полка СС.

Остальные части дивизии к вечеру 22 марта отступили на оборонительную позицию «Клара» — импровизированную линию обороны от района восточнее Цирка до Локута. Командный пункт дивизии был развернут в монастыре Цирка.

23 марта основная сила ударов Красной армии была сосредоточена в районе между северным берегом озера Балатон и южной оконечностью леса Бакони. Важный дорожный узел Веспрем был немцами потерян.

Утро 23 марта для частей дивизии в районе Локута выдалось спокойным — противник не атаковал, очевидно, собираясь с силами. На других участках обороны дивизии было куда жарче. Уже днем советские войска захватили Цирк, отбросив III батальон 26-го полка СС. На левом фланге дивизии советские войска также успешно продвинулись, в 10 километрах севернее Цирка против них был брошен 12-й разведывательный батальон СС, завязавший сдерживающие бои.

Ближе к вечеру советские войска провели серию разведок боем против позиций 26-го полка СС у Локута. Эсэсовцы подбили один советский бронетранспортер. В 19:30 Локут был атакован с востока, однако атака развивалась крайне вяло и при помощи артиллерии была отбита эсэсовцами. В 20:15 советские войска при поддержке артиллерии и танков перешли к решительным действиям. Немцы сопротивлялись по мере возможностей, даже подбили один танк. У немецкой артиллерии не хватало боеприпасов, и поэтому помочь гренадерам и танкистам она в полной мере не могла. Советские танки ворвались на позиции 26-го полка СС. Минимум два из них были подбиты контратаковавшими немецкими танками. Бой за Локут продолжался до полуночи. В 23:50 командир полка получил приказ сдать Локут и отступать к Пенцешкуту. Уже

в 00:15 гренадеры и танки покинули Локут. К 03:20 боевая группа прибыла в Пенцешкут.

Также к вечеру 23 марта Красная армия вышла к деревне Путри-Майор, которую оборонял 12-й зенитный дивизион СС Вольфганга Лоениккера. Ночью противник, силами пехоты и танков, пошел на штурм Путри-Майор. Однако Лоениккер проявил хладнокровие, и зенитный дивизион сумел удержать деревню, отбив все атаки. При этом личный состав 2-й и 4-й батарей сражался как пехота, в то время как 1-я батарея в одиночку «занялась» вражескими танками, подбив пять из них. После дивизион был также переброшен в Пенцешкут, с приказом оборудовать там оборонительные позиции. Все эти события привели к тому, что позиция «Клара» была прорвана советскими войсками.

В целом ослабленная дивизия СС «Гитлерюгенд» (кроме потерь, напомним, что дивизия воевала без 25-го полка СС и противотанкового дивизиона), вместе с подразделениями дивизии СС «Тотенкопф», должна была оборонять линию длиной 16 километров. О сплошном удержании этой линии речь даже не шла, поэтому Краас просто организовал цепь из нескольких опорных пунктов на ключевых дорожных развязках и в некоторых населенных пунктах. Из-за холмистой и лесистой местности противник атаковал эсэсовцев чаще всего в лоб, а превосходство в силах позволяло Красной армии обходить узлы сопротивления с флангов и создавать угрозу окружения. В итоге в тылу у дивизии осталась лишь одна дорога, по которой она могла как получать снабжение, так и (потенциально) отступать, — дорога Цирк — Пенцешкут — Баконибель — Коппани — Папа. Понятно, что в тех условиях снабжение прибывало в недостаточном количестве и крайне

нерегулярно. Колонны снабжения часто должны были двигаться по сельским дорогам, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Результатом стало то, что 12-я дивизия СС сражалась в условиях нехватки боеприпасов, снаряжения и продовольствия.

На 24 марта боевая группа 26-го полка СС и 12-й зенитный дивизион СС получили категорический приказ — удерживать Пенцешкут до утра 25 марта. Это было обусловлено целью любой ценой сохранить контроль над единственной остававшейся нормальной дорогой. Последнюю развезло, и немецкие колонны могли двигаться по ней только очень медленно.

Советская атака на Пенцешкут началась в 10:30, когда был атакован 12-й зенитный дивизион СС. Учитывая задействованные против него превосходящие силы противника, Лоениккер отступил к позициям 26-го полка СС. Полк Эриха Брауна занимал позиции на подступах к Пенцешкту, но не особо тщательно подготовился к обороне — гренадеры устали после марша и не могли окопаться в полной мере. Правда, немногие оставшиеся танки были вкопаны в землю, как неподвижные огневые точки. Около полудня Красная армия пехотой и танками атаковала 26-й полк СС. Огнем немецких танковых пушек было поражено два советских танка, а атака советских стрелковых частей была встречена огнем из счетверенной зенитки. В итоге противник был отброшен к лесу.

Однако советское командование в полной мере осознавало всю важность Пенцешкута, и в 12:15 атака была возобновлена, куда большими силами. Перед этим немецкие позиции были накрыты огнем «Катюш», в результате которого гренадеры понесли тяжелые потери (как раз из-за отсутствия у них нормальных позиций). Более того, на левом фланге боевой группы

возникла паника — малоопытные солдаты СС последнего призыва бросили позиции и обратились в бегство. На линии огня остались лишь офицеры, унтер-офицеры и некоторое число ветеранов. Долго противостоять вражескому напору они не могли и вскоре также отступили к самой деревне. После этого оборона эсэсовцев фактически рухнула, и уже около двух часов дня началось отступление (если не сказать — повальное бегство) к деревне Сомхеги, в четырех километрах к северо-западу от Пенцешкута. Гауптштурмфюрер СС Отт, командир II батальона 26-го полка СС, собрал вокруг себя всех боеспособных солдат 26-го полка СС, артиллерийского полка и санитарного батальона в импровизированную боевую группу. С этой группой он достиг Сомхеди, где попытался организовать оборону. В 18:10 восемь советских танков с пехотным десантом атаковали Сомхеди. Видя бесперспективность сопротивления, Краас приказал Отту отходить к Баконибелю (два километра западнее Сомхеди). Около 20:00 Отт достиг Баконибеля.

Танковый полк дивизии столкнулся с другими трудностями. Когда началось общее отступление, Ганс Зигель организовал эвакуацию раненых, при этом сам он со своим батальонным штабом и последними ранеными едва успел эвакуироваться — его командирский танк завелся только в последний момент. Однако вскоре двигатель окончательно заглох, и штабистам пришлось двигаться пешком, неся на себе раненых солдат. Обездвиженный танк пришлось взорвать. В ходе марша группа Зигеля наткнулась на танк Pz-IV, Зигель немедленно возглавил его экипаж и начал исполнять роль арьергардного прикрытия для отступающих частей. К нему присоединился еще один танк и горстка гренадер. Периодически эсэсовцы вступали в бой с передовыми ча-

стями советской пехоты, пытавшихся обойти их с флангов, либо атаковать в лоб. В этих боях Зигель был ранен в колено, но больших потерь его группе удалось избежать. К сумеркам группка Зигеля достигла позиций в районе Баконибеля, где его, едва ли не как воскресшего из мертвых, встретили Хуго Краас, Хуберт Мейер и дивизионный врач Рольф Шульц. Последний оказал Зигелю первую помощь.

Однако даже в Баконибеле дивизии СС «Гитлерюгенд» не было суждено остановиться. Советские войска, в очередной раз разорвав немецкую оборону, успешно продвигались вперед. В 21:30 Краас приказал оставить Баконибель и отходить к деревне Коппани. Первой выступила боевая группа Отта, из-за плохого состояния дорог она двигалась крайне медленно. Ее авангарды достигли Коппани в два часа ночи 25 марта, а последние машины прибыли лишь к семи утра! Последними, в два часа ночи, отходили дивизионная рота сопровождения, одна «Пантера» и части саперного батальона, объединенные в группу гауптштурмфюрера СС Карла Хаушильда, уничтожившую в Баконибеле потенциальные военные объекты. Советские войска неотступно преследовали немцев, однако эсэсовцам удалось выиграть время, перекрыв минами узкие окрестные дороги и взорвав четыре местных моста.

Тем временем, ближе к рассвету, советские войска, обойдя немецкие позиции, атаковали Коппани с запада. Хуго Краас лично собрал все оставшиеся бронетранспортеры III батальона 26-го полка СС, повел их в контратаку и отбросил противника. Около 10:00 в районе Коппани собрались все части дивизии. Надолго они здесь не задержались — последовал приказ отступать к деревне Беб.

Ночь с 24 по 25 марта 1945 г. вошла в историю дивизии как «Дикая ночь» (по словам Хуго Крааса)[1]. Фактически, несмотря на некоторые трудности, отступление дивизии прошло более-менее успешно.

25 марта ситуация в секторе дивизии СС «Гитлерюгенд» изменилась с «плохой» на «еще более худшую». День 25 марта был солнечным и теплым. Около 11 утра советские войска атаковали в западном направлении вдоль дороги Коппани — Беб. На пути у них стала боевая группа Альфонса Отта, усиленная артиллерийским полком дивизии. Последний сконцентрировал огонь по месту сбора войск противника в районе Коппани и стрелял до израсходования всех имевшихся под рукой боеприпасов, после чего быстро сменил позицию. Советская атака была отбита, но у боевой группы Отта оставалось совсем мало боеприпасов. Около полудня боевая группа была обойдена с левого фланга. Красная армия уверенно продвигалась в западном направлении, захватив деревни Папатесзер и Цзот, и уже днем, силой до батальона, атаковала деревню Ваниола, где собирались остальные части и был развернут штаб дивизии. Хотя эта атака и была отражена, но угроза сохранялась. Однако советское командование переиграло немцев — советские войска просто обошли узел сопротивления в Ваниоле, продвинулись южнее и захватили Беб. Тем самым боевая группа Альфонса Отта фактически попала в окружение.

Под угрозой окружения противника Краас приказал передвинуть командный пункт в Такаши. Отход прикрывала дивизионная рота сопровождения. Тем временем Отт повел своих людей на прорыв, который удался главным образом из-за

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 446.

недостаточных сил Красной армии, брошенных на удержание кольца. Утром 26 марта группа Отта вышла к командному пункту дивизии.

Утром 26 марта советские войска атаковали правый фланг дивизии СС «Гитлерюгенд», сектор 26-го полка СС и легко прорвались через его позиции. Эсэсовцы организовали контратаку, но задействовали в ней лишь крайне слабые силы, в результате чего успеха она не достигла. В полдень атаке подвергся левый фланг дивизии у Такаши (здесь же размещался командный пункт Крааса). Уже днем деревня была эсэсовцами потеряна. Краас и его штаб перешли на плацдарм у Марцальто (в районе реки Рааб и канала Марцаль), где 12-й саперный батальон СС уже с ночи занимался наведением моста. Здесь же начали концентрироваться и остальные части дивизии. Линия обороны дивизии пролегала в секторе между деревнями Жани (на плацдарме) и Ваг (в четырех километрах западнее, на «большой земле»). Кроме них на плацдарме у Марцальто сосредотачивались части 232-й танковой дивизии генерал-майора Ганса-Ульриха Бака. Уже вскоре этот плацдарм оказался под ударами советских войск.

Ближе к вечеру части дивизии начали переправляться на западный берег Рааба. В то же время дивизионная рота сопровождения, части саперного батальона, один танк и одна зенитка были брошены на создание блокирующей позиции к северу от плацдарма, для прикрытия переправы. Ночью советские войска ворвались на плацдарм, однако саперный батальон контратакой отбросил врага и выправил положение. После, к 22:00 с плацдарма вывели дивизионную роту сопровождения. Отметим, что Хуго Краас и командир 26-го полка СС Эрих Браун оставались на плацдарме до утра.

Утром 27 марта Краас поехал на брифинг в штаб 1 танкового корпуса СС, где получил неожиданный приказ усилить плацдарм, где к этому моменту находились лишь части 232-й танковой дивизии, боевой группой. В состав этой группы должны были входить штаб 26-го полка СС, I батальон полка и несколько танков. Эту группу возглавил оберстлейтенант Генерального штаба Вайзенеггер, присланный из Ставки и приписанный к штабу дивизии.

Кроме этого, дивизии возвращали 25-й полк СС и 12-й противотанковый дивизион СС, выведя их из состава «Лейбштандарта». Эти силы должны были разместиться за Раабом, в секторе Жил — Нисзк. В качестве усиления 25-му полку СС придали II батальон 26-го полка СС, занявший позиции за Раабом южнее Репселака. Также этот полк имел некоторое количество мелких подразделений из дивизии СС «Тотенкопф». На правом фланге был поставлен 12-й разведывательный батальон СС.

Тем временем утром советские войска атаковали плацдарм Марцальто, прорвались на него в нескольких местах, но были отброшены контратакой. Однако давление противника усиливалось, а попытка немцев усилить плацдарм боевой группой дивизии СС «Гитлерюгенд» успеха не имела из-за тяжелой обстановки на фронте (об этом ниже). Затем один из батальонов 232-й танковой дивизии на плацдарме был полностью уничтожен мощными советскими ударами. В итоге в конце дня началась эвакуация плацдарма.

В этих условиях Хуго Краас приказал командиру саперного батальона Ханнесу Тауберту любой ценой взорвать мост через Рааб. Выполнять приказ Тауберт отправился лично, вместе с шофером гауптшарфюрером СС Гаудлитцем. На подъезде к

мосту они встретили отходящие части 232-й танковой дивизии; сам мост был под непосредственной угрозой трех танков Т-34. Тауберт развернул отступающих солдат и бросил их в бой, его действия были поддержаны огнем счетверенной зенитки. Пока солдаты связали боем танки, Тауберт с Гаудлицем ремонтировали перебитый шнур от взрывателей. Мост был взорван в последний момент, когда три Т-34 уже доехали до середины, все три танка рухнули в воду, однако полностью разрушить мост не удалось.

Весь день 27 марта советские войска атаковали по всему фронту дивизии, и ее остальные части были вовлечены в тяжелые бои. II батальон 26-го полка СС был выбит со своих позиций у Репселака, ему в поддержку бросили все еще имевшиеся на ходу танки Pz-IV и два бронетранспортера. Этим удалось немного выровнять положение. Прорыв советских войск между каналом Айсенбургер и Раабом поставил в тяжелое положение I танковый корпус СС. Западный берег Рааба был захвачен противником, ответить немцам было нечем. Попытка сразу бросить в контратаку боевую группу Вайзенеггера не удалась — сосредоточение ее могло быть закончено только к вечеру. Тем не менее дивизия в целом держала позиции.

На 28 марта 1945 г. ключевыми пунктами обороны «Гитлерюгенд» были определены районы Низск и Ваг. Южнее, в ночь на 28 марта, советские войска прорвались через Рааб к северу от Савара и создали еще один плацдарм. Днем правый фланг дивизии был отброшен со своих позиций, гренадеры с боями отступили к южной окраине Низска, где и закрепились.

Общая ситуация на фронте корпуса становилась просто катастрофической, советские войска уверенно продвигались в северо-западном направлении, поставив под угрозу фланг

корпуса. Чтобы хоть как-то выправить ситуацию, в три часа ночи 29 марта штаб дивизии СС «Гитлерюгенд» направил дивизионную роту сопровождения к Цзаподу, что в 10 километрах к северо-западу от Денешфы. Вскоре в этот регион перебросили и 25-й полк СС. Дивизионный командный пункт был размещен в Цзаподе.

В 06:45 советские войска атаковали позиции II батальона 26-го полка СС у Репселака. Первая атака была отбита, но вторая имела успех — эсэсовцы были выбиты с позиций и отошли в небольшой лесок в четырех километрах к западу от города. На этом советские атаки не остановились, однако немцы по мере возможности оказывали сопротивление. В 08:55 горстка приданных батальону танков неожиданным ударом ворвалась на советскую артиллерийскую позицию и уничтожила несколько противотанковых орудий. В этой акции эсэсовцами был потерян один бронетранспортер.

Всего II батальон 26-го полка СС отбил на новой позиции в лесу три сильные вражеские атаки. Однако четвертая заставила эсэсовцев снова отступать к местечку Иван. Закрепившись здесь, батальон получил недолгий отдых, пока в 20:10 не был снова атакован. Красноармейцы ворвались в населенный пункт, за который разразился жестокий рукопашный бой. В 22:45 Иван был захвачен советскими войсками, а эсэсовцы отошли на один километр западнее.

Восточнее Ивана советские войска обошли Денешфу и окружили обороняющиеся в том районе части 25-го полка СС. К вечеру немцами был потерян Цсапод, командный пункт дивизии передислоцировали в Питиер-Майор (пять километров к западу от Цзапода). Здесь сосредоточились разведывательный батальон и дивизионная рота сопровождения, и сюда же на-

правлялись части 25-го полка СС, как не попавшие в окружение, так и попавшие, но прорвавшиеся.

30 марта пошел небольшой дождь. Утром 25-й полк СС занимал позиции в восьми километрах восточнее Лёвё, южнее, на правом фланге, оборонялся 26-й полк СС. Контакта с соседями не было, хотя теоретически справа должна была находиться дивизия СС «Лейбштандарт», а слева — «Тотенкопф». Оба танково-гренадерских полка были сильно истощены предыдущими боями, их боевая сила сократилась до минимума. Понимая это, командование 6-й танковой армии СС отправило им пополнение прямо на передовую. Все бы ничего, но вот только пополнение это состояло из военнослужащих кригсмарине, прежних солдат береговой артиллерии. Они не были обучены воевать как пехотинцы. Такой шаг свидетельствует о том кризисе, в котором оказалась дивизия, — обычно подобному пополнению давали хотя бы несколько недель на прохождение пехотной подготовки, а здесь сразу же кинули на передовую, иначе дивизия бы просто прекратила свое существование. Сами же полки представляли собой слабые боевые группы, на усиление которых направлялись «безлошадные» танковые экипажи, артиллеристы без орудий, снабженцы и техники и так далее.

Позиции дивизии в течение целого дня подвергались атакам с юга и востока. Уже к 08:00 под сильным напором противника дивизионный штаб, разведывательный батальон и дивизионная рота сопровождения были оттеснены от Питер-Майора к Лёвё. Штаб был размещен в пяти километрах к северо-востоку от Лёвё.

В 14:15 II батальон 26-го полка СС на южной окраине Лёвё были атакованы с юга советской пехотой и танками. Воочию

узрев советские танки, недавно прибывшее пополнение ударилось в панику, которая вскоре охватила весь батальон. Самое забавное, что танков было всего четыре, и в других обстоятельствах они бы не составили большой проблемы. Ударившийся в бегство батальон был остановлен только в трех километрах к северо-западу от Лёвё, где и занял новые позиции. На них он пробыл очень недолго — уже в середине дня батальон снова отступил. Между тем I батальон 26-го полка СС предпринял отчаянную контратаку на Рорбах, в ходе которой был почти полностью уничтожен, от него осталось лишь несколько человек.

25-й полк СС на позициях в девяти километрах к северо-востоку от Лёвё возле Пушта-Цшапода также подвергся сильной атаке советских войск. Красноармейцы ворвались на позиции полка, на которых закипел жестокий рукопашный бой. Чтобы избежать окружения, полку пришлось с боем прорываться на северо-запад. Ночью полк достиг Дойчкройца, села недалеко от Нагисенка, где был размещен командный пункт дивизии.

Мощные атаки советских войск привели к тому, что штаб 6-й танковой армии СС начал отводить свое правое крыло на новую линию обороны, громко названную «Позиция охраны рейха». Этот приказ коснулся как «Лейбштандарта», так и «Гитлерюгенд», которые получили приказ отходить к Оденбургу.

Для обеспечения успешного отхода требовалось удержать открытой дорогу Нагисенк — Оденбург. Эта миссия была возложена на командира дивизионной роты сопровождения оберштурмфюрера СС Эрвина Штира. Поскольку сама его рота была очень слаба, то для усиления ему придали взвод охраны

штаба дивизии, два тяжелых противотанковых орудия и восемь 88-мм зениток. С этой же целью к дороге перебросили и II батальон 26-го полка СС.

Наутро 31 марта командный пункт дивизии размещался в городке Нагисенк. Здесь же был сосредоточен саперный батальон, уцелевшие танковые подразделения дивизии и прочие вспомогательные части. Около шести утра в город ворвались 16 советских танков Т-34. Первым на их пути стал саперный батальон, вернее, его остатки — в распоряжении Ханнеса Тауберта было всего около 150 человек. Эти силы связали советские войска боем в южной и юго-восточной окраине города. Долго сдерживать натиск превосходящих сил противника они не могли, танки двинулись дальше, по направлению к дивизионному командному пункту. Пытаясь им помешать, Тауберт отчаянно контратаковал, но ничего не добился, зато был подбит его бронетранспортер. Все это происходило максимально быстро.

Тем временем звуки боя достигли и командного пункта дивизии. Хуберт Мейер вышел на улицу, чтобы узнать, в чем дело. Прямо навстречу ему ехали вражеские танки. С молниеносной быстротой малочисленный персонал штаба дивизии оставил сельский дом, где размещался командный пункт, и через сад начал пробираться в соседний дом. Пока они шли, один Т-34 достиг этого соседнего дома и остановился — очевидно, что советский экипаж хотел разведать обстановку. Во всей группе немецкого штаба был лишь один «Панцерфауст» и вооружен им был не кто иной, как штабной «хиви» — то есть бывший советский военнопленный, добровольно перешедший на службу немцам. Этот «хиви» и уничтожил советский танк метким выстрелом. Благодаря этому командир

дивизии Краас, Хуберт Мейер и другие сотрудники штаба пересекли широкую деревенскую улицу и сумели достичь позиций 25-го полка СС в Дойчкройце. Всего немцы подбили в Нагисенке 15 советских танков из 16. Несмотря на этот мелкий успех, достичь больших выгод им не удалось. 31 марта был ранен командир I батальона 25-го полка СС гауптштурмфюрер СС Вернер Дамш. 17 апреля 1945 г. он был награжден Рыцарским крестом.

Вскоре танки и пехота Красной армии атаковали и Дойчкройц и потеснили немцев и здесь. Части 25-го полка СС и саперного батальона начали отход на Оденбург.

II батальон 26-го полка СС весь день вел тяжелый бой с советскими танками и пехотой. Если бы не армейская батарея 88-мм орудий, то эсэсовцам пришлось бы совсем туго, но так им удалось добиться определенных успехов. Упорные бои развернулись за деревню Гарка. Успехи в обороне эсэсовцам сопутствовали, пока стреляли зенитки, но после того как у орудий закончились боеприпасы, они были взорваны. После этого красноармейцы ворвались в Гарку, 2-й батальон оставил деревню и под огнем вражеской артиллерии начал отход вдоль дороги на Оденбург. Командир батальона гауптштурмфюрер СС Отт был

Оберштурмфюрер СС Вернер Дамш, командир II батальона 25-го полка СС

серьезно ранен, новым командиром стал батальонный адъютант оберштурмфюрер СС Харро Люббе.

Отход оставшихся частей дивизии к Оденбургу продолжался весь остаток дня. В ночь на 1 апреля дивизия СС «Гитлерюгенд» пересекла имперскую границу возле Оденбурга, оказавшись на территории Австрии. Рано утром 25-й полк СС получил приказ создать блокирующую позицию на дороге Оденбург — Вена. До конца войны оставалось чуть больше месяца.

С 18 по 31 марта дивизией было безвозвратно потеряно 25 офицеров. В этой связи обращает на себя внимание большое число пропавших без вести — 10 офицеров. Среди пропавших без вести был командир минометного дивизиона гауптштурмфюрер СС Карл Циссенитц. Такие потери наглядно иллюстрируют тяжесть боев дивизии с войсками Красной армии.

В обороне имперской территории

К началу апреля 1945 г. 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» представляла собой лишь боевую группу силой в два батальона средней силы, 15 танков, восемь самоходок, 18 бронетранспортеров[1] и несколько десятков орудий разных типов. Подкреплений дивизии ждать было неоткуда. Даже для защиты имперской границы у немецкого командования не было войск. Правда, вместо солдат, в дивизии оказалось некоторое количество юношей — членов гитлерюгенда, самому старшему из которых исполнилось едва ли 15 лет[2]. Однако

[1] *Мощанский И.* Освобождение Австрии. С. 20.

[2] *Holztraeger H.* In a raging Inferno, p. 86.

большой пользы от них в бою ждать не приходилось. Поэтому измотанные гренадеры, танкисты, разведчики, артиллеристы, зенитчики, связисты и прочие солдаты дивизии не могли рассчитывать даже на короткий отдых.

В ночь на 1 апреля части дивизии собирались в районе города Баумгартен, что в девяти километрах к северо-западу от Оденбурга. Поврежденные танки и самоходки были направлены в Санкт-Пельтен для ремонта. Дивизия должна была занять блокирующую позицию на шоссе Оденбург — Винер — Нойштадт и Оденбург — Вена.

Красная армия никакого почтения к трудностям дивизии не испытывала и утром 1 апреля решительно атаковала позиции немцев. Наибольшие трудности выпали на 26-й полк СС, 2-й и 3-й батальоны которого не имели достаточного оснащения для противотанковой борьбы. Поддержку им должна была оказывать армейская батарея 88-мм орудий, однако советские танки быстро ее уничтожили. Из-за этого эсэсовцы не могли защищать свои позиции на венской трассе и вскоре уже отступали. За полдня они с боями откатились на несколько километров, к городку Мюлендорф. Новая линия обороны была организована возле Хонштайна, что в 17 километрах к северо-востоку от Винер-Нойштадта. Эта линия была занята около 15:00. Здесь разместился командный пункт дивизии. В этот момент новым командиром 26-го полка СС стал оберстлейтенант Генерального штаба Вайценеггер. Одним из первых его действий было расформирование II батальона 26-го полка СС и направление высвободившихся солдат на пополнение III батальона и некоторых других частей.

В конце дня советские танки атаковали позиции дивизии у Хорнштайна. Немецкие танки и артиллерия открыли огонь,

подбив два Т-34 и два бронетранспортера. В последовавшем бою советская пехота ворвалась в сады на окраине Хорнштайна, но была остановлена. Красная армия обошла эсэсовцев с флангов, положение немцев усугублялось нехваткой боеприпасов у танков. Поэтому боевая группа начала отход на Лейту, где и закрепилась.

Весь день 2 апреля дивизия вела бои, пытаясь остановить рвущиеся к Вене войска Красной армии. Под давлением превосходящих сил противника позиции у Лейты не могли быть удержаны долго, и еще до полудня дивизия отошла к Блюмау. Здесь была организована боевая группа, куда вошли 26-й полк СС (фактически — оставшийся от полка III батальон), санитарный батальон и несколько 88-мм зениток. Эта группа заняла позиции у Гросау (один километр к северо-востоку от Хиртенберга). Части 25-го полка СС выдвинулись к самому Хиртенбергу. К концу дня оборона у Гросау и Блюмау была удержана, хоть и с большими трудностями.

3 апреля III батальон 26-го полка СС вступил в бой в районе Леоберсдорфа, но вскоре был оттеснен советскими войсками. Командир батальона гауптштурмфюрер СС Йозеф Риде был убит выстрелом снайпера. 25-й полк СС в кровопролитных боях удерживал Хиртенберг до вечера, а затем отступил к Сент-Вайту, в двух километрах к западу от Хиртенберга. Уже поздно вечером бои шли на окраине Сент-Вайта. Этим же днем советские войска попытались обойти позиции дивизии у Гросау, однако эсэсовцы контратакой выправили положение. В бою оберстлейтенант Вайценеггер был ранен осколком снаряда, но остался в строю.

4 апреля боевая группа 25-го полка СС, при поддержке одного «Ягдпанцера» и 37-мм зенитки, атаковала красноармей-

цев на окраине Сент-Вайта и очистила деревню от противника. Почувствовав удачу, немцы развили успех и отбили деревню Энцесфельд. Вместе с этим достижением 25-го полка СС боевая группа 26-го полка СС была вынуждена сдать Гросау и отступить в лес к западу от деревни.

Немецкий фронт рушился, а вся стратегия командования теперь состояла из латания дыр. После прорыва советских войск в полосе II танкового корпуса СС угроза нависла над Санкт-Пельтеном. Боевая группа «Бремер» на базе 12-го разведывательного батальона СС была в спешке брошена на Алланд (13 километров севернее Бадена), с целью прикрыть дорогу на Санкт-Пельтен и контратаковать противника на восток. Однако нехватка сил и превосходство противника не позволили провести контратаку.

Штурмбаннфюрер СС Герд Бремер, командир 12-го разведывательного батальона СС

5 апреля боевая группа 25-го полка СС продолжала удерживать Сент-Вайт. Советские войска большой активности не проявляли, ограничившись небольшими атаками пехоты при поддержке нескольких танков. В секторе боевой группы 26-го полка СС эсэсовцы были обойдены с левого фланга, бои закипели за деревню Поттенштайн. Боевая группа «Тауберт» (создана на базе саперного батальона), с поддержкой артиллерии, зениток и нескольких танков и

самоходных противотанковых установок, отбросила противника контратакой от Поттенштайна.

К полудню боевая группа 26-го полка СС была усилена только что прибывшей новой боевой группой — в нее вошли части снабжения I и II батальонов, мелкие части артиллерийского полка и зенитного дивизиона. Также в дивизии была создана боевая группа Мебиус (командир — лейтенант Мебиус), куда вошли переквалифицировавшийся в пехоту персонал санитарного батальона и группа из дивизионной роты машин «скорой помощи» — несколько унтер-офицеров и солдат под командованием обершарфюрера СС Хааса. После этого в дивизии осталась лишь одна перевязочная станция, которой командовал штурмбаннфюрер СС доктор Апп.

Едва ли не главной проблемой для дивизии в данный момент было обеспечение связи с соседями. Между «Лейбштандартом» и «Гитлерюгенд» снова образовалась широкая брешь, между Хайдльхофом и Мейерлингом. Чтобы прикрыть ее, 6 апреля 26-й полк СС контратаковал из Поттенштайна на север. Ему удалось взять и удержать дорогу Гроссау — Алланд у Райзенмаркта. Боевая группа санитарного батальона («Мебиус») взяла под контроль замок Меркенштайн, а боевая группа Герда Бремера ввязалась в тяжелые бои в районе Алланда и теперь медленно отступала. В свою очередь, боевая группа 25-го полка СС захватила высоту Хохенлиндкогель.

Вечером 6 апреля советские войска атаковали по всей линии обороны дивизии. У Гросау 26-й полк СС отбил все их атаки. Боевая группа Мебиуса была поначалу потеснена, но затем контратакой статус-кво было восстановлено. Унтершарфюрер СС Цимс из санитарного батальона уничтожил один танк из панцерфауста. В целом позиции удалось удержать.

7 апреля боевая группа дивизии СС «Гитлерюгенд» удерживала блокирующую линию Хайдлхоф — Шлосс — Меркенштайн — Шварцензее. На левый фланг дивизии была выдвинута боевая группа «Гросс», куда вошли части 12-го танкового полка СС[1]. День прошел относительно спокойно, лишь вечером дивизионная рота сопровождения была в спешке брошена на Гласшюттен и Дёрфл, где была замечена повышенная активность противника. 8 апреля части дивизии захватили высоту Кляйнер и деревню Гросер-Мархберг в районе Райземаркта и холмистую местность западнее Алланда. При этом было подбито пять вражеских танков. Боевая группа 26-го полка СС вошла в подчинение «Лейбштандарту».

В 17:00 8 апреля советские войска атаковали правый фланг дивизии, ударив по блокирующей позиции боевой группы 25-го полка СС на линии Штайнер — Хофстаттен. Красноармейцы имели успех, и уже вскоре контакт с 26-м полком СС на левом фланге группы был утрачен. В ночь на 9 апреля советские войска продолжили наступление на правом фланге дивизии. На рассвете передовая группа войск противника вышла к высотам к северу от Шварцензее. Здесь эсэсовцы оказали сопротивление и подбили два советских танка. Однако удержать советские войска они были не в состоянии. К шести утра красноармейцы были уже в центре Шварцензее, а боевая группа 25-го полка

[1] По-видимому – штаб, ремонтные и вспомогательные подразделения. Также в боевую группу Гросса входила боевая группа майора Гольдаммера, состоящая из 560-го тяжелого противотанкового дивизиона и разных сборных частей, в том числе из вермахта и люфтваффе. Группа имела несколько боеспособных самоходок и танков. Основные силы 12-го противотанкового дивизиона СС теперь сражались как пехотинцы.

СС оставила город и отошла на позиции в 700 метрах южнее. В 11:00 начальник штаба I танкового корпуса СС приказал отбить Шварцензее. Для контратаки Краас собрал боевую группу Тауберта и части III батальона 26-го полка СС. Для усиления группировки из «Лейбштандарта» прислали танковую роту сопровождения (сила и состав ее неизвестны), также была обещана артиллерийская поддержка. Контратака началась в 18:00 и проходила весьма успешно — наутро 10 апреля Шварцензее было отбито.

За 10—11 апреля фронт дивизии особенно не изменился, а все вражеские атаки были отбиты. Наибольшую активность в эти дни Красная армия проявляла на левом фланге дивизии, где оборонялись боевая группа Мартина Гросса и зенитный дивизион. В ночь на 12 апреля спокойствие закончилось. Сначала была атакована боевая группа «Бремер» (разведывательный батальон и III батальон 26-го полка СС), оборонявшаяся возле Гройсбаха. Перед атакой на позиции обороняющихся обрушилась авиация и артиллерийский обстрел. Несколько советских атак эсэсовцы отбили. Однако затем жестокий артиллерийский огонь принудил немцев к отступлению на новые позиции между Гройсбахом и Дёрфлом. К северу от Гройсбаха советские войска заняли санаторий Алланда. Днем атаке подверглись позиции 25-го полка СС, немцы потеряли высоту Хайдерберг и сдали несколько деревень.

Тем временем Герд Бремер получил приказ отбить Гройсбах. Его боевая группа атаковала вдоль дороги Нёстах — Гройсбах, при поддержке нескольких танков. Тяжелые бои закипели за высоту 489, к востоку от дороги, которая несколько раз переходила из рук в руки. В этот момент противостоящие стороны заметно активизировались — 26-й полк СС отбил

высоту 537 к северу от Шварцензее, а в секторе 25-го полка СС штурмовая рота оберштурмфюрера СС Ганса Бадера отбила сильную советскую атаку на высоту Пайлштайн. Линия фронта дивизии была стабилизирована.

Однако на левом фланге советские войска сильно потеснили группу майора Гольдаммера (входившую в группу Гросса) в районе Лаабен. Чтобы выправить положение, на выручку ей бросили саперный батальон, который перекрыл дорогу Санкт-Корона — Альтенмарк, прикрыв свои позиции минными полями. Также в этот сектор бросили группу разведывательного батальона под командованием гауптштурмфюрера СС Герда фон Райтценштайна, которому подчинили несколько десятков гренадер с ручным оружием. Всем было ясно, что толку от этой группы будет немного и ее нужно усилить. Но чем? Выход был найден быстро. Как мы помним, I (смешанный) танковый батальон фон Риббентропа был выведен на пополнение на полигон в Фаллингбостель. Отметим, что в конце марта, во время отступления дивизии из Венгрии, в ее состав возвратилась 5-я танковая рота оберштурмфюрера СС Гаша. 12 апреля в район Лаабена прибыла 6-я танковая рота гауптштурмфюрера СС Гетца Гроссйоханна. Вот эту только что прибывшую 6-ю роту и придали Райтценштайну.

Эта мера дала быстрый эффект: танковой контратакой свежей роты Райтценштайн восстановил линию обороны 560-го тяжелого противотанкового дивизиона и даже смог завоевать для немцев более выгодные позиции для обороны, чем были раньше.

Теперь снова вернемся к I танковому батальону. Что касается его остальных частей, то с их комплектацией танками дело обстояло куда хуже — танков для них просто не было.

Несмотря на это, батальон было решено направить на фронт. В итоге персонал штаба I танкового батальона со штабной ротой и личным составом 1-й и 3-й танковых рот был погружен в вагоны в Фаллингбостеле 1 апреля. 8 апреля они достигли Вилхельмсбурга в 11 километрах к югу от Санкт-Пельтена. После выгрузки эти танковые роты без танков были реорганизованы в пехотные подразделения. Части снабжения получили гужевой транспорт венгерской армии. Батальон имел на вооружении несколько пулеметов, из них часть была танковыми, и винтовки, часть из которых, полученные недавно со складов, были старых моделей. Автоматы были только у командиров взводов и у некоторых командиров отделений.

В ночь на 13 апреля батальон был погружен на грузовики и переброшен в Лаабен, где сразу же направлен на передовую. Гауптштурмфюрер СС фон Риббентроп принял командование сектором Форстхоф — Аудорф, который занимали прибывшие с ним роты, 6-я танковая рота Гроссйоханна и боевая группа зенитного дивизиона дивизии. Ночью эсэсовцы предприняли несколько ограниченных, локальных атак, отвоевав немного территории.

На 13 апреля 1945 г. в составе дивизии числилось 281 офицер, 1401 унтер-офицер и 6049 рядовых — всего 7731 военнослужащий[1]. Отметим, что в это число входят также и раненые, находившиеся в госпиталях. С начала месяца и до 13 апреля безвозвратно было потеряно восемь офицеров.

13 апреля позиции дивизии снова подверглись сильным атакам. 3-я танковая рота гауптштурмфюрера СС Минова

[1] *Bender R., Taylor H.* Uniforms, organization and history of the Waffen SS. Vol. 3, p. 125.

Оберштурмфюрер СС Рудольф фон Риббентроп, командир I батальона 12-го танкового полка СС

(без танков) была атакована крупными силами с востока и севера. Здесь стало ясно, что позиции, завоеванные ротой ночью, оказались не слишком удобными для обороны. Поэтому 1-й и 2-й взводы начали отступать к Форстхофу. Однако отступление было плохо организовано, и на плечах отступающих советские войска ворвались в деревню. Фон Риббентроп лично принял участие в бою, командуя четырехствольной самоходной зениткой. Ему удалось задержать наступление противника, пока не прибыло подкрепление, среди которого — два танка из резерва полка. Этими силами удалось очистить Форстхоф от красноармейцев.

Боевая группа зенитного дивизиона дивизии весь день успешно отражала атаки противника. Далее на востоке советские войска силой до полка прорвались на юго-запад из района Хохштрасс. Немецкие блокирующие силы юго-западнее Шопфлгиттера были отброшены. В угрожаемый район была брошена дивизионная рота сопровождения. Тем временем советские войска захватили Сант-Корону. Получив это известие, гауптштурмфюрер СС фон Райтценштайн начал готовить контратаку, чтобы выправить положение.

Правый фланг дивизии СС «Гитлерюгенд» также подвергся сильным атакам противника. Здесь оборонялась боевая группа разведывательного батальона. В 08:30 Герд Бремер доложил, что не может более удерживать высоту 489 южнее Гройсбаха. С боями он отвел свои силы на позиции к северо-востоку от Дёрфла. Единственным спокойным сектором дивизии 13 апреля был район 26-го полка СС, где активность Красной армии не отмечалась.

Немецкому командованию было ясно, что дивизия не сможет долго удерживать свой достаточно широкий сектор обороны. Поэтому штаб I танкового корпуса СС приказал Краасу в ночь на 14 апреля отвести дивизию на линию Герихтсберг — Нойвальд — Шайд. В этот же день немцами была сдана Вена.

Пока в штабах разрабатывали приказы, в ночь на 14 апреля советские войска атаковали на Шварцензее и ворвались в деревню, захватили ее в коротком бою и наутро продвинулись к деревне Беттстайгоф, что в 700 метрах южнее. Контратака частей 26-го полка СС при поддержке танков была остановлена сильным огнем артиллерии противника, немцы потеряли один танк. В секторе боевой группы «Бремер» противник атаковал утром из Гройсбаха, захватил высоту 672 и продвинулся далее на запад. Бремер контратаковал наступающих красноармейцев силами нескольких бронетранспортеров и одного «Ягдпанцера». Эта атака имела успех, эсэсовцам даже удалось захватить пленных.

В 10:30 фон Райтценштайн начал контратаку на Сант-Корону. Неожиданно она имела успех: деревня была отбита, также была взята высота 648 в одном километре северо-восточнее. До конца дня немцы восстановили в этом районе линию фронта, что была накануне.

15 апреля в секторе дивизии наблюдалось относительное затишье. К этому моменту судьба войны была решена, а внимание всего мира было приковано к Одерскому фронту, где 16 апреля началась битва за Берлин. Туда же были перенесены все основные усилия как Советского Союза, так и Германии. Австрийский участок фронта, где действовала дивизия СС «Гитлерюгенд», по сути, стал второстепенным. 13—14 апреля пала Вена. Всем было ясно, что война проиграна, но дивизия продолжала оказывать сопротивление. Последние недели войны «Гитлерюгенд» провела в постоянных локальных схватках, обороняя австрийские городки и деревни и медленно отступая на запад. Дивизия проделала стокилометровый марш на запад, в сторону Линца, чтобы избежать пленения советскими войсками и сдаться американцам.

8 мая 1945 г., менее чем в километре от демаркационной линии американских войск бригадефюрер СС Хуго Краас[1] устроил последний смотр своей дивизии. Для смотра отобрали «лучших их лучших». В строю перед ним стояли 455 человек и один танк[2]. После смотра части «Гитлерюгенд» начали пересекать демаркационную линию возле города Эннс юго-восточнее Линца и сдаваться в плен 65-й пехотной дивизии армии США. Сохранившие честь и достоинство до конца, офицеры дивизии отвергли требование американцев, чтобы дивизионная техника была увешана белыми флагами, что символизировало бы их добровольную сдачу в плен.

Всего в плен сдалось 328 офицеров, 1698 унтер-офицеров и 7844 солдата — всего 9870 человек. По нашему мнению, такое

[1] Произведен в бригадефюреры СС 20 апреля 1945 г.

[2] *Bender R., Taylor H.* Uniforms, organization and history of the Waffen SS. Vol. 3, p. 123.

число сдавшихся объясняется тем, что в состав дивизии были включены отставшие солдаты вермахта, войск СС и полиции. На 8 мая в боеготовом состоянии дивизия имела шесть Pz-IV, девять «Пантер», одно «Веспе», 17 легких полевых гаубиц, четыре тяжелых гаубицы, два 100-мм орудия, семь «Небельверферов» и семь трофейных советских 7,62-мм орудий[1].

С 10 февраля по 8 мая 1945 г. дивизия СС «Гитлерюгенд» потеряла 96 офицеров (из них 53 убитыми), 380 унтер-офицеров (125 убитыми) и 3900 солдат (1320 убитыми) — то есть всего 4376 человек. Было потеряно 32 танка Pz-IV, 35 «Пантер» и одно «Веспе».

Заключение

Историю дивизии СС «Гитлерюгенд» можно условно разделить на два этапа. Первый этап можно примерно определить временными рамками — с момента создания до сентября 1944 г., когда дивизия завоевала себе почет и славу и не последнее место среди элитных частей вермахта. Это был период, когда дивизия была укомплектована великолепным личным составом и имела хорошее оснащение. Этим были обусловлены ее выдающиеся успехи в ходе Нормандской кампании, которые признаются даже оппонентами. Однако в ходе этих боев дивизия понесла потери, от которых уже никогда не смогла оправиться.

Второй этап — с осени 1944 г. и до конца войны. Этот этап характеризуется слабым уровнем подготовки личного состава и недостаточным оснащением и вооружением диви-

[1] *Meyer H.* The 12th SS. Vol. 2, p. 497, 502.

зии. В принципе, на этом этапе войны подобные проблемы стояли перед всеми дивизиями войск СС и вермахта. Все это обусловило крайне низкие результаты дивизии, достигнутые в ходе сражения в Арденнах и на Восточном фронте. По сути, результаты, полученные «Гитлерюгенд» в этих операциях, никак не соответствовали высокому званию танковой дивизии СС. Можно сказать, что на втором этапе своего существования дивизия была лишь бледной тенью себя самой в Нормандии.

За время существования солдаты дивизии получили 15 Рыцарских крестов, дважды получили Дубовые листья, один раз Мечи, 23 Германских креста в золоте, один Германский крест в серебре, четыре Пряжки почетного списка сухопутных сил. При этом основная масса наград была вручена до 1945 г. Лишь два Рыцарских креста были присуждены солдатам дивизии в 1945. Германский крест в золоте в 1945 г. был вручен один.

Глава 6
ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Вторая мировая война на всех фронтах была жестокой и безжалостной. И страны «Оси», и страны антигитлеровской коалиции сражались за свое существование, что определяло бескомпромиссный характер борьбы. Это обусловило совершение всеми воюющими сторонами военных преступлений. В этой главе мы рассмотрим и разберем наиболее известные случаи военных преступлений, совершенных солдатами дивизии СС «Гитлерюгенд».

Самым известным фактом совершения дивизией военных преступлений является расстрел канадских военнопленных в первые дни сражения в Нормандии. По данным польского историка Ш. Датнера, солдаты дивизии СС «Гитлерюгенд» в 31 случае совершили убийства взятых в плен безоружных солдат войск союзников. В период с 7 по 21 июня 1944 г. убийства эти имели место в следующих пунктах Нормандии: Шато д'Одрие, Сен Сюльпис-сюр-Риль, Ле Солле, Ле Мениль-Патри, Ле Мэн, Аржантан[1]. Преступления выразились в расстреле пленных либо карательными взводами под командованием унтер-офицеров, либо лично офицерами и унтер-офицерами. За первые 10 дней боев от рук эсэсовцев погибли 64 канадских и британских военнопленных.

При анализе большинства работ, посвященных Нормандской кампании, создается впечатление, что расстрелами безоружных военнопленных занималась только немецкая сторона. Однако известный английский историк М. Хастингс, автор объективного, детального исследования истории Второго фронта «Операция «Оверлорд», которого никак не упрекнешь в симпатиях к немцам, сделал вывод, что союзная пропаганда часто искажала баланс виновности в этом вопросе. При написании своей работы Хастингс встретился со многими ветеранами союзных войск, принимавших участие в боях в Нормандии. Так вот, среди десятков опрошенных им лиц почти каждый был свидетелем или участвовал в расстреле немецких военнопленных в ходе этой кампании. В разгар сражения при виде гибнущих товарищей многие солдаты союзников находили невыносимым отправ-

[1] *Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных. С. 79.

лять пленных в тыл, зная, что благодаря этому те останутся в живых после войны, в то время как сами они имеют весьма небольшие шансы на выживание. По утверждению Хастингса, во многих английских и американских частях пленных эсэсовцев расстреливали без особых церемоний, этим в немалой степени и объясняется небольшое количество эсэсовцев в лагерях для военнопленных. Штурмман СС Кирхнер из 25-го полка СС вспоминал, как он нашел тела двух военнослужащих дивизии, взятых в плен и убитых союзниками из пистолета в затылок[1]. Далее, анализируя случаи расстрела военнопленных обеими сторонами, Хастингс делает вывод, что «в целом представляется сомнительным, что это делалось одной стороной в более крупных масштабах, чем другой». И ниже: «Трудно в этом случае задним числом найти существенное различие в поведении той и другой стороны на поле боя»[2].

В том, что расстрел безоружных военнопленных является военным преступлением, никто не сомневается. Сомнения вызывает только однобокий подход к этому вопросу у подавляющего большинства историков. Если союзники расстреливают военнопленного немца, то это естественно — военная необходимость, справедливое возмездие, в общем, все что угодно, только не военное преступление. Если же немцы расстреляют пленного солдата союзников, то никакого оправдания тут быть не может — все они садисты и преступники. Излишне говорить, что все случаи расстрела немецких военнопленных так и остались безнаказанными, а расследование, что вполне объяснимо, не проводилось.

---

[1] *Williamson G.* Loyalty is my Honour, p.166.

[2] *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». С. 309—310.

В дополнение ко всему этому отечественный исследователь Николай Лавров (скрывающийся под псевдонимом Уорвол) сообщает о каком-то таинственном секретном устном приказе расстреливать пленных после допросов. Якобы такой приказ отдали офицеры, перешедшие в 12-ю танковую дивизию СС из «Лейбштандарта»[1]. Вдобавок польский историк Ш. Датнер сообщил, что солдат 25-го и 26-го полков СС, 12-го саперного батальона СС учили на поверке перед проведением казней: «СС не берет пленных, поскольку этого не делают англичане»[2]. Данная информация практически полностью опровергается книгой Хастингса[3], которая полна воспоминаниями солдат союзников, оказавшихся в немецком плену, и, что главное, взятых в плен солдатами дивизии СС «Гитлерюгенд». Многие из них отмечают корректное отношение к себе со стороны эсэсовцев.

В то же время приказы о расстреле немецких военнопленных имели место в канадской армии: Курт Мейер сообщает о захваченной инструкции, где прямо предписывалось «не брать никаких пленных». Подобных примеров известно несколько, многие из них были озвучены на послевоенных судах над немецкими военнослужащими, но поскольку касались они победившей стороны, то остались без последствий.

Самый известный эпизод, иллюстрирующий отношение союзников к немцам, произошел 8 июня 1944 г. В этот день полковник Люксембургер, командир артиллерийского полка

---

[1] *Уорвол Н.* Войска СС. Кровавый след. С. 313.

[2] *Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных. С. 79.

[3] *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». Как был открыт Второй фронт. М.: Прогресс, 1989. 472 с.

130-й Образцовой танковой дивизии, отправился на рекогносцировку. Вместе с ним были майор Цейзлер, командир артиллерийского дивизиона, полковой адъютант капитан граф Клери-Альдринген, а также шесть унтер-офицеров и солдат. В ходе этой разведки вся группа была взята в плен союзным танковым патрулем, причем захваченные были нужны им только в качестве щита от пуль. Когда же немцы отказались выполнить это требование, началось безжалостное избиение военнопленных. Все унтер-офицеры и солдаты были убиты. Майору Цейзлеру удалось спрятаться в кустарнике и позже добраться до немецких позиций. В графа Клери стреляли и ранили, он потерял сознание, а спасло его то, что на него упали трупы уничтоженных немецких солдат. Позже Клери пришел в себя и, тяжелораненый, пополз к немецким линиям. Его подобрали солдаты 2-го батальона 26-го гренадерского полка СС Бернгарда Зибкена и оказали первую помощь. Что касается полковника Люксембургера, то этого однорукого ветерана Первой мировой войны канадцы привязали к бронемашине в качестве живого щита и так поехали в расположение своих войск. По дороге они попали под огонь немецкой противотанковой пушки, бронемашина была подбита, а Люксембургер — ранен. Его так и бросили привязанным к машине. Позже его обнаружил немецкий патруль; полковника доставили в полевой лазарет, где через три дня он умер.

Достоверно не известно, к какой части принадлежали эти военнослужащие экспедиционных сил союзников. Пауль Карель утверждает, что это были канадцы, а Курт Мейер уверен в виновности английского разведывательного патруля. Однако это не так уж и важно. Этот случай убедительно доказывает,

что военнослужащие союзных армий также вели беспощадную войну, мало чем отличаясь от своих противников, а подчас и превосходя их в жестокости.

Нужно сказать, что часто с обеих сторон расстрелу подлежали те захваченные в плен военнослужащие армии противника, которые, по мнению противоположной стороны, нарушали допустимые пределы жестокости боя. Так, немцы расстреливали пленных союзных танкистов из экипажей огнеметных танков «Крокодил» (одна из модификаций британского танка «Черчилль»)[1]. Также вполне можно допустить, что в горячке боя бывали эксцессы в виде расстрела только что сдавшихся в плен вражеских солдат, тем более что не было возможности обеспечить им надлежащую охрану. О подобных случаях вспоминают ветераны всех участвующих в войне армий — от советской и американской до немецкой. Штурмман СС Эрхард Кирхнер из 25-го полка СС вспоминал, как 9 июня 1944 г. один из вестовых 13-й роты показал ему тела пяти расстрелянных канадцев. На вопрос, как это произошло, ему ответили, что адъютант полка оберштурмфюрер СС Кениг получил приказ сопроводить этих пленных на сборный пункт. Один из пленных выхватил спрятанный пистолет и выстрелил в Кенига, но промахнулся. Их всех тут же расстреляли по приказу Кенига. Когда Курт Мейер вернулся на командный пункт, он пришел в ярость и отправил Кенига на фронт, приписав к I батальону[2].

Нужно также учитывать и психологическое состояние молодых бойцов, впервые оказавшихся в реальном бою и увидевших живого врага лицом к лицу, а также их идеоло-

[1] *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». С. 309.

[2] *Williamson G.* Loyalty is my Honour, p. 165—166.

гическую подготовку. Добавим сюда шоковое состояние от гибели товарищей, с которыми «только несколько часов назад разговаривал». В результате получается, что имеющие небольшой боевой опыт солдаты, возможно, самые молодые из них, не смогли взять себя в руки, встретившись с напряжением и реалиями боя. Вообще же, садистов и «отморозков» хватало и с той и с другой стороны.

После войны командир дивизии СС «Гитлерюгенд» был единственным подсудимым на так называемом «процессе Арденского аббатства» в Аурихе, проводившимся канадским военным трибуналом. Его обвиняли в смерти 18 канадских военнопленных, расстрелянных немцами 7—8 июня 1944 г. Трибунал заседал с 18 по 28 декабря 1945 г. и приговорил Курта Мейера к расстрелу. На суде говорилось, что: «Во всей дивизии было известно, что политика беспощадности была по крайней мере апробирована, если не открыто поддерживаема командиром дивизии (Куртом Мейером) и командирами полков»[1]. Характерно, что такой подход вызвал протесты даже у канадских офицеров, которые, казалось бы, должны были его поддерживать. Один из самых заслуженных канадских офицеров, бригадир Гарри Форстер, сказал по этому поводу: «Я не верю, что Мейер нажимал на курок или приказывал казнить кого-либо, хотя я уверен, что он знал о том, что случилось (о казнях канадцев. — *Р.П.*). Но делает ли его это виновным в убийствах, так же как и меня, — ведь я тоже знал, что мои солдаты расстреливают немцев?»[2]

---

[1] *Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных. С. 79.

[2] *Williamson G.* Loyalty is my Honour, p. 162.

Таким образом, один из самых молодых дивизионных командиров вермахта стал первым «немецким военным преступником», приговоренным к смертной казни, однако 15 января 1946 г. приговор был заменен пожизненным тюремным заключением. Проведя девять лет сначала в канадской, а потом в английской военной тюрьме в Западной Германии, Мейер был освобожден 7 сентября 1954 г.

Если Мейеру повезло, то другие эсэсовцы не смогли так легко отделаться. В военных преступлениях был обвинен оберштурмбаннфюрер СС Бернгард Зибкен, осужденный британскими властями как военный преступник за расстрелы военнопленных в районе Кана. Его приговорили к смерти: 20 января 1949 г. Зибкен был повешен.

Кроме расстрелов военнопленных канадцев документально подтвержден еще один случай совершения чинами дивизии военных преступлений. На сей раз он касается осуществления репрессий эсэсовцами в ответ на партизанские действия против французского гражданского населения. В марте 1944 г. подразделения дивизии СС «Гитлерюгенд» осуществляли переброску к Нормандскому побережью. 2 апреля железнодорожный состав из 24 платформ приближался к маленькой станции Аск возле Лилля, когда внезапный

Бригадефюрер СС Курт Мейер во время Нормандской кампании

Гауптштурмфюрер СС Вальтер Хаук в униформе полиции

сильный взрыв уничтожил полотно, сбросил под откос две платформы и застопорил движение. Старший командир конвоя, оберштурмфюрер СС Вальтер Хаук, бывший полицейский офицер, немедленно приказал своим солдатам найти и арестовать все мужское население в окрестностях станции. Заложников отвели на 300 метров в сторону от дороги, где всех убили выстрелами в затылок. В целом были застрелены 70 человек, а еще 16 — убиты во время облавы. Важно помнить, что действия Хаука четко вписывались в указания вышестоящих немецких военных инстанций касательно борьбы с партизанами, в частности, известный приказ генерал-фельдмаршала люфтваффе Хуго Шперле, командующего 3-м воздушным флотом на Западе, от 3 февраля 1944 года, разрешавший репрессии в отместку за террористические действия против немецких солдат. Неудивительно, что резкий протест правительства Виши по поводу казней в Аске был отвергнут главнокомандующим на Западе фельдмаршалом Гердом фон Рундштедтом как необоснованный[1]. В дальнейшем Хаук командовал 2-й ротой 12-го разведывательного батальона СС и дослужился до звания гауптштурмфюрера СС. В 1949 г. Хаук и восемь его

[1] *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 223.

солдат, участвовавших в расстрелах в Аске, предстали перед французским судом. Процесс проходил в Метце. Здесь очень удивляет мягкость приговоров — если сначала почти все подсудимые были приговорены к смертной казни (лишь одному дали пятнадцать лет), то позже все смертные приговоры были заменены пятилетним заключением (!), только Хаук получил пожизненно. В итоге он все равно вышел на свободу, умер 11 июня 2006 г. в возрасте 88 лет.

ЛИТЕРАТУРА

Документы

The Last Levy: Waffen-SS Officer Roster, March 1st 1945. By Antony Munoz. — New York: Europa Books, 2001. — 168 p.

Частные архивы Д.П. Мура (США), Р. Пономаренко, К. Семенова (Россия).

Мемуары, дневники, персоналии

Бредли О. Записки солдата. — М., 1957. — 608 с.

Люк Х. На острие танкового клина. — М.: Эксмо, 2005. — 512 с.

Мейер К. Немецкие гренадеры. — М.: Центрполиграф, 2007. — 335 с.

Роковые решения вермахта. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. — 384 с.

Шпейдель Г. Вторжение 1944 года. — М.: Центрполиграф, 2004. — 206 с.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Т. 2. — М.: Воениздат, 1985. — 471 с.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Энциклопедии и справочные издания

Залесский К.А. СС. Охранные отряды НСДАП. — М.: Эксмо, Яуза, 2004. — 656с.

Залесский К.А. Вермахт. Сухопутные войска и Верховное командование. — М.: Эксмо, Яуза, 2005. — 656 с.

Семенов К. Войска СС. Солдаты как все. — М.: Яуза, Эксмо, 2004. — 383 с.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945. — М.: Эксмо, 2003. — 800 с.

McLean F. The Field men. The SS officers who led the Einsatzkommandos — the Nazi mobile killing units. — Schiffer Military History, Atglen, PA, 1999. — 168 p.

Nafziger G. The German Order Of Battle: Waffen SS and Other Units in World War II. — Da Capo Press, 2000. — 320 p.

Yerger M.C. German Cross in Gold. Holders of the SS and Police. Vol.1. "Das Reich". — James Bender Publishing, 2003. — 432 p.

Yerger M.C. German Cross in Silver. Holders of the SS and Police. — James Bender Publishing, 2002. — p.208.

Yerger M.C. Waffen-SS Commanders. Vol.1. — Schiffer Military History, Atglen, PA, 1997. — 356 p.

Yerger M.C. Waffen-SS Commanders. Vol.2. — Schiffer Military History, Atglen, PA, 1999. — 389 p.

Общие работы о Второй мировой войне

Аничкин А.О. Память о Нормандии // США — Канада. Экономика, политика, культура. — 2004.— № 8. — С. 78—99.

Баронов О. Балатонская оборонительная операция. — М.: Экспринт. — 112 с.

Исаев А.В., Коломиец М.В. Разгром 6-й танковой армии СС: Могила Панцерваффе. — М.: Эксмо-Яуза-Стратегия КМ, 2009. — 170 с.

Кулиш В.М. История Второго фронта. — М.: Наука, 1971. — 659 с.

Мощанский И., Сахончик Д. Освобождение Австрии // Военная летопись, 2003, № 7. — 72 с.

Толанд Д. Последние сто дней рейха. — Смоленск: Русич, 2001. — 528 с.

Хастингс М. Операция «Оверлорд». Как был открыт Второй фронт. — М.: Прогресс, 1989. — 472 с.

Badsey S. D-Day. From the Normandy beaches to the liberation of France. — London: Tiger Books International PLC, 1994. — 284 p.

Baverstock K. Breaking the Panzers. — Sutton Publishing, 2004. — 224 p.

Perret B. The Taste of Battle. — Cassel&Co, 2001. — 256 p.

Pitt B. Guards Armour. Guards Armoured Division — France 1944 // The Elite. Vol. 7.— Issue 81. — P. 1608—1613.

Германия во Второй мировой войне

Барр Н., Харт Р. Panzer. Бронетанковые войска III рейха. — М.: Эксмо, 2005. — 176 с.

Бернаж Ж. Немецкие танковые войска. Битва за Нормандию 5 июня — 20 июля 1944 года. — М.: Аст, 2006. — 136 с.

Бишоп К., Уорнер А. Германская армия во Второй мировой войне. Важнейшие кампании. — М.: Аст, Астрель, 2005. — 191 с.

Бишоп К., Уорнер А. Немецкая военная техника. Вторая мировая война. — М.: Аст, Астрель, 2005. — 191 с.

Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных. — М.: Издательство иностранной литературы, 1963. — 486 с.

Карель П. Африка — Нормандия. Лис пустыни 1941—1943. Они идут 1944. — М.: Изографус, Эксмо, 2003. — 560 с.

Кнопп Г. Дети Гитлера. — М.: Олма-Пресс, 2004. — 288 с.

Кросс Р. Последние дни рейха. — Смоленск: Русич, 1998. — 384 с.

Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. — Смоленск: Русич, 1998. — 576 с.

Моторизованная пехота вермахта. Ч. 2. — Рига: Торнадо, 1998. — 50 с.

Паллю Ж.П. Арденны 1944. Пейпер и Скорцени. — М.: Аст, Астрель, 2003. — 72 с.

Пантера. Лучший танк Панцерваффе // Военно-техническая серия.— № 3.

Пленков О.Ю. III рейх. Война: до критической черты.— Москва — Санкт-Петербург: Нева, 2005. — 384 с.

Пленков О.Ю. III рейх. Война: кризис и крах. — Москва — Санкт-Петербург: Нева, 2005. — 512 с.

Поморин Ю., Юнге Р. Неонацисты в ФРГ. — М.: Прогресс, 1980. — 294 с.

Свирин М. Пантера. — М.: Армада, 1996, № 5. — 57 с.

Танк-истребитель Pz. IV/70 (V) // Военная летопись. Серия Бронетанковый музей.— Вып. 2.— М., 2001.

Тяжелый танк «Пантера» // Бронеколлекция.— 1997.— № 2.

Харт С., Харт Р., Хьюз М. Рядовые вермахта и СС 1939—1945. — М.: Эксмо, 2006. — 192 с.

Шульман М. Поражение на западе. — М.: Центрполиграф, 2004. — 400 с.

Шуман Е. Знаменосец «гитлерюгенда» // Страницы немецкой истории: Легенды, факты, имена. — Deutsche Welle, 1999. — С. 34—45.

Элстоб П. Последнее наступление Гитлера // От Мюнхена до Токийского залива. — М.: Политиздат, 1992. — С. 362—421.

Holztraeger H. In a raging Inferno. Combat Units of the Hitler Youth 1944—1945. — Helion& Company, 2008. — 148 p.

Jentz T. Panzertruppen 2. The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's tank Force. 1943—1945. — Atglen: Schiffer Military History, 1996. — 300 p.

Ledwoch J., Trojca H., Trojca W. Flakpanzer.— Warszawa: Militaria, 1995.— 46 s.

Lefevre E. Panzers in Normandy. Then and Now. — London, 1999. — 212 p.

Les Panzer en Normandie // Militaria magasine: Hors-serie.— № 1.

Lucas J. Battle Group! German Kampfgruppen Action of World War Two. — London: Arms and Armour, 1993. — 192 p.

Mitcham S. Panzers in Winter. — London: Praeger Security International, 2006. — 211 p.

Schneider W. Tigers in Combat II. — Stackpole books, 2005. — 354 p.

История СС и войск СС

Кнопп Г. СС: Черная инквизиция. — М.: Олма-Пресс, 2005. — 284 с.

Мессенджер Ч. Танковый рыцарь рейха. — М.: Яуза-Эксмо, 2005. — 352 с.

Пэдфилд П. Рейхсфюрер СС. — Смоленск: Русич, 2002. — 544 с.

Пономаренко Р. Войска СС на Западном фронте 1944—1945. Военно-исторический аспект. — Х.: Кортес-2001. — 299 с.

Соколов Б. Красная армия против войск СС. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. — 447 с.

Солдаты СС. Экипировка, оснащение, тактика. — Рига: Торнадо, 1997.— 40 с.

Уильямсон Г. Дивизии СС. 11. SS-Division «Nordland» — 23. SS-Division «Nederland» / Под ред. В.И. Киселева // Альманах новый «Солдат».— № 74.

Уильямсон Г. СС — инструмент террора. — Смоленск: Русич, 1999. — 416 с.

Уорвол Н. Войска СС. Кровавый след. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. — 352 с.

Фей В. Бронетанковые дивизии СС в бою. — М.: Эксмо, 2008. — 384 с.

Фромм Г. Вторжение в Нормандию: борьба против искусственных гаваней // Доброволец, 2004, № 1(3). — С.7—8.

Хауссер П. Войска СС в действии. // Черная гвардия Гитлера. — М.: Яуза — Пресс, 2008. — С. 349—636.

Хене Х. Черный орден СС. — М.: Олма-Пресс, 2003. — 542 с.

Ailsby C. Waffen SS. The illustrated history 1923—1945. — MBI publishing company, USA. 1999. — 224 p.

Bender R., Taylor H. Uniforms, organization and history of the Waffen SS. Vol.3. — Bender publishing, 1972. — 176 p.

Butler R. SS-Hitlerjugend. — Casemate, 2003. — 144 p.

Krag E-A. An der Spitze im Bild. — Nation Europa Verlag, 1998. — 262 p.

Meyer H. The 12th SS. Vol.1, — Stackpole Books, 2005. — 592 p.

Meyer H. The 12th SS. Vol.2. — Stackpole Books, 2005. — 608 p.

Reynolds M. Sons of the Reich. — Casemate, Haventon, PA, 2004. — 360 p.

Rikmenspoel M. Waffen-SS Encyclopedia. — The Aberjona Press, Bedford, PA, 2004. — 285 p.

Ripley T. Steel rain. Waffen-SS panzer battles in the West 1944—1945. London, Brown Partworks Limited, 2001. — 224 p.

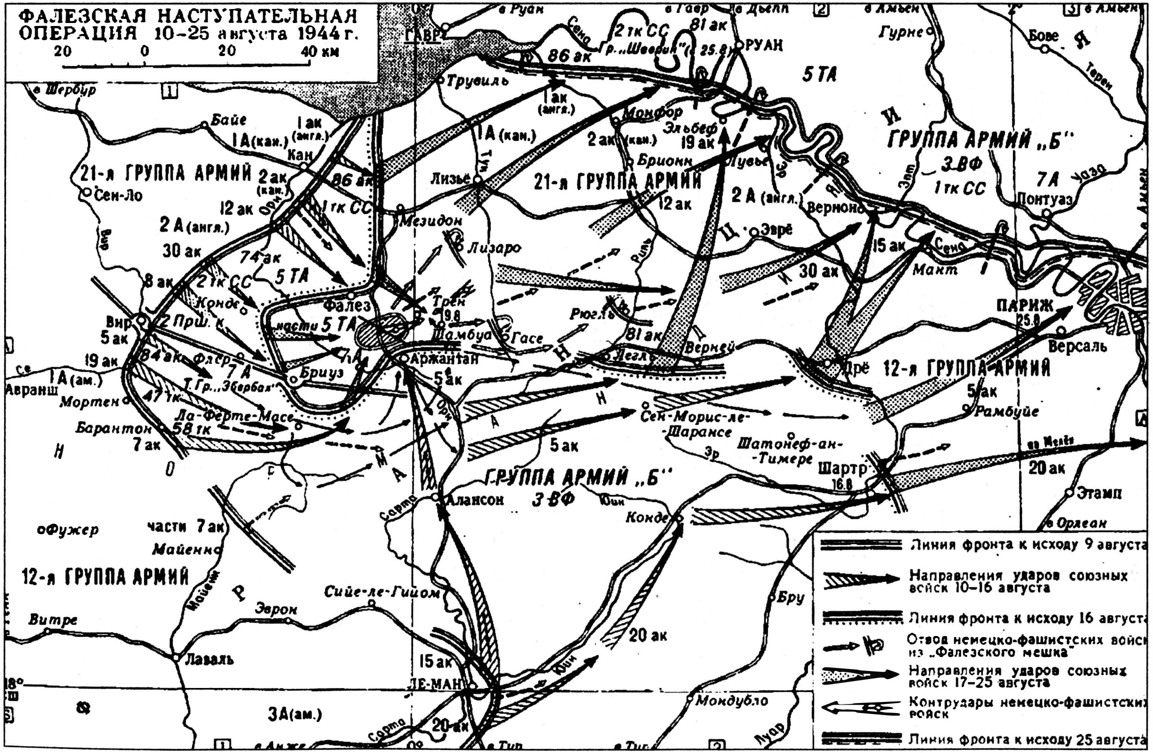
Simpson K. Waffen SS. — London: Bison group, 1990. — 80 p.

Walther H. The 12th SS Armored division. — Schiffer Military History, Atglen, PA, 1989. — 120 p.

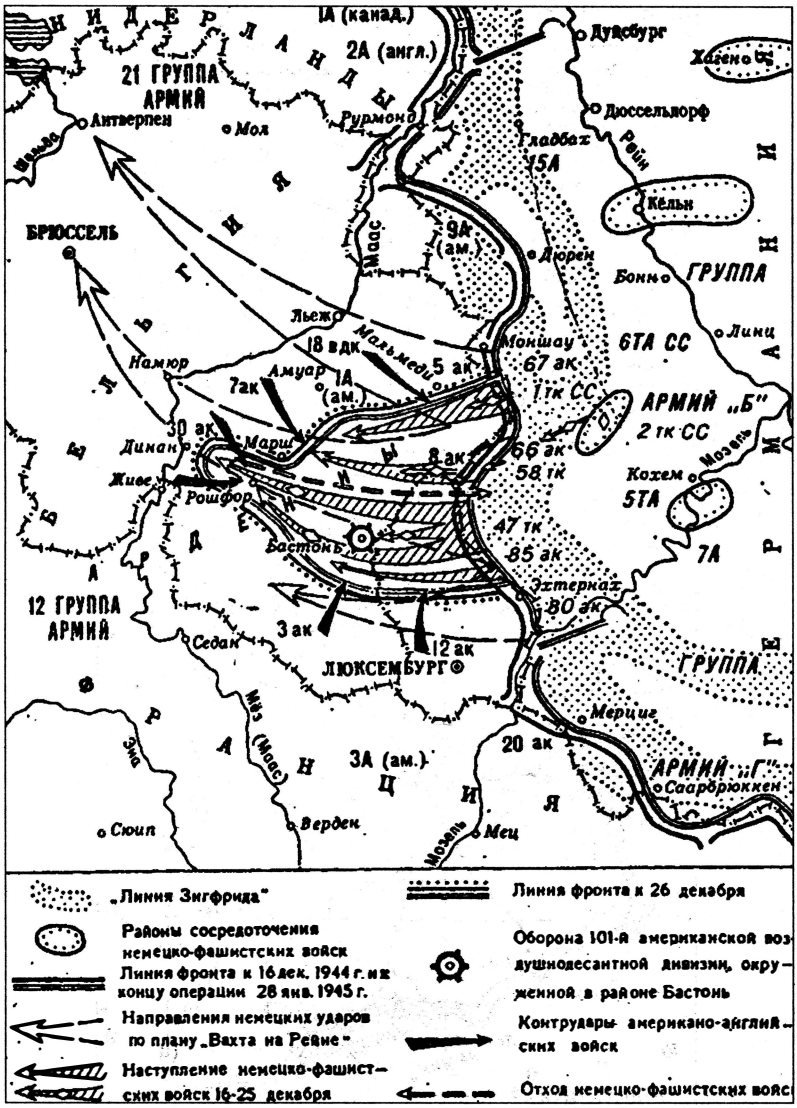
Weidinger O. Division Das Reich 1943—1945. Band V. — Osnabruck: Munin Verlag GMBH, 1982. — 621 s.

Williamson G. SS — Hitler's instrument of terror. — London: Sidgick & Jackson, 1995. — 256 p.

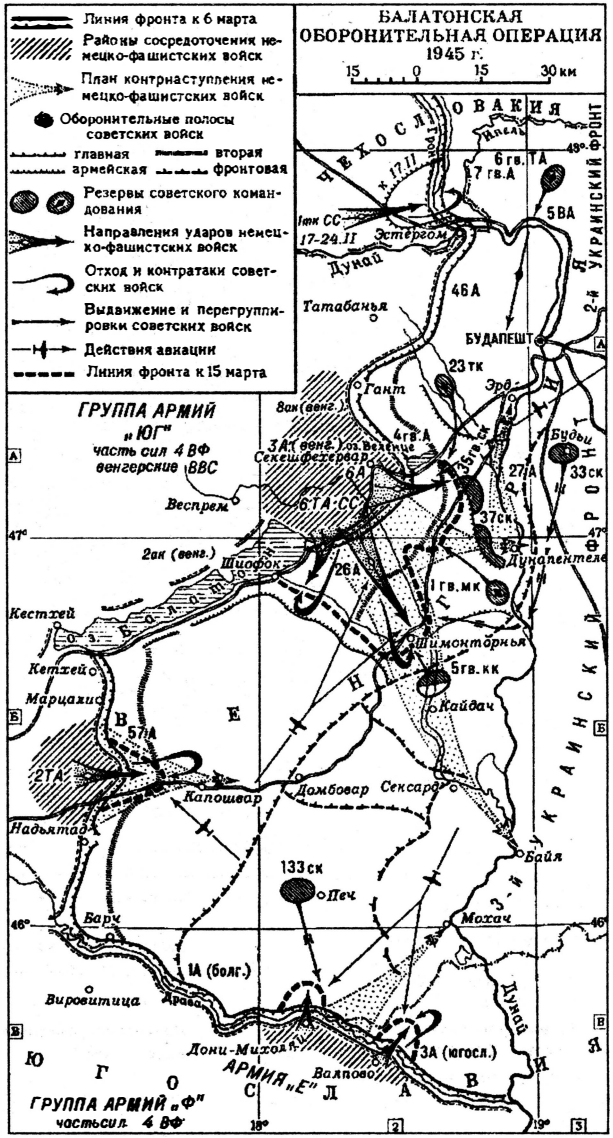
Williamson G. Loyalty is my Honour. — Bramley Books, 1995. — 192 p.



Фалезская операция. Август 1944 г.



Немецкое наступление в Арденнах. Декабрь 1944 г. — январь 1945 г.



Балатонская операция. 1945 г.

Венская операция. 1945 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава 1. ФОРМИРОВАНИЕ ДИВИЗИИ 5
Боевая подготовка 25
Командный состав и основные части дивизии 36
Немецкие планы противостояния союзникам на Западном фронте 44

Глава 2 . БИТВА В НОРМАНДИИ 47
Боевое крещение 61
Попытки задержать прилив 87
Операция «Эпсом» 103
Падение Кана 120
Бои продолжаются 139
На пути к Фалезу 147
Фалезский котел 176
Результаты кампании в Нормандии 197

Глава 3. ПОДГОТОВКА К СРАЖЕНИЮ В АРДЕННАХ 213
Предпосылки Арденнского наступления 219
Состояние дивизии перед наступлением и план действий 226

Глава 4. АРДЕННСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ 240
Бои за Бютгенбах 255
На новом участке 266

Бои под Бастонью ... 271
Итоги и выводы операции «Вахт ам Райн» ... 282

Глава 5. В БОЯХ С КРАСНОЙ АРМИЕЙ ... 286
Дивизия перед Балатонской операцией ... 300
Операция «Пробуждение весны» ... 302
Отступление от озера Балатон до рейхсграницы ... 320
В обороне имперской территории ... 343
Заключение ... 355

Глава 6. ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ... 356

ЛИТЕРАТУРА ... 366
Документы ... 366
Мемуары, дневники, персоналии ... 366

ИСТОРИОГРАФИЯ ... 367
Энциклопедии и справочные издания ... 367
Общие работы о Второй мировой войне ... 367
Германия во Второй мировой войне ... 368
История СС и войск СС ... 371

Научно-популярное издание

Враги и союзники

Пономаренко Роман Олегович

12-я ТАНКОВАЯ ДИВИЗИЯ СС «ГИТЛЕРЮГЕНД»

Выпускающий редактор *М.К. Залесская*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*
Верстка *И.В. Левченко*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 15.12.2009. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 12 Тираж 3000 экз. Заказ В-1983.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

Враги И союзники

12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд», без преувеличения, является одной из самых легендарных дивизий немецкой армии периода Второй мировой войны. Укомплектованная личным составом ниже обычного призывного возраста, из-за чего часто именуемая дивизией «семнадцатилетних», она произвела подлинный фурор в период Нормандской кампании 1944 г., полностью окупив все вложенные в нее средства и заслужив признание и уважение как у своих товарищей, так и у противников. При этом дивизия СС «Гитлерюгенд» оказалась едва ли не единственной дивизией СС, созданной после 1943 г. и не потерявшейся в тени «классических» дивизий СС, таких как «Лейбштандарт», «Дас Райх», «Тотенкопф» или «Викинг».

ISBN 978-5-9533-4617-7

9 785953 346177

ВЕЧЕ